

Красивый Путь Огненного Фазана

16+

Лиза Лим

Лиза Лим
**Красивый Путь
Огненного Фазана**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67185603

SelfPub; 2022

Аннотация

В государстве Северная Вершина люди рождаются, отмеченные знаками священных Пращивотных. Дочь правителя, юная Велисия, отмечена фазаном, а ее хранитель и первая любовь, Иртан, носит на руке символ волка.

Когда драконы атакуют замок и похищают отца Велисии, она и волк оказываются отброшены неведомой силой далеко в чужую страну. Велисия терзаема чувствами к волку и обязательством перед пропавшим без вести отцом, которому она обещала выйти замуж за принца соседней страны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	76
Глава 6	96
Глава 7	110
Глава 8	134
Глава 9	161
Глава 10	173
Глава 11	192
Глава 12	205
Глава 13	224
Глава 14	242
Глава 15	266

Лиза Лим

Красивый Путь Огненного Фазана

Глава 1

Шел 544 год Новой Эры. Уже более пятнадцати лет брелонство Северная Вершина находилось в состоянии относительного процветания. Государство сумело восстановиться после нападения Синих Драконов и сохранить свою свободу. Брещи в стенах его столицы были закрыты, погибшие воины похоронены с почестями. Сегодня, в седьмой день волчьей луны, должна была состояться инициация девятнадцатого поколения Красных Волков. Братство Красных Волков являло собой сообщество воинов, отвечающих за личную безопасность брелона и членов его семьи. Братство отбирало в свои ряды совсем еще юных мальчиков, возраст которых разнился от четырех до десяти лет, и взращивало будущих хранителей в стенах брелонского замка. Быть Красным Волком считалось почетным уделом, отбор в братство велся строго, однако, попасть туда мог как наследник влиятельного вельможи, так и сын обувщика, свои места в рядах Волков мальчишки завоевывали в равных условиях.

Непреложным критерием отбора был в первую очередь символ волка. Мальчик должен был быть непременно отмечен знаком Праволка, маленьким родимым пятном в виде двух полумесяцев, расположенных один над другим. Рожденные под этим знаком всегда считались сильными, отважными и верными, а главное, способными поставить общее благо выше собственных нужд и желаний. Отбор проводился в три этапа. На первом этапе проверялись умственные способности мальчиков. Старейшины братства задавали юнцам три вопроса-загадки, в каждой из которых был подвох. Только сумевшие ответить верно, допускались к следующему испытанию, которое проводилось ровно одну седмицу. В течение этого времени мальчикам положено было помогать самым молодым волкам в их ежедневных заботах о ведении быта братства. Все эти дни мальчикам не дозволялось ничего съестного, кроме серого хлеба и голубиных хрящей. На восьмой день волчат ожидало последнее, самое суровое испытание. Вместе с членами братства им нужно было добраться до Волчьей Скалы, той самой, где жил когда-то Праволк. Дорога занимала порой до нескольких дней и была трудна не только для детей, которым не могли помочь старшие, не имевшие права вмешиваться в ход испытания. Сквозь снежную бурю, по покрытым ледяной коркой камням. Только те, у кого хватало сил, ловкости и отваги забраться на самую вершину становились Красными Волками первого, самого низшего ранга.

Именно в первый день отбора шестилетняя брелина, Велисия, увидела волчонка, который впоследствии стал очень важным человеком в ее судьбе. Велисия наблюдала за испытанием из отцовской ложи, что возвышалась над главным заседательным залом замка, и откуда открывался отличный вид на все, что происходило внизу. На отбор пришло около сорока мальчиков, большинство из них были постарше, но присутствовало и несколько малышей. Во время первого испытания Велисия жутко удивилась, увидав, как мальчик примерно того же возраста, что и она, верно отгадал все три загадки. Девочка испытала укол беззлобной детской зависти, ведь сама она разгадала лишь одну и то с подсказки старшего брата. Еще больше ее удивило то, как мальчик был одет. На нем были короткие светлые льняные штанишки и такого же цвета свободная рубаха. Они не были дырявыми или грязными, но сразу выдавали низкое происхождение мальчика. Как он мог быть умнее нее, дочери самого брелона? Она в свои шесть уже умела читать и писать, что вряд ли можно было сказать про этого мальчика, чей отец, скорее всего, был простым земледельцем или ремесленником.

Заинтригованность юной особы возросла до небес, когда мальчик прошел второе и третье испытания. Два волчонка его возраста выбыли еще во время второго задания, не выдержав жизни на голодном пайке. Они были детьми каких-то знатных родителей, не пожелавших более мучить своих чад. Так волчонок остался самым младшим на испытании. Вели-

сия видела, как он в числе последних прошел через главные ворота, маленький и изможденный, и упал ничком. Девочка даже вскочила на ноги и почти бросилась к нему, но была поймана за руку братом.

– О нем позаботятся, – снисходительно улыбнувшись, заверил он.

И о нем действительно позаботились. Как и о восьми его братьях, тоже прошедших испытание. С того дня они стали членами братства, Красными Волками. Их жизнь принадлежала брелону, братство было отныне их семьей. Им предстояло всю жизнь прожить в Красном крыле замка, где располагалось братство. Они никогда не могли жениться и завести детей. Их сердце и разум должны были безраздельно принадлежать брелону и его семье. Родные мальчиков получили щедрое вознаграждение за то, что вверили судьбу своих детей в руки Волков.

После всего увиденного маленькая, но тогда уже отличавшаяся сильным характером, брелина изъявила желание обучаться всем наукам вместе с волками. Брат, которому было девять, уже четыре года посещал все занятия с ними. Это было чем-то само собой разумеющимся для того, кто в будущем должен был унаследовать трон. Однако зачем там учиться брелине? Ей полагалось лишь быть слегка начитанной, уметь играть на музыкальных инструментах и танцевать. Ей предстояло стать в будущем женой наследника союзнической страны, большего от нее не требовали. Все же

отец, любивший дочку до беспамяත්ства, такому внезапному желанию не воспротивился, и Велисия стала первой девочкой, начавшей посещать школу братства.

На первом же уроке она внимательно оглядела всех присутствующих, ища знакомого волчонка. Он сидел в первом ряду, внимательно слушая учителя. К облегчению Велисии, мальчик уже не выглядел истощенным, хотя с отбора прошло всего несколько дней. Когда урок был окончен, а детям разрешено было поиграть во дворе, Велисия со свойственной брелонской особе уверенностью подошла к волчонку.

– Здравствуй, меня зовут Велисия, а тебя? – вежливо спросила она.

Мальчик опешил, смотря на нее широко раскрытыми темно-кариими глазами. Он даже слегка побледнел, словно увидел привидение, но быстро совладал с собой.

– Иртан, – робко ответил он.

– Благодарю прародителей за встречу с тобой, – чинно произнесла девочка древнее выражение, означавшее радость знакомству.

– Пусть звезда провидения сведет нас снова, – не уступил ей Иртан, сказав правильное ответное выражение.

Услышав его, девочка просияла во весь рот, в котором не хватало пары недавно выпавших молочных зубов.

– Мне очень понравилось, как ты прошел испытание с загадками, надеюсь, я тоже когда-нибудь стану такой сообразительной, – беззаботно сказала Велисия.

Иртан взъерошил волосы у себя на затылке, не зная, как реагировать на столь восхищенное высказывание венценосной особы. В этот момент Велисию окликнула ее кормилица, обозначив, что ей пора возвращаться в свои покои.

– Поговорим еще завтра? – все так же лучезарно улыбаясь, спросила девочка.

Иртан только и смог, что кивнуть. Просияв еще раз, Велисия удалилась, оставив волчонка еще долго в недоумении смотреть ей вслед.

Родимые пятна на тыльной стороне ладони в форме знаков прародителей, олицетворенных различными животными, были явлением весьма частым, но встречались не у каждого. Считалось, что в монаршей семье знаками должны быть отмечены все без исключения ее члены, ведь они избраны являть волю прародителей народу. Отец Велисии, Раион Четвертый Пропавший, был отмечен знаком льва, считавшимся брелонским по определению. Пралев был известен своей силой духа, храбростью и умением вести за собой толпу. Мать Велисии, скончавшаяся сразу после рождения дочери, была родом из соседнего брелонства, и тоже имела отметину на руке. Ее знаком был олень, символизирующий силу мягкости и доброты. Сама Велисия была отмечена знаком фазана, которого отличала яркость, уверенность и привлекательность. С детства маленькую брелину стали называть огненным фазаном, из-за ярко-рыжих, с лиловым переливом

ВОЛОС.

Только ее старший брат был рожден, не отмеченный знаком прародителей. Велисия узнала об этом лишь, когда ей было тринадцать лет, в ходе очередной ссоры с родственником. Тот в порыве гнева выпалил, что ей не нужно его слушаться или уважать как брата, потому что он, возможно, им и не является. Сбитая с толку брелина, попросила отца объяснить ей, что юноша имел в виду. Брелон побледнел и посинел, услышав слова дочери, три раза убедился, что их разговор никто не услышит, потом усадил дочь рядом с собой и взял с нее слово, что она никогда и никому не расскажет то, что он ей поведаст. Отметина льва считалась отличительным знаком их рода, с ним были рождены отец брелона, отец его отца и так далее. Однако не все мужчины в их роду всегда рождались с этой отметиной. Обычно священным символом на теле непременно должен был обладать первенец. Пару раз случалось, что первенцем и обладателем знака становилась дочь. В таких случаях именно ей следовало передать трон, а так как по законам Северной Вершины женщина не могла самостоятельно управлять государством, ее выдавали замуж за знатного мужчину, обязательно потомка одного из местных родов, и правление страной им надлежало совершать совместно. Но было и несколько случаев, когда первенец рождался без львиного знака. Тогда считалось, что брелонская семья чем-то прогневила прародителей. Такие случаи тщательно скрывались. Так случилось и с бра-

том брелины, Леегом. По обычаям Северной Вершины брелонского первенца, а также его отметину уже на следующий день после родов следовало продемонстрировать членам государственного совета, а после и простому народу, дабы засвидетельствовать, что прародители благословили правителя настоящим наследником. Чтобы скрыть отсутствие у Леего знака, почти сразу же после родов малышу на тыльную сторону ладони нанесли рисунок в виде двух петель с хвостами, направленными друг к другу. Это был символ льва, как у его отца. Таким образом, честь их рода была спасена, и ни одна живая душа по сей день не знала о том, что случилось в ночь, когда родился наследник.

Десять лет прошло с тех пор, как Иртан присоединился к Красным Волкам. Он прошел от первого ранга до седьмого, и настал день, когда его и еще десять его братьев объявят полноправными членами братства, переведут из учеников в воины. День, которого Иртан столько лет ждал с нетерпением, ради которого трудился на пределе возможностей. Молодой волк, превратившийся за десять лет из хилого мальчишки в высокого, сильного парня, стоял в огромном зале для торжеств, по правую руку от своего лучшего друга Армила, младшего сына главы Брелонского Совета Мудрости. Они вместе проходили отбор в братство и из девяти отобранных тогда волчат стали первыми, кто дошел до седьмого ранга. Внутри у Иртана все дрожало. Его нервировало большое

скопление людей вокруг них. Он все еще не до конца верил, что действительно станет первым из их поколения, кто приступит к исполнению прямых обязанностей Волков. Для Армила это было естественно. Еще тогда, десять лет назад, он был крепким ребенком, на голову выше сверстников. Сообразительности и смекалки у него тоже было хоть отбавляй, в придачу к врожденным качествам вождя.

С Иртаном все было немного иначе. Он всегда был необычным ребенком. Младший сын сапожника. В их семье было восемь детей. Его мать была отмечена знаком лягушки, а дед был рыбой. То, что мальчик родился волком, считали странным, потому что в роду у его родителей их никогда не было. Иртан часто бродил в лесу один, играя с волчатами, к которым его спокойно подпускали взрослые волки. С братьями и сестрами мальчик общался редко, родители всегда были заняты работой или хлопотами по дому, так что все его знания и жизненную мудрость передал ему дед, единственный человек, к которому Иртан был искренне привязан, хотя тот, в свойственной рыбам манере, никогда не показывал, сколько внук для него значил. Волевым решением отдать сына в Красные Волки принял отец: в то время у их семьи были тяжелые времена. Мать безутешно плакала, ожидая возвращения Иртана с последнего задания. В тот день у главных ворот она не смогла сдержать мучительный вопль, когда увидела, как ее мальчик падает ничком на мостовую. Тогда ей даже не позволили к нему подойти. Все же спустя пару дней

Иртану дали возможность проститься с семьей. Все семейство пригласили в замок, где они сказали «прощай» маленькому волку.

– Заведи себе хорошего друга, Иртан, – сказал дед, потрепав мальчика по голове, выказав неслыханную по меркам рыбы нежность.

Дед не сказал «друзей», он сказал «друга», зная, что именно одного верного друга Иртану будет достаточно. Так и вышло. Иртан был беспредельно счастлив иметь такого друга как Армил. «Я нашел его, хорошего друга. Я сделал, как ты сказал, дед. Надеюсь, ты счастлив. О, пошли мне благословение в этот день. Прародители да будут со мной», – подумал волк, глядя на снующих туда-сюда слуг, отчаянно доделывавших последние приготовления для церемонии. Дед сильно болел после того, как мальчик ушел к Красным Волкам. Он умер через три года – так Иртану сообщили известники, придворные проныры, которые за несколько монет могли для тебя узнать любую информацию.

Иртан кашлянул, пытаясь избавиться от образовавшегося вдруг в горле комка, и глазами стал искать ее. Копна длинных выющихся лилово-рыжих волос взметнулась в другом конце зала. Она смеялась. Волк был слишком далеко, чтобы слышать ее смех или видеть ее темно-синие, словно камень иолит, глаза, но он знал, что они в тот момент искрились не наигранным теплом. Со своего места Иртан лишь разглядел очертания ее изящного профиля. Брелина разговаривала со

своим женихом, принцем Империи Белого Дракона. Ему Велисия была наречена в невесты еще в младенчестве. Их союз должен был укрепить отношения между двумя государствами, обеспечив тем самым Северной Вершине преимущество в борьбе с Синими Драконами, то и дело норовившими снова обострить отношения. По удачному стечению обстоятельств драконьи кланы враждовали уже несколько веков, что послужило шансом для Севера занять сильных союзников. Всем брелонствам на триста тысяч миль было известно, что Драконами себя эти кланы именовали не просто так. Поговаривали, что раз примерно в сто зим рождался там человек не просто обладающий выдающейся силой, как другие из драконьего рода, но и способный переродиться в огнедышащее чудовище. Никто, правда, никогда не видел, чтобы такое происходило, но уж лучше быть союзником такого клана, чем врагом.

«Глаза у него точно, как у мерзкой рептилии», – подумал Иртан.

– Эй, друг любезный, сделай физиономию попроще! – пробасил Армил, хлопая друга по плечу, но взгляд у него был понимающий. Все волки в некотором роде недолюбливали драконов, слишком уж заносчивые они были.

Наконец, приготовления были завершены, старейшины Красных Волков вышли вперед, ознаменовывая начало церемонии инициации. Почетные гости из разных брелонств расступились, пропуская молодых волков. Парни выстрои-

лись в прямую линию, представ перед собравшимися.

Старейшины по очереди произнесли нестерпимо длинные речи, повествующие об истории братства, о многочисленных подвигах его членов, о том, через какие невзгоды Волки и члены брелонской семьи прошли рука об руку в течение многих декад. Речи мало изменялись от одной церемонии к другой, и Иртан слушал в пол уха, прокручивая в голове как скороговорку клятву, которую ему вот-вот нужно будет произнести, боясь запутаться.

«Во имя Прародителей, всемогущих и справедливых, я вступаю на пост воина братства Красных Волков. Клянусь до конца своих дней собственной жизнью защищать правителя и всех крови его и народ Северной Вершины. Обязуюсь всегда заботиться о благе Северной Вершины в обход лично-го. Обязуюсь любить своих братьев, и помогать им мечом и советом. Клянусь всегда, безраздельно и в любых обстоятельствах подчиняться старшим братьям.

Никогда не заведу семью, ибо нет для меня отныне другой семьи, кроме брелона и всех крови его.

Обязуюсь в любое время, в нужде или в процветании, с достоинством нести звание Красного Волка, никогда поступком или словом не осквернить данного мне названия.

Сердце мое, воля моя и жизнь моя принадлежат лишь Прародителям и правителю.

До конца моих дней или мира».

Не успел Иртан повторить клятву у себя в голове, как Ра-

ион Четвертый предстал перед молодыми волками. Будущие воины опустили на одно колено и как один произнесли клятву. Дрожь в сердце Иртана унялась сама собой, сменившись уверенным спокойствием. Раион подошел к каждому и, прикоснувшись к макушке отмеченной рукой, произнес: «Принимаю твою жизнь, Красный Волк, и благодарю за нее Прародителей».

Волки поднялись на ноги, чтобы перейти к самой приятной части инициации. По традиции самый младший и слабый член брелонской семьи отмечает каждого воина знаком Праволка, тем самым символизируя, что отныне братья своей силой изгонят слабость. Этим самым членом семьи была Велисия. В красном церемониальном платье, делавшем ее волосы, свободно струящиеся по плечам, еще более огненными, с пером фазана, вплетенным в мелкие косы на макушке, она, почтительно поклонившись, взяла у Главного Старейшины небольшую каменную чашу с красным пигментом.

С чрезвычайно сосредоточенным и серьезным выражением лица девушка подошла к каждому новоиспеченному воину, и, окунув в алую пасту два перста, начертала им на каждой щеке полумесяц, устремленный рогами вверх. Когда фазанка оказалась напротив Иртана, ее пухлые губы все же слегка тронула улыбка, и волка обдало жаром от мимолетного прикосновения ее прохладных пальцев.

Велисия двинулась к следующему волку, когда пол под ногами присутствующих затрясло с невероятной силой, а с по-

толка посыпалась пыль. Крыша с другой стороны зала обрушилась, воздух разрезали людские крики. Раздался оглушительный звук бьющегося стекла. Высокие окна зала рассыпались тысячами осколков, и в зал ворвались они. Драконы. Это были настоящие драконы. Огромные чудовища. Самый крупный из них устремился в сторону волков и венценосной семьи. Старшие братья вмиг подскочили, чтобы закрыть их собой, но когтистые лапы монстра тотчас схватили брелона за грудки. Тучное тело правителя взмыло в воздух. Душе-раздирающий вопль оглушил Иртана справа. Велисия.

Опомнившись от оцепенения, Иртан схватил брелину за руку и потянул в сторону. Она кричала, вырывалась и пыталась бежать туда, куда только что улетело чудовище. Но дракон уже скрылся, и был виден лишь его удаляющийся силуэт на фоне ослепительно голубого неба, видневшегося сквозь дыру в крыше. «Я должен увести ее отсюда, спрятать в безопасном месте!» – Иртан перекинул брыкающуюся девушку через плечо и рванул вперед, что было мочи, сквозь беснующуюся в панике толпу.

«Какого леща он творит?» – пронеслось в голове койота, троюродного брата брелины, когда тот увидел кузину, отчаянно дрыгающую конечностями, на плече у волка. Молодой человек стал прорываться сквозь толпу в их направлении, желая помочь родственнице. Фигура девушки внезапно начала светиться. Койот был всего в паре шагов от нее, ошеломленный, он протянул к брелине руку.

Вдруг волк ощутил сильный жар, исходящий от тела Велисии, его плечо обожгло как огнем. Волк поморщился, но обхватил брелину крепче, чтобы не уронить. Иртана ослепила вспышка света, он потерял ориентацию и ощущение своего тела. Где-то близко брелина оглушительно крикнула. Волк лишился чувств.

Глава 2

Койот пришел в себя от резкой боли в боку. Он лежал на чем-то твердом и прохладном, вокруг пахло сыростью и листвой. Он слабо простонал и потер бочину рукой, от чего боль многократно усилилась. Его пальцы покрылись теплой влагой. Койот открыл глаза и осмотрел рану. Между ребер, разорвав дорогую ткань темно-зеленого кафтана, торчал заостренный кусок дерева.

– Гиену мне в жены, как это меня так угораздило... – ругнулся молодой койот. Помедлив, он сделал глубокий вдох, отозвавшийся болью, и ухватил деревяшку, намереваясь ее выдрать.

– Стой, – остановил его знакомый голос.

Койот огляделся и увидел в нескольких шагах от себя брелину. Вид у нее был странный. Огненные волосы растрепались, торча во всех направлениях, кое-где в них запуталась опавшая листва. Платье было испачкано и местами порвано. На лице тоже виднелись следы грязи. Но больше всего выделялись ее большие синие глаза. Они словно бы опустели.

– Сначала надо придумать, чем перевязать рану, а уж потом вынимать осколок, а то истечешь кровью, – спокойно сказала она.

Койот не успел ничего ответить, как фазанка присела рядом с ним. Резким движением руки она оторвала длинный

лоскут от нижней юбки своего платья, затем еще один, который она сложила в несколько раз. Потом с некоторой нерешительностью брелина потянулась к деревяшке.

– Давай лучше я, у тебя силёнок не хватит, – в своей привычной дразнящей манере сказал койот.

Против обыкновения Велисия ничего не возразила, только убрала руки. Койот нахмурился. Одним молниеносным движением он выдернул кусок дерева из своей плоти, при этом сдержанно ахнув. Брелина тут же перевязала ее лоскутом, завязав на небольшой бантик с другого бока, руки у нее дрожали.

– Ваше Высочество, с вами все в порядке? – послышался голос сзади. Иртан, вид у которого был такой же потрепанный, как у остальных, вышел из-за деревьев.

– Все нормально, Иртан, – без выражения ответила брелина.

Волк и койот переглянулись. Ситуация была не из привычных. Каким образом они оказались в лесу? Последнее, что койот помнил, была атака драконов. Он видел, как один из них похитил брелона.

– Анджин, ты знаешь, где мы? – окликнула его Велисия.

– Мы в лесу, – ответил парень, прибавив прежде, чем девочка успела рассердиться, – больше ничего не могу сказать. Кажется, начинает смеркаться, сколько мы пробыли в отключке?

Брелина подняла глаза к небесам, которые действительно

начинали темнеть.

– Нам необходимо осмотреться, – сказал Иртан, напряженно вглядываясь в гущу леса.

Внезапно Велисия вскочила на ноги, подошла к волку вплотную, схватив ткань его алой накидки тонкими пальцами.

– Мы должны вернуться, Иртан. Мы должны помочь отцу! Пожалуйста, спаси его! – ее голос дрогнул.

– Я сделаю все, что только смогу, Ваше Высочество, но, возможно, придется ждать до утра, если не доберемся до людей засветло, – виновато произнес молодой волк, не в силах даже взглянуть в глаза венценосной фазанке.

Молодые люди обернулись, услышав за собой невнятное кряхтение. Это был Анджин, пытающийся подняться на ноги. Иртан поспешно протянул ему руку.

– Я бы предпочел помощь брелины твоей лапе, – беззлобно сказал он, протягивая руку девушке.

Велисия взяла ее, раздраженно вздохнув, и потянула на себя. Койот, разумеется, был для нее слишком крупной ношей, и Иртан помог ей поднять парня, подхватив его с другой стороны.

Троица принялась пробираться сквозь лесную чащу. Не прошло и половины часа, как тьма опустила на лес. Брелина впотьмах не заметила торчащий из-под земли корень дуба и, споткнувшись, едва не упала, спасенная лишь ловкостью шедшего рядом волка, вовремя подхватившего ее за локоть.

– Не пора ли устроиться на ночлег, Ваше Высочество? – спросил Иртан. Белки его глаз блестели в лунном свете.

Брелина колебалась, ужасно огорченная тем, что придется потерять столько времени даром.

– Шакалья мать! – послышалась сзади ругань Анджина, который тоже, кажется, споткнулся.

– Хорошо, устроим привал, – обреченно вымолвила Велисия.

Расположились тут же, каждый уселся под деревом, откинувшись на ствол спиной. Иртан отдал брелине свою накидку, чтобы она могла на нее сесть, почва была сырой от недавно прошедшего дождя. Велисия запротестовала, но волк не принимал отказов.

В лесу было необычно тихо. Не было слышно ни шороха листвы, ни стрекота сверчков, ни уханья сов. словно не было ни одной живой души вокруг. Иртану не спалось. Он слышал, как засопел рядом койот. Этому чудаку все нипочем, хотя он тоже, кажется, беспокоился о брелине... Волка переполняла внутренняя дрожь во стократ сильнее, чем та, что он испытал перед инициацией. Сегодня утром он опасался, что не справится с ролью воина, а теперь уже точно знал, что провалился. В первый же день несения службы он не сумел выполнить своего предназначения: не уберег брелона. Где он сейчас? Жив ли? Дракон схватил его за грудь, вонзив когти в толстую ткань торжественной мантии, но ранил ли он правителя? Этого нельзя было сказать точно.

Волк услышал тихий всхлип. Сдавленные рыдания – брелина плакала. По ее прерывистому дыханию, разрезавшему тишину ночи, он мог сказать, что она рыдала взхлеб, но пыталась не издавать звуков. Он видел такое прежде. Когда она сильно расстраивалась, но не подавала виду, стыдясь слёз. Молодой волк не знал, имел ли он право ее успокаивать. Могли ли какие-то его слова заставить ее почувствовать себя лучше?

– Мы обязательно найдем Вашего отца, я клянусь. Я положу свою жизнь на это! – горячо прошептал он, повернувшись в сторону брелины, хотя и не видя ее.

– Его...ведь...н-не убили, – сдавлено прошептала брелина, вновь задыхаясь от спазмов в горле.

– Шанс, что он жив, безусловно, есть, – сдержанно сказал волк, стараясь не давать девушке пустых надежд.

Дыхание брелины стало немного более ровным.

– Это были Синие Драконы? – спросила она.

– Наверное...не знал, что у них есть настоящие чудовища, раньше их никогда не использовали в боях.

– Белые ведь не могли быть в этом замешаны? – голос Велисии дрожал.

Иртан поморщился. Мог ли скользкий тип, называвший себя ее женихом, быть участником заговора? Вполне.

– Не могу знать, Ваше Высочество, – хмуро ответил волк.

– Почему ты всегда так официально со мной разговариваешь? – вдруг спросила брелина, тон ее был обвиняющим.

Ирган не нашелся с ответом.

– Я скучаю по временам, когда мы были детьми... – вымолвила Велисия. Конец фразы прозвучал смазано, она снова плакала, но тише, чем прежде.

Когда брелина успокоилась, и волк услышал ее тихое сопение, он ощутил усталость, и сам провалился в сон.

– Это что за щеночки? – насмешливо спросил скрипучий голос.

– Ты что, слепой, не видишь, что это люди? – ответил другой такой же голос.

– А почему тогда от двух из них несет псиной?

Койот неохотно разлепил глаза, недовольно морщась от того, что кто-то потревожил его сон. Его взгляд медленно сфокусировался, и он тут же подпрыгнул на месте, разглядев то, что нависло над его лицом.

– Пракойотовы когти! Отодвинься от меня! Что за чучело?! – прошипел он.

– Господин Собачья Вонь, не надо обзывать! – существо ответило на северовершинском и обиженно надуло то, что было губами. На самом деле это было нечто среднее между губами и клювом, по форме напоминало человеческие губы, но было темным и твердым как птичий клюв. Лицо существа походило на лицо пятилетнего мальчика, бледное, с глубокими тенями, залегшими под огромными черными глазами. На голове у него были густые черные волосы, спутан-

ные и торчащие во всех направлениях. Тело существа было сплошь покрыто перьями с иссиня-черным отблеском, напоdobие вороньих.

Напротив, сидя на корточках на толстой ветви дерева, было еще одно существо, похожее на первое, но немного старше, на вид как покрытый перьями мальчик лет восьми.

– Кто вы такие? – напряженно спросил Анджин. В этот момент он заметил, что его спутники тоже проснулись. Иртан враждебно смотрел на второго пернатого мальчика, который сидел к ним ближе, чем к койоту. Брелина ползком перебралась от своего дерева ближе к волку и теперь испуганно жалась к парню, который держал руку на рукояти меча, висевшего у него на поясе.

– Вы незаконно проникли на частную территорию и еще задаете какие-то вопросы? – язвительно ответил старший мальчик. Перья на его груди слегка вздыбились.

– Чью территорию? – раздраженно спросил койот.

– Вариссов, конечно! Весь этот лес наш! – не так язвительно, как его старший товарищ, а скорее с гордостью сообщил маленький пернатый.

– Вар... что? Впервые слышу! Что вы мне дичь какую-то гоните, все эти земли, включая леса, принадлежат брелону и Северной Вершине! – вконец взбешенный, выпалил койот, вскакивая на ноги. Иртан и Велисия тоже поднялись.

– Северной Вершине? Это с каких пор? – спросил старший мальчик-птица, презрительно скривившись.

– С таких, что так называется страна, в которой мы находимся, болван! – ответил Анджин.

– Хах, забавно, когда я сегодня проснулся утром, то был точно уверен, что государство, в котором находится Свободная Коммуна Вариссия, называется Анкринмрон, и правит им вот уже который год скряга Вальван Третий.

– Анкринмрон? – впервые подала голос брелина. – Разве это не страна далеко на юге? Но ведь до нее девять тысяч миль!

– Да, и правит там уже давно не Вальван Третий, а его дочь, Херберина, – поддержал ее Иртан, подозрительно глядя то на одного мальчика, то на другого.

– А! Тебя не так-то легко провести, волк! Ты прав, сейчас правит девица! – старший захохотал, издав при этом звук, подобный скрежету старой телеги.

– Откуда ты узнал, что я волк? – напряженно спросил Иртан.

– Да у тебя на лбу написано!

Младший мальчик, заговорщически понизив голос, добавил:

– И воняет от тебя не так сильно, как вот от этого! – указав на Анджина пальцем, после чего, сведя брови и осуждающе покачав головой, помахал перед носом ладонью.

– Что-о-о?! – возмутился Анджин, попытавшись вклепить мальчугану по затылку, но тот ловко увернувшись, перепрыгнул на дерево, где сидел старший. После чего спрыг-

нул на землю, очутившись прямо перед Велисией и Иртаном. Волк тут же шагнул вперед, закрыв собой брелину. Варисс снял с пояса, перевязанный веревочкой мешочек из больших зеленых листьев.

– Я собрал тебе эти ягоды, потому что они такого же цвета, как твои волосы, – сказал он, обращаясь к брелине, выглядывающей из-за плеча волка. Вороненок протянул мешочек ей.

Велисия хотела, было, взять его, но волк опередил ее, забрав мешок и раскрыв, чтобы изучить содержимое.

– Они не ядовитые? – настороженно спросил койот, поглядывая на маленького мальчика-птицу с отвращением.

– Выглядят как обычная зарянка, но я бы есть не стал, – сказал Иртан и собрался уже выбросить ягоды, но брелина остановила его руку. Девушка забрала у него сверток и подошла к вороненку.

– Спасибо тебе, как твое имя? – сказала она, немного наклоняясь вперед: варисс едва доставал ей до пояса.

– Рейдок, – ответил мальчишка, изобразив подобие улыбки.

– Меня зовут Велисия, приятно познакомиться, – брелина бесстрашно протянула вперед руку, Рейдок ее пожал. С удивлением девушка обнаружила, что рука у мальчишки была очень маленькой, а кожа на ощупь – твердой и прохладной, как у куриной лапы.

Тут старший варисс сказал Рейдоку что-то, что было по-

хоже на карканье, встал на ноги на ветке, где сидел, и, оттолкнувшись, подпрыгнул вверх. Оказавшись в воздухе, его туловище словно скукожилось, и он превратился в крупного черного ворона. Произошло это так быстро, что выглядело, словно он внезапно испарился, а на его месте тут же возникла птица. Ворон взмыл ввысь и скрылся из вида.

– Рад был познакомиться с тобой, Госпожа Велисия, – сказал Рейдок.

– погоди! Как нам выйти к людям? – поспешно спросила брелина.

– Идите все время на север, – Рейдок махнул рукой вправо, – и выйдете к селению.

Варисс подпрыгнул вверх и тоже превратился в ворона, только поменьше размером. Троица с недоумением глядела ему вслед, закинув головы к небу.

– Что это вообще было? – пробубнил Анджин.

– В любом случае, выбора у нас нет, придется идти, куда он показал, – сказала Велисия.

Государство Анкримрон (до реформы 495 года Арнхринмуркп) – суверенное государство на юге Большой Земли. Образовалось на месте древней стоянки полулюдей-полуворонов, называющих себя вариссами (до реф. 495 г. вархринри). До захватнических действий, совершенных в 442 году Вальваном Первым (до реф. 495 г. Вальквгван Первый), вся нынешняя территория Анкримрона принадлежала ва-

риссам. После захвата территории объединившимися племенами аннов и кримов (до реф. 495 г. арнны и хринны) было установлено единое государство. В 445 году в состав единого государства вошла Свободная Коммуна Вариссия. По сей день вариссы живут на выделенных нескольких гектарах весьма неплодородной земли.

Следуя указаниям Рейдока, к вечеру молодые люди добрались до маленькой деревушки, по виду ничем не отличавшейся от тех, что были дома. Путники лелеяли надежду, что странные дети-вороны подшутили над ними, сказав, что они попали в другую страну.

Однако, все надежды развеялись, стоило им войти в деревню. Все, с кем молодые люди пытались заговорить, либо испуганно тарацились на них, не отвечая, и спешили пройти мимо, либо отвечали что-то непонятное. Троица остановилась посреди дороги, потерянно озираясь по сторонам. Возле них у груженой сеном телеги разговаривали между собой две женщины. Одна была молодая, со светлой кожей, голубыми глазами и светлыми волосами, как у всех местных жителей, а другая сгорбившаяся старуха, опиравшаяся на толстую палку.

– Вы их понимаете? – спросил койот.

Велисия и Иртан покачали головами. Женщины разговаривали на языке, который ни один из них раньше никогда не слышал. Они странно растягивали слова и отрывисто про-

износили согласные. Брелина нервно теребила оборванный край рукава своего когда-то красивого платья, губы дрожали от бессилия и отчаяния. Старуха взглянула на них и что-то сказала молодой женщине, та громко ответила ей, словно выражая несогласие. Пожилая женщина слегка улыбнулась и направилась к северовершинцам.

Подойдя к путникам, она беззубо улыбнулась брелине и помахала ей рукой, словно приглашая следовать за ней. Молодые люди переглянулись, но пошли за старухой. Молодая женщина у телеги окатила их недовольным взглядом.

– Вы видели здесь хоть одного мужчину? Их нет, так странно, – заметила Велисия.

– Кажется, Анкринмрон сейчас находится в состоянии войны с Южной Низиной, – отозвался Иртан, – наверное, всех мужчин призвали на военную службу.

– Надеюсь, старушенция не попытается нас прикончить... – полусерьезно произнес Анджин, чем заслужил осуждающий взгляд брелины. Она обладала доверчивой натурой, а вот койот всегда был настороже. Волк посмотрел на него с некоторым пониманием, сам чувствуя себя более чем неуверенно в этой ситуации. Он неловко поправил меч на поясе.

Скоро четверо добрались до жилища женщины. Это был маленький деревянный домик с низкой крышей и резными окнами. Во дворе стоял большой деревянный стол и четыре стула. Старуха указала путникам на него рукой, приглашая присесть. Так они и сделали, напряженно переглянувшись.

Старуха вошла в дом, и через некоторое время оттуда вышел белокожий и светловолосый мальчик лет десяти и поставил на стол несколько свечей и три миски с ложками. В следующий раз мальчишка вернулся, неся в руках поднос с едой, он водрузил на стол кувшин воды, котелок с вареным картофелем и миску с какой-то очень пахучей рыбой.

Велисия радостно поблагодарила мальчишку, тот кивнул и ушел в дом. Все трое посмотрели на еду, слыша грозное урчание собственных желудков.

– Я первым попробую, меня не жалко, – воскликнул койот, накладывая себе в миску картофелины, от которых шел пар. Парень откусил большой кусок, сморщившись и похлопав ладонью по столу от того, что он был слишком горячий. Проглотив, он посмотрел перед собой, чуть скосив глаза, будто был пьян. Велисия ахнула.

– На отраву не похоже, – сказал Анджин, сделав нормальное выражение лица. Брелина закатила глаза.

Троица с жадностью уплела картофель, не рискнув отведать рыбу, поскольку от нее на всю округу разлило потными ботинками. Только они закончили, мальчишка собрал всю посуду и унес в дом. Через некоторое время старуха вышла к ним, сказала что-то койоту и волку и указала рукой на сарай. Затем, взяв Велисию за руку, потянула ее в дом. Брелина колебалась.

– Она не доверяет нам достаточно, чтобы впустить в дом, – сказал Иртан.

– Я бы таких подозрительных типов тоже не пустил, – потягиваясь, сказал Анджин.

– Мы поспим снаружи, – заверил брелину волк. Он успел осмотреть старухино жилище, пока та готовила для девушки ложе, и убедился, что ничего дурного та не замышляла.

Велисия еще помедлила, но потом все же последовала за женщиной. На улице совсем стемнело. Анджин и Иртан устроились в противоположных углах сарая, оказавшегося заполненным мягким сеном, наполнявшим деревянную постройку сладковатым свежим запахом поля.

– Думал ли я, что когда-нибудь мне придется спать в одном сарае с волком... – задумчиво произнес койот, глядя на звездное небо сквозь дыры в крыше.

Иртан ничего ответил, только перевернулся на бок и закрыл глаза.

Следующим утром молодых людей чуть свет разбудила брелина. Ей каким-то образом удалось узнать у мальчишки, где здесь ближайший город. Глаза фазанки светились, вновь преисполненные надежды. Вслед за брелиной в сарай вошла старуха, неся в руках какие-то тряпки и маленький глиняный горшочек. Она присела рядом с койотом.

– Она хочет обработать твою рану, – пояснила Велисия, тоже опускаясь на застланный сеном пол. Брелина развязала повязку, старуха обмакнула тряпицу в ведро с водой и омыла рану койота. Затем она нанесла сверху тягучее снадобье

травянистого цвета. Анджин поморщился.

– Больно? – взволнованно спросила Велисия. Койот ничего не ответил, лишь пристально на нее посмотрел, мысленно задаваясь вопросом, как эта девушка могла так слепо доверять первым встречным.

– Спасибо, – сказал Анджин, когда старуха закончила. Женщина по-доброму улыбнулась.

В ответ на проявленную доброту Иртан починил старую телегу, что стояла бесхозно во дворе хозяйки, и наколот дров.

Позавтракав твердой лепешкой и немного приведя себя в порядок, путники отправились в дорогу. Старуха намеревалась дать им с собой съестных припасов, но Велисия отказалась, взяв лишь немного воды. Было очевидно, что без мужчин в деревне старуха и ее внук и так еле сводят концы с концами. Обняв женщину напоследок, брелина помахала ей и мальчишке, и трое молодых людей покинули деревню.

– Она напомнила мне бабушку, – с грустной улыбкой на лице произнесла Велисия, когда путники шли через поле, – ты ведь помнишь ее, Иртан?

– Конечно, она всегда была очень добра ко мне, – задумчиво глядя вдаль, ответил молодой волк. Бабушка Велисии с материнской стороны была очень добросердечным и простым человеком. Маленькие волчата все относились к ней как к родной. Она часто наблюдала за тренировочными боями будущих воинов и всегда угощала мальчишек сладостями.

ми. Иртан часто фантазировал, что такой была его собственная бабушка.

– Мне не хватает ее нагоняев, – с искренней грустью добавил Анджин. Велисия мягко ему улыбнулась.

Бабушка Велисии скончалась от сердечной болезни, когда брелине и Иртану было восемь, а Анджину десять. Весь замок тогда горевал по ней. Эта маленькая, хрупкая женщина излучала тепло и дарила его всем без разбора, не отличая возрастов, положений или статусов, в этом юная фазанка была на нее похожа. Иртан всегда думал об уходе женщины как об окончании своего детства.

Велисия шла, перебирая пальцами правой руки кулон, висящий на длинной тонкой цепочке. Он был вырезан в форме меча из камня, похожего на нефрит. Рукоять меча была сделана в форме двух драконьих крыльев, а его лезвие с одной стороны было темно-красным как засохшая кровь.

– Любопытная вещица, не видел, что бы ты надевала ее раньше, – заметил Анджин.

– А, это? Хару подарил его на мой день рождения.

– Странное украшение для девушки, – сказал койот с едва уловимым раздражением в голосе.

– Я тоже сначала так подумала, – немного смущенно призналась брелина, – но он принадлежал еще его прапрадеду, а нет... его прапрапрадеду, – сказала девушка, загибая пальцы, – мне было приятно. Кстати, мне показалось, что перед тем, как мы переместились из замка, кулон стал очень горя-

чим.

– Думаешь, наше перемещение связано с этой побрякушкой? – заинтересованно спросил койот.

– Я не уверена...я...плохо помню то, что тогда произошло, – сдавленно произнесла брелина, отворачиваясь, пряча лицо.

– И когда же у вас с этим ящером намечается свадьба? – спросил Анджин с издевкой, но явно пытаюсь отвлечь брелину от неприятных мыслей.

– Совсем скоро...хотя теперь уже не знаю, – хмуро ответила Велисия, украдкой взглянув на Иртана, который, казалось, не обращал никакого внимания на их разговор. Взгляд, однако, не укрылся от Анджина. Он посмотрел на волка, потом снова на брелину и провел рукой по своим светло-каштановым, кудрявым волосам, неприятно усмехнувшись. «Этот болван даже не догадывается», – подумал койот.

Заночевать пришлось прямо посреди поля. К удаче путников воздух заметно потеплел с позапрошлой ночи, и почва уже не была влажной. Иртан снова предложил Велисии лечь на его накидку, но та очень настойчиво отказалась, заверив, что земля сегодня не холодная. В итоге волк сделал для нее подстилку из сухих стеблей какого-то полевого цветка – воспитание не позволило ему дать брелине спать на голой земле. Вскоре все трое улеглись: Велисия посередине, волк и койот на некотором расстоянии по обеим сторонам от нее. Ночь была теплой и ясной. Фазанка смотрела на бесчислен-

ное скопление звезд в черной бездне и про себя молилась: «Прародители, живущие на небесах, дорогие мои мама и бабушка, благодарю вас, что послали мне этих двух мужчин, которые не дают мне опустить руки. Сохраните жизнь моему отцу, позаботьтесь о брате».

В ночной тиши девушка слышала, как замедлилось дыхание ее спутников, они уже спали. Поколебавшись минуту, она осторожно перевернулась на бок. Справа от нее, лежа на боку, спал Иртан. Она скользнула взглядом по его лицу. Во сне оно выглядело таким безмятежным, словно его обладателя ничего в этом мире не тревожило. Велисия забыла, когда она в последний раз видела у волка такое выражение. В лунном свете девушка могла видеть все его черты очень четко. Короткие, жесткие черные волосы немного торчали, длинная челка ложилась на лоб. На смуглом лице выделялись прямые брови и нос. Монолитные веки его узких, миндалевидных глаз были закрыты. В последнее время они с Иртаном почти не виделись, он был слишком занят в братстве. Вообще, за последние годы он отдалился от нее, осознав свое положение в ее жизни. Велисия всегда относилась к волку как к равному, но он был осведомлен о том, что ему не было позволено сближаться с брелиной. Он был всего лишь слугой ее отца, верным сторожевым псом, не более.

В детстве они были очень близки, волчонок всегда объяснял маленькой брелине, когда ей было что-то непонятно, играл с ней, утешал после ссор с братом. Но в тот год, когда им

минуло одиннадцать, все изменилось. Подготовка Иртана в братстве стала намного жестче, он начал понимать, насколько тяжелое бремя лежит на воинах Красных Волков. В то же время жених Велисии, красивый мальчик на три года старше них, стал все чаще приезжать в замок вместе со своим дядей. Брелине он нравился. У него было очень аристократичное лицо, и он тогда уже был довольно высоким. Будучи на три года старше, он, казалось, знал очень много такого, о чем юная фазанка и помыслить не могла. К тому же Хару с раннего возраста везде сопровождал своего отца и побывал во многих землях и странах. Юная брелина и дракон проводили все больше времени вместе. Велисия заметила, что в то же время Иртан резко охладил к ней, и из-за этого она еще охотнее шла на сближение с Хару. Но в сердце девочки затаилась обида, она чувствовала себя отвергнутой и преданной.

Повзрослев, Хару тоже изменился, стал холоднее, жестче. Он все еще хорошо относился к Велисии, но ей казалось, что тот все больше сдерживается в общении с ней и с другими, пытается сохранить лицо. Он мог быть предельно вежливым и дружелюбным с тем, от кого ему что-нибудь было нужно, но брелина могла сказать, что это только игра. Постепенно она все чаще стала замечать, что не может определить, к кому дракон испытывает искреннюю симпатию, а кому угождает ради своей выгоды. К тому же с годами юный принц становился все умнее, и иногда изощренность его ума пугала брелину. Ее не отпускало чувство, что молодой человек очень

многое от нее скрывает.

Ирган прервал внутренние рассуждения Велисии, внезапно открыв глаза. Брелина зажмурилась, пытаясь притвориться спящей, ее сердце бешено колотилось в груди. Через несколько секунд она почувствовала, как волк бережно укрыл ее своей накидкой.

Глава 3

В столице Северной Вершины уже три дня царила гнетущая атмосфера неопределенности. В замке, в городе и в округе перевернули все вверх дном, ища исчезнувшую брелину. Никто не знал, как она пропала, но очевидцы утверждали, что не видели, как на нее напал дракон.

Похищение брелона вызвало панику в Совете Мудрости и среди чиновников. Все произошло так быстро, что никто не мог точно описать, как именно протекали события того злополучного утра. Большинство гостей и жителей замка сходились на том, что драконов было трое. Самый крупный из них был ростом вдвое выше городской стены и едва поместился в огромном церемониальном зале, пробив головой крышу, он и похитил брелона. Два других дракона были немного меньше, однако, в общем, нападение этих существ повлекло смерть семерых человек. Четверо из погибших служили в замке, один был помощником звездочета, а двое были представителями знатных родов. Помимо этого, сразу после нападения исчезла брелина, ее кузен и молодой Красный Волк, которых после суматохи, возникшей во время церемонии инициации, больше никто не видел.

Присутствие на церемонии наследника Белых Драконов вызвало много подозрений. В Совете Мудрости сочли, что атака на брелона и его похищение вполне могло быть их рук

дело. Драконий наследник, Хару, разумеется, утверждал, что понятия не имеет о том, кто мог стоять за этой провокацией. Много лет назад по разным брелонствам ходили слухи, что глава Синих Драконов прячет в своем замке детенышей драконов, но никто не видел их своими глазами. В итоге обвинения в сторону Хару так и остались бездоказательными. Он прибыл в соседнее государство без какого-либо даже малочисленного войска, сопровождаемый лишь дядей. Данные обстоятельства заставили сторонников этой теории отступить, никто не желал обострений в отношениях с союзником.

В отсутствии брелона его обязанности временно исполнял наследник трона, брат Велисии, девятнадцатилетний Леег, высокий, болезненного вида, юноша. Все еще не совсем способный перебороть волнение и неловкость, Леег сидел во главе длинного стола в совещательном зале, стараясь смотреть на членов Совета Мудрости без паники в глазах. По правую руку от него сидел Хару, к недовольству некоторых членов Совета, считавших, что чужаку тут нечего делать. Несмотря на это, ситуация была критической, а о способностях Леега, как правителя, было известно мало, поэтому, когда он изъявил желание пустить дракона на совет, никто не возразил.

– Необходимо срочно собрать войско и выступить на Синих Драконов! – заявил самый молодой член Совета от Красных Волков.

– Мы не можем вторгнуться на чужую территорию с теми воинами, что находятся в столице, а сбор войск с окружающих провинций займет какое-то время, – произнес воевода Бражник.

– Это развяжет войну, а мы даже не знаем, там ли действительно находится Его Величество! – возразил грузный пожилой мужчина, казначей, бросив взгляд в сторону Хару.

Молодой дракон остался невозмутимым, его светло-голубые, словно прозрачная вода, глаза не показывали абсолютно никаких эмоций. Выражение его лица выдавало лишь вежливую заинтересованность.

– У одного из чудовищ на шее было знамя Синих Драконов, но это могло быть просто уловкой, – добавил еще один дружинник.

– Желаете отправиться к Его Императорскому Величеству и спросить? – все так же невозмутимо спросил Хару, только его глаза слегка сощурились.

Никто не ответил.

– Ваше Высочество, – подал голос с противоположного от Леега конца стола Верховный Жрец, – должен отметить, что атака в ближайшие два дня может повлечь за собой огромные потери. Звезда Пральва будет практически не видна, выступать на противника без защиты было бы опрометчиво.

Леег громко сглотнул и сказал неуверенно:

– В таком случае... лучше повременить с атакой.

– Промедление может стоить жизни Его Величества! –

громко возразил все тот же юнец от Красных Волков. Сидящий рядом с ним старший член братства осадил его, тронув за плечо.

– Простите моего подопечного за дерзость, Ваше Высочество, но отчасти он прав. Все улики указывают на Синих Драконов. В прошлом месяце дозорный на границе видел большое чудовище, по описанию похожее на огнедышащую тварь, мы не можем остаться в стороне.

– Согласен с вами, брат Гал – вновь подал голос воевода Бражник, – но мы должны быть осторожны, чтобы не угодить в ловушку.

– Позвольте высказать мнение? – почтительно обратился к Леегу Хару. Юноша нервно взглянул на дракона и кивнул. – Я считаю, что без вторжения на территорию Синих Драконов не обойтись. Северная Вершина не может существовать без законного правителя. Как верно заметил брат Гал, те знания, которыми мы обладаем, указывают, что Его Величество находится на территории Синих Драконов. Если Его Величество жив, его необходимо освободить, если же мертв, – присутствующие напряглись, – необходимо официально возвести Его Высочество в новый титул. Государству нужна определенность. Однако, именно похищение, а не убийство Его Величества ведет к тому, что Синие Драконы готовят для вас ловушку. Идти на них без мощного оружия смерти подобно. Думаю, все вы знакомы с легендами о драконах и их способностях извергать огонь. Окажись это

правдой, все войско Северной Вершины погибнет. Чудовища представляют угрозу и для моей страны, поэтому я гарантирую вам помощь Белых Драконов. Я уже связался с Его Императорским Величеством, чтобы тот готовил войско. Но, в любом случае, перед тем как наступать, необходимо составить предельно точный план.

– Мощное оружие, о котором вы говорите, – впервые подал голос Леег, – у Белых Драконов оно есть?

– Мы можем снабдить ваши войска новыми метательными машинами, наши изобретатели их постоянно совершенствуют, – ответил Хару охотно, но без заискивания, ровно таким тоном, который мог убедить присутствующих в его искренности.

Члены собрания переглянулись, впечатленные логичностью доводов молодого дракона и его подкупающей уверенностью в себе.

– Воевода Бражник, объявите военный созыв со всех провинций, – поднявшись на ноги, произнес Леег.

Велисия проснулась от запаха дыма, резко ударившего ей в нос. Она обнаружила, что молодые люди уже встали. Солнце успело подняться довольно высоко и начало немного припекать. В нескольких шагах от девушки Анджин и Иртан сидели на корточках возле костра, поджаривая что-то, нанизанное на ветки.

– Доброе утро, госпожа! – окликнул ее койот.

– Доброе утро, – сонно ответила брелина, поднимаясь на ноги.

Девушка подошла к костру и с любопытством взглянула на палки, которые молодые люди держали в руках. Нанизанными на них оказались маленькие тушки животных.

– Волк поймал нам с утра сусликов! – пояснил Анджин. – Я был на самом деле впечатлен! Они ведь такие быстрые, это надо было видеть!

– Ух ты, это здорово, Иртан! – глядя на тушки с благоговейным восторгом и, словно маленькая девочка, хлопнув в ладоши, воскликнула Велисия. Волк сдержанно улыбнулся ей.

Подкрепившись, путники отправились дальше. Поле вскоре закончилось, оказалось, что в низине впереди лежит лес. В лесу было прохладно и приятно пахло преющей хвоей. Анджин, от чего-то пребывавший в приподнятом настроении, болтал без умолку обо всем, что приходило в голову. О том, как он ездил в соседнее брелонство к сестре своей матери, и как его там чуть не приняли за монаха, почему у кошек нет души, про то, как Велисия в детстве целую неделю верила, что, если спрятать под подушкой фекалию горного козла, он вскоре превратится в топаз. Когда об этом узнали, брелина получила нагоняй, простыни ей сменили, но запах из ее покоев выветрить не могли еще несколько седмиц. Велисия лишь посмеивалась и иногда исправляла рассказы койота, добавляя деталей, Иртан шел впереди, не участвуя

в беседе.

После полудня лес неожиданно окончился обрывом, с которого путникам открылась еще одна деревня, которая была совсем не похожа на предыдущую. Дома были построены не из бревен, а из соломы и глины и выкрашены в белый цвет, ослепительно отражающий солнечные лучи. Их расположение было весьма необычным. Широкие, длинные улицы тянулись к центру деревни, пересекаемые улицами, представляющими собой круги, а сами дома на них были построены полукругом. Молодые люди нашли наиболее пологий спуск к деревне. Волк то и дело предлагал брелине опереться на его руку, но та не соглашалась, несмотря на то что длинные полы ее одеяния делали сходнение вниз еще более трудным.

Самые крайние дома поселения выглядели наиболее неприглядно. Анджину в голову пришло, что эти постройки, скорее всего, были не жилыми, а использовались для хранения припасов. Ближе к центру глиняные избы становились чуть уютнее, окна были закрыты ярко раскрашенными ставнями, двери им вторили. Дойдя до центра деревни, где пересекались все длинные улицы, путники обнаружили большую площадь. На ней было довольно много народа, было похоже, что здесь был местный рынок. К удивлению молодых людей, никто не обращал на них внимания, хотя, судя по небольшим размерам деревни и ее положению, чужаки здесь не были частым явлением. Недоуменно переглядываясь, они остановились посреди площади. При более близком взгляде ста-

ло понятно, что рынком площадь не была: торговцев здесь не наблюдалось. Тут и там над огнем висели огромные чаши с чем-то пахнущим так вкусно, что у путников заурчали животы. За длинными столами сидели люди, трапезничали и оживленно разговаривали друг с другом. Все это походило на какое-то пиршество. В этой деревне недостатка в мужчинах, кажется, не было, что опровергало теорию Иртана о призыве на войну.

– Северовершинцы? – послышался чей-то голос сзади.

Обернувшись, молодые люди увидели перед собой русоволосого мужчину среднего роста. На вид ему было лет тридцать пять. Он был загорелым, глаза имел большие и темные, короткая густая щетина покрывала его подбородок, золотясь в лучах солнца. Увидев удивленные лица юных странников, мужчина широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

– Благодарю прародителей за встречу с вами, – произнес незнакомец с едва заметным акцентом.

– Пусть звезда провидения сведет нас снова, – откликнулись молодые люди.

– Как вы узнали? – добавил Анджин.

– По вашим одеяниям и цвету волос вашей прекрасной спутницы. Только в Северной Вершине я видел девушек с такими яркими волосами, хотя надо отметить, что столь необычного оттенка, как у вас, я не встречал, – незнакомец галантно поклонился.

– Откуда вы знаете наш язык? – спросил койот с некото-

рым недоверием.

– О, я жил в Северной Вершине, когда был маленьким ребенком... – с ностальгией произнес незнакомец. – Но вообще-то я родом из островных ашкроманцев.

Внезапно оживившись, Анджин бегло сказал что-то незнакомцу на его языке. Тот обрадовано ответил. Двое продолжали трещать еще несколько минут. Брелина недовольно посмотрела на Иртана, который тоже не понимал, о чем они говорят.

– Простите за грубость, друзья, я давно не говорил на родном наречии! – обратился незнакомец к волку и брелине. – О, ведь я даже не представился. Меня зовут Ожбей. Вы, верно, голодные? Не отобедаете со мной?

Ожбей проводил путников за ближайший стол. Молодые люди неловко присели. На столе было довольно много еды, некоторые блюда выглядели незнакомыми.

– Смелее же, угощайтесь, за это не нужно платить. Ешьте, а я пока расскажу вам, в какое место вы попали, – сказал островитянин, подталкивая к Иртану большую плоскую тарелку с овощами. – Это поселение называется Нарны Тойрог. Ему несколько тысяч лет. Спросите, кем оно было основано? Никто не знает. Какой народ тут жил? Неизвестно. Посмотрите вокруг, здесь собрались люди разных национальностей, многие из них, как и вы, пришли издалека. Вы, наверное, удивились отсутствию внимания к вам, как к чужакам: здесь так принято. Считается, что все, кто приходят в Тойрог, ока-

зываются здесь не случайно. Если человек придет сюда со злыми намерениями, он просто не увидит поселение и пройдет мимо. Анкримрон уже около двух лет находится в состоянии войны с южанами, но местных мужчин не призвали. Как так вышло? Никто из столичных посланцев не смог найти деревню. В стране ходят слухи о существовании Тойрога, они называют его деревней-призраком, но никто никогда его не видел и не знает наших точных координат. Это место нельзя найти, ища специально. Люди приходят сюда, находят здесь убежище, защиту от несправедливостей мира, некоторые остаются по несколько десятков лет. Одни не задерживаются надолго, покидая Тойрог, чтобы продолжить свой путь, другие проводят здесь всю жизнь, женятся, рожают детей. Здесь вам не нужно думать о карьере, общественном статусе или деньгах. Тут все живут словно одна большая семья, вместе ведут хозяйство, помогают друг другу. Запомните лишь одну вещь: однажды покинув Тойрог, обратно вам уже не вернуться.

Троица вяло ковыряла в своих тарелках, явно озадаченная таким обилием новых сведений.

– На каком языке здесь общаются между собой? – спросила Велисия.

– На кримронском, большинство жителей тут местные. Все новички постепенно учат его, хотя, бывает, можно с кем-то поговорить и на другом языке, как я сейчас делаю с вами.

– Вы выходите за пределы поселения?

– Разумеется, – глаза Ожбея загорелись, он был доволен проявленным новыми знакомым интересом, – мы считаем территорией Тойрога все, что находится в радиусе десяти километров от центра деревни. Ах, простите, в радиусе шести миль, если угодно, – поправился мужчина, заподозрив, что гости могут быть не знакомы с метрической системой.

– Как вы знаете, где заканчиваются эти десять километров? – поинтересовался койот.

– С трех сторон мы окружены лесом, выйдя за пределы которого, уже не вернешься, а с четвертой стороны протекает река, которую мы не переплываем. Это довольно просто. Человек не выйдет за пределы Тойрога случайно, лишь, если такого было его истинное желание.

Анджин и Велисия немного расслабились. Койот уплетал угощения за обе щеки, брелина, кажется, тоже была рада, что не пришлось есть на обед сусликов. Только волк все еще был заметно напряжен и беспрестанно оглядывал окружающих людей, выискивая скрытую опасность.

– Как вам здешняя еда? – спросил ашкроманец.

– Вкусно, немного напоминает то, что я пробовала в Драконьей Пасти, – сказала брелина со скромной улыбкой. Волк и койот невольно переглянулись при упоминании столицы Белых Драконов. Фазанка имела привычку выдавать слишком много подробностей о себе малознакомым людям.

– Слегка островато? – понимающе произнес Ожбей. – Сегодня обед готовили вон те замечательные барышни, Зея и

Ину. Они родились на драконовой земле.

Велисия с интересом посмотрела на девушек. Они были похожи друг на друга как две капли воды. На вид были ненамного старше брелины. Обе были небольшого роста, телосложением тоненькие и изящные, со светлой кожей и длинными светло-рыжими волосами, по цвету напоминавшими клубничное молоко. Носы у обеих были маленькие, с низкой переносицей. Они были похожи на девушек с родины ее суженого. Сердце брелины забилось чаще от радостной мысли о том, что она, возможно, встретила кого-то, кто был хоть немного близок к ее дому.

– Вечером будет небольшое торжество. Кто-то из жителей сказал, что на его земле сегодня отмечают самую короткую ночь в году, так что мы будем праздновать до утра! Если желаете помочь в приготовлениях, милости прошу, – добавил Ожбей, его смуглое, испещренное шрамами лицо светилось дружелюбием.

После трапезы молодые люди вместе с жителями Тойрога прибрали длинные столы и помогли отмыть котлы и прочую посуду. Койот отправился с островитянином и некоторыми другими тойрожцами, мужчинами и женщинами, в лес, охотиться на кабана для вечернего пиршества. Волк отказался оставить брелину одну и везде следовал за ней по пятам, как приклеенный. Велисия неплохо говорила на драконьем языке, от чего Зейя и Ину пришли в восторг. Разумеется, тройца скрыла благородное происхождение фазанки, да тут никто

особо этим и не интересовался. В Тойроге не любили задавать лишних вопросов, считая, что все необходимое человек расскажет сам, его не надо к этому принуждать. Драконьи сестры приняли Велисию как дорогую подружку. Девушки отвели ее в баню и одолжили ей кое-что из своей одежды, пообещав починить для нее платье. Иртана тоже не обделили вниманием, предложив сменную одежду и ему. Каждый раз поглядывая на волка, сестры от чего-то заговорщически хихикали.

Остаток дня молодые люди провели, помогая тойрожцам готовить угощения для вечера. После заката из леса вернулись охотники, принеся две крупные кабаньи туши и несколько кроликов. Ожбей и Анджин, кажется, нашли общий язык во всех смыслах. По всей видимости, оба были любителями поболтать: двое вели себя как старые друзья.

К полуночи все приготовления были завершены. Велисия оставила Иртана на площади, которую местные называли просто «круг», и присоединилась к Зее и Ину в их доме, чтобы привести себя в подходящий для праздника вид.

Фазанку переодели в тонкую, белую рубашку в пол, подпоясанную на талии, а на груди и длинных рукавах расшитую белыми нитками. Волосы заплели в свободную косу, вплетя маленькие синие полевые цветы.

– Ты очень красивая, – сказала Ину, укладывая тяжелую косу Велисии ей на плечо.

– Твоему жениху понравится, – подмигнув, добавила Зее.

– Кому? – удивленно переспросила брелина.

– Тому темненькому, Иртану! Разве он не твой жених? – спросила Ину.

– Ох, нет! Мы очень хорошие друзья с детства, – рассмеявшись, ответила брелина, придирчиво осматривая себя в темном зеркале, освещенном свечами.

– То-то он с тебя глаз не сводит, – несогласно качая головой, ответила Зея, поправляя свою косу.

– Просто он с детства привык присматривать за мной, защищать, скорее по долгу, а не по сердцу... – неопределенно ответила брелина, боясь наговорить лишнего.

– Но тебе-то он нравится, это точно! – произнесла Зея, игриво приподняв и опустив брови.

Велисия вспыхнула, Ину заливисто рассмеялась, по-сестрински приобняв брелину на плечи.

Когда девушки вернулись на круг, там уже вовсю шло празднование. Люди шумно переговаривались между собой, наслаждаясь угощениями. На столах повсюду стояли глиняные подсвечники, по периметру круг был освещен высокими факелами. Посередине горел большой костер. Велисия отметила, что все жители нарядно оделись. Белый был, судя по всему, праздничным цветом.

Напротив она заметила Анджина, оживленно рассказывающего что-то сидящей рядом темноволосой красавице. Интересно, на каком языке они общались... для койота, конечно, незнание иностранного наречия никогда не являлось

преградой, чтобы приударить за кем-нибудь. Обыскав глазами толпу, брелина заметила наконец волка. Рядом с ним сидел изрядно подвыпивший мужчина средних лет и что-то упорно пытался ему поведать, но волк его не понимал. Усмехнувшись неловкому выражению лица Иртана, Велисия подошла к нему.

– Не хочешь прогуляться? – шепнула она ему на ухо. Иртан тут же поднялся и с благодарностью на лице пошел вслед за брелиной.

Они покинули круг и отправились по темным, пустым улицам Тойрога, освещенным лишь лунным светом.

– Мне здесь нравится, – с какой-то потаенной грустью произнесла Велисия.

– Вы, кажется, нашли с теми девушками общий язык, – ответил Иртан.

– Думаешь? – оживившись, просила брелина, заглядывая волку в лицо. – Я всегда мечтала о сестре, вот было бы здорово...

Двое шли несколько минут молча. Низкие глиняные дома выглядели пустыми и темными, все сейчас были на круге, но от этого улицы не смотрелись зловеще или опасно, так же, как и днем у путников возникало лишь расслабляющее чувство умиротворения.

– Они ведь подскажут нам дорогу в город, как думаешь? – спросила брелина.

– Уверен, что подскажут, – ответил волк, пристально

всматриваясь в небо. – Вот бы послать письмо в столицу.

– Что там сейчас происходит? Может, отец уже вернулся? – по-детски наивно произнесла Велисия, сама осознавая, насколько это было маловероятно.

– Хотите отправиться в путь завтра? – спросил Иртан, глядя на девушку.

Брелина тоже подняла взгляд к звездам. Ее лицо выглядело напряженным, брови сведены вместе, рот сжат в сплошную тонкую линию.

– Уверена, что отца ищут; брат, Красные Волки и Совет прилагают все возможные усилия. Я же... чем я смогу помочь им, если даже и доберусь до Северной Вершины? Что такая как я сможет сделать? – голос фазанки дрогнул в конце фразы.

– Вас наверняка обыскали, все будут рады узнать, что вы в порядке, – Иртан был немного удивлен внезапному упадническому настроению брелины, это было на нее не похоже.

– Я просто болтаю глупости, – брелина, словно опомнившись, покачала головой и посмотрела волку в глаза. – Знаешь, Иртан, одна фраза Ожбея мне запомнилась. Что в Тойроге все люди могут жить, не беспокоясь о своем статусе. Это же настоящая свобода.

Волк отвел глаза, взгляд брелины был слишком напористым, испытующим.

– Мне такой свободы никогда не видать, – горько добавила фазанка. – Как и тебе.

– Для меня нет другой свободы, чем служить вам, – сказал Иртан.

Издали послышались звуки музыки. Молодые люди заинтересованно обернулись. Велисия схватила волка за руку и потянула к кругу. Там веселье уже шло полным ходом. Вокруг костра сидело несколько музыкантов. Четверо молодых людей играли на барабанах, один на флейте. У двоих мужчин постарше были в руках щипковые струнные инструменты, которых северовершинцы раньше никогда не видели. Еще один тойрожец играл на гармошке.

Местные самозабвенно танцевали. Это было совсем не похоже на то, к чему привыкла Велисия на торжествах в замке. Там музыка обычно была спокойного темпа, все движения танцующих были плавными и грациозными. Здешняя же музыка была очень быстрой. Музыканты тоже играли совсем не так, как придворные в Северной Вершине. Они выглядели очень оживленными, некоторые даже пританцовывали на месте в такт мелодии. А сами танцы! Их скорее было правильнее назвать дикими плясками. Такого брелина в жизни не видела.

Не успела девушка опомниться, как ее и Иртана втянули в круг танцующих. По какой-то произнесенной команде все присутствующие взялись за руки, и круг стал быстро двигаться. Танцующие то сходились в центре, подходя близко к костру, то расходились, поднимая руки вверх. Некоторые вышли в середу и начали прыгать через костер. Вско-

ре мелодия сменилась на более спокойную. Зея, Ину и еще несколько девушек вышли в центр, все стали им хлопать и поддерживать возгласами и свистом. Тойрожки исполнили сложный танец, в котором они кружились в парах, то и дело, меняясь местами.

Музыка снова сменилась на быструю, в центр выскочил Анджин. Он принялся исполнять нечто чрезвычайно странное, извиваясь, как уж на сковородке, и подкидывая вверх ноги. Потом он упал на колени, подняв клубы пыли, после чего сделал стойку на руках. Присутствующие хохотали и подбадривающе хлопали чудаку. Велисия смеялась так сильно, что у нее даже слезы выступили на глазах. К койоту присоединились еще несколько таких же дуралеев, а вслед за ними и остальные.

Увидев среди толпы Велисию, Анджин просиял и, подскочив к ней, подхватил ее за талию и закружил. Брелина оглушительно завизжала, но визг быстро перешел в хохот. От койота сильно пахло алкоголем.

– Полегче с крепкими напитками, Анджин, – прокричала брелина, когда родственник опустил ее на землю.

Тот лишь подмигнул ей и скрылся в пляшущей толпе. Справа от себя фазанка увидела Иртана. Волк неловко перетаптывался с ноги на ногу рядом с Зеей, которая держала его за руки. Велисия ощутила неприятное чувство в груди, тут же испытав за это вину. Какое у нее было право... Девушке захотелось уйти, и она стала протискиваться мимо танцую-

щих людей.

Иртан стал осматриваться по сторонам, потеряв брелину из виду. Зея все еще пыталась с ним танцевать. Волк прокричал ей какие-то извинения и, освободившись от ее рук, стал пробираться наружу. На краю круга он заметил взметнувшуюся огненно-лиловую косу – Велисия убежала прочь. Парень растолкал, загораживающих ему проход людей, и бросился за ней.

Он догнал девушку, когда ее шаги замедлились, но не решился подойти. Она плакала. Парень увидел со спины, как та утирает лицо рукавом. Велисия вдруг обернулась. Их глаза встретились. Фазанка закрыла лицо руками.

Иртан подошел ближе к фазанке, не зная, что делать. Она дрожала. Брелина развернулась, собираясь уйти, но волк поймал ее за локоть. Он открыл было рот, намереваясь что-то сказать, но не нашел нужных слов. Велисия повернулась к нему и вновь посмотрела в глаза, теперь она была намного ближе. Волк чувствовал, как вздымалась ее грудь. Вдруг ее теплые мягкие пальцы прикоснулись к лицу Иртана. Волк замер. Велисия всматривалась в его глаза, словно ожидая увидеть там какие-то ответы на бесчисленные вопросы, что роились в ее голове. Выражение лица волка было непроницаемым. Его миндалевидные глаза были бездонными в темноте ночи, не выдавая никаких секретов.

– Эй! – раздался громкий оклик откуда-то сзади. Волк и брелина подпрыгнули на месте, от неожиданности отскочив

друг от друга.

Нетвердой походкой к ним направлялся Анджин, неся в каждой руке по большой кружке.

– Ребята, я вас потерял! Смотрите, я принес вам попить, – сказал койот с пьяной улыбкой. Его взгляд был замутнен. Он потряхнул кудрявой головой, после чего опустошил обе кружки.

– Пожалуй, пора отправляться спать, – строго произнесла брелина.

Стараясь не смотреть друг на друга, Иртан и Велисия подхватили слабо сопротивляющегося койота под руки и направились в сторону избы, в которой им разрешили переночевать тойрожцы. Анджин что-то пьяно бормотал, но энергия, которая была из него еще недавно во время танцев, видимо, покидала его. Трое зашли внутрь, в доме была лишь одна большая комната со столом посередине и широкими скамьями по периметру. Кое-как молодым людям удалось уложить койота на одну из скамей, он тут же захрапел.

– Спокойной ночи, Иртан, – быстро сказала Велисия, все еще избегая его взгляда. Она легла на скамью напротив, укрывшись толстой простыней, и отвернулась к стенке.

– Спокойной ночи, Ваше Высочество... – произнес Иртан, глядя на темный силуэт девушки с выражением, полным сомнений.

Глава 4

Сидя на каменистом морском берегу, четвертый сын двадцать первого императора Белых Драконов, Тенг Широ, высокий, темноволосый мужчина, мрачно глядел на волны. По его правое плечо открывался вид на угрожающе черные скалы и стены брелонского замка Северной Вершины, возвышающиеся над бескрайним морем, что золотилось в свете восходящего солнца. За его спиной послышался мягкий стук, словно на землю опустилось что-то тяжелое. Широ посмотрел через плечо на представшего перед ним тринадцатого принца Империи Белого Дракона, Тенг Хару. Молодой человек был гол по пояс, его длинные серо-сиреневые волосы, собранные в хвост, растрепались, некоторые пряди выбились наружу и прилипли к мокрому от пота лбу. Его штаны и обувь были покрыты слоем грязи.

– Что вы здесь делаете, дядя? – спросил Хару, поднимая с камня свою рубашку. Его тон был учтивым, но скованное выражение его лица выдавало раздраженность.

– Ты опять искал ее, Хару? – спросил Широ, вновь поворачиваясь лицом к морю.

– Вы и так все знаете, – выдохнул принц, мрачно сверля взглядом затылок мужчины.

– Скоро у тебя не останется на это времени.

– Я знаю, – ответил Хару, вставая рядом с дядей, – но эти

несколько дней я продолжу ее искать.

Мужчина тяжело вздохнул.

– Через сорок минут совет, если ты не забыл. И будь добр, приведи себя в порядок, – сказал он, поднимаясь на ноги.

Хару остался на берегу один. Лучи поднимающегося солнца упали ему на лицо, зажмурившись, словно от боли, он приложил руку к пульсирующей вене на виске.

Утром Велисия и молодые люди объявили, что уходят из Тойрога. Зея и Ину были явно расстроены, Ожбей лишь понимающе улыбнулся. Мужчина подробно рассказал путникам, как добраться до порта, дорога должна была занять три дня, если им повезет где-то по пути нанять лошадей. Близнецы собрали им в дорогу достаточное количество продовольствия и починили одежду. Велисия обняла девушек на прощание, преисполненная чувства благодарности. Ее сердце щемило от мысли о том, что она больше никогда не сможет увидеться с этими добродушными людьми. Даже если бы в Тойрог можно было войти дважды, ей вряд ли еще когда-нибудь суждено вновь вернуться в Анкримрон. Фазанка знала, что ее предназначение – выйти замуж на тринадцатого принца и провести остаток жизни в Империи подле мужа.

Трое пересекли огромное поле, которое, нагретое солнцем, источало ароматы диких цветов и трав, и добрались до пограничного пункта – реки. Иртан предложил перенести брелину на спине, но она тотчас отказалась. Возможно,

фазанка была слишком резка, потому что Анджин окинул ее удивленным взглядом, который тут же сменился подозрительным прищуром.

– Я вчера что-то пропустил? Эх, надо завязывать с выпивкой... – пробормотал койот.

Через несколько часов северовершинцы вновь вошли в лесную чащу. Велисия почувствовала себя немного более расслаблено, когда смогла спрятаться от своих спутников за стволами деревьев. Ей было ужасно стыдно вспоминать события прошлой ночи. Громкое карканье заставило брелину испуганно вздрогнуть.

Все трое остановились, напряженно оглядываясь. Из-за толстого ствола сосны показалась взъерошенная маленькая голова. Анджин выругался. Маленький варисс обиженно покосился на него, но потом без тени сомнения направился к брелине. Его глаза светились радостью встречи.

– Рейдок? – удивленно произнесла Велисия.

– Добрый день, наследница фазана! – скрипуче ответил вороненок.

– Почему ты здесь? – спросила брелина, слегка склоняясь над вариссом. Вид у него был еще хуже, чем в прошлый раз. Лицо было покрыто царапинами и ссадинами, перья грязные. – С тобой что-то случилось?

– Ничего особенного, – неясно ответил варисс, отводя взгляд. – Вас кое-кто преследует!

– Что? – отозвалась Велисия.

Анджин перестал корчить недовольные рожи, а Иртан обнажил свой меч.

– Прячутся во-о-о-н в тех кустах зарянки! Вид у них странный! – прокряхтел Рейдок и скрипуче засмеялся.

Троица посмотрела туда, куда указал варисс, кажется, за кустами действительно кто-то скрывался.

– Кто там? Покажи себя или умрешь! – прокричал Анджин, вынимая из-за пояса длинный кинжал.

Кусты зашевелились. Велисия испуганно попятилась, по привычке стараясь встать ближе к Иртану, но потом, смутившись, остановилась, не отрывая взгляда от кустов.

Наконец, из-за колючих веток показались две светло-рыжие головы. Ину выглядела испуганной, в то время как Зея вызывающе улыбнулась Анджину.

– Тьфу ты, девушки, что за шутки! – раздраженно прошипел койот, опуская оружие.

– Вы покинули Тойрог! Зачем? – удивленно спросила Велисия.

Драконьи близнецы выбрались из кустарника. Обе были одеты в толстые серые плащи с капюшоном, а за плечами у них виднелись объемистые холщовые дорожные мешки.

– Мы уже несколько месяцев задумывались о том, что нам пора бы вернуться на родину, – улыбнулась Зея, – прости, что не сказали, мы думали, ты не захочешь брать нас с собой.

– Конечно, мы бы не взяли вас с собой! Думаете, нам нужны лишние хлопоты? – Анджин был явно не в восторге от

того, что их компания внезапно выросла.

– У них есть при себе какое-то оружие? – спокойно спросил Иртан, однако, кажется, и он был недоволен. Анджин перевел его вопрос на драконий язык.

– Мы умеем постоять за себя, – Зeya кивнула на лук за ее плечами, – можешь не волноваться, мы путешествуем вдвоем с двенадцати лет.

– А деньги? – Анджин поднял брови, но спрашивал он теперь, кажется, ради забавы, а не для того, чтобы спорить.

– А у вас у самих деньги есть, что ли? – рассмеялась драконка.

Анджин развел руками.

– Вот именно, Анджин. Они были к нам очень добры, накормили, помогли, думаю, ничего страшного не случится, если мы продолжим путь вместе, – оживилась Велисия. Ее пополнение их компании, наоборот, обрадовало.

– Спасибо! – схватив девушку за руку, поблагодарила Ину.

– Ой-ой, да это же драконихи! Вот те на! – напомнил о себе Рейдок.

– Что здесь делает варисс? Он доставлял вам неудобства? – презрительно спросила Зeya.

– Совсем нет, просто мы знакомы, – объяснила брелина.

Девушки удивленно переглянулись. Велисия посмотрела на Рейдока, который странно прижимал к телу левую руку.

– Рейдок, ты ранен? – встревожено спросила фазанка.

– Нет, что ты, я слишком быстр, чтобы меня кто-то мог ранить! – прокаркал вороненок.

Велисия подошла к нему и потянула его руку на себя. Рейдок издал нечто похожее на шипение и скривился. Брелина отодвинула с его руки перья, открывая глубокий порез, скрывавшийся под ними. Неодобрительно покачав головой, брелина присела на корточки и сняла со спины небольшой узелок. Она смазала края раны снадобьем, которое дала им старуха из предыдущей деревни, и хотела перевязать платком, но Рейдок сказал, что повязка спадет, когда он станет вороном.

Глаза вороненка едва ли не наполнились слезами, когда брелина закончила. Рейдок поблагодарил ее и улетел. Койот с волком глядели ему вслед слегка озадаченно, не до конца привыкнув к способности нового знакомого. Ину и Зея явно имели неприятный опыт общения с вариссами и заметно расслабились, когда Рейдок скрылся из виду.

Идти стало гораздо веселее. Зея болтала без умолку о том, какой жизнь была в Империи Белого Дракона. Ину изредка поправляла ее или отвечала на вопросы Велисии. Несмотря на то, что брелина была несколько раз в столице империи, она мало что знала о жизни за ее пределами. Даже Анджин перестал изображать недовольство и участвовал в общей беседе, то и дело перебивая девушек, когда речь заходила о представителях какого-нибудь народа, которых драконки встречали на родине. У койота якобы случались ро-

мантические приключения чуть ли не с девушками всех этих национальностей. С каждым новым его рассказом, шансы, что одна из сестер огреет его мешком по буйной голове, стремительно возрастали. Единственным, кто держался в стороне, был Иртан.

На ночлег устроились на небольшой поляне, сплошь покрытой мягким мхом. Иртан развел костер. Подкрепившись своими запасами и подстреленными Зеей куропатками, путешники улеглись. Анджин пригубил что-то из небольшой металлической фляги и через несколько минут уже мирно храпел. Иртан перебирал дотлевавшие угли палкой. Велисия улеглась на корнях раскидистого дерева, по обе стороны от нее спали сестры. Их тепло успокаивало и отвлекало от мрачных мыслей, создавая иллюзию безопасности. Брелина поглядела на Иртана. Свет от догорающего костра освещал его смуглое лицо, делая его желтоватым. Волк посмотрел на нее из-под прямых темных бровей. Велисия не могла отвести взгляд. Вопросы один за другим обрушивались на нее, но ответить на них Иртан не мог, она должна была сделать это сама. Фазанка знала об этом уже давно, возможно, еще с того дня, когда они впервые заговорили друг с другом. Сердце брелины разрывалось от утаенных чувств. Стыд, разочарование в себе, чувство долга, вина...желание быть с человеком, в которого она влюблена с шести лет. Велисия резко вдохнула и отвела взор. Волк долго смотрел на тлеющие угольки.

На следующее утро лес вновь сменился полем. День был ветреным, небо затянуло толстым слоем тяжелых облаков. Иногда порывы ветра были настолько сильными, что трудно было идти. Тяжелее всего было Велисии, она, не привыкшая к таким нагрузкам, шла медленнее всех, прикрываясь рукой от бьющего в лицо холодного воздуха. Надеть накидку волка девушка, естественно, отказалась. Поколебавшись немного, Иртан взял ее за свободную руку и повел за собой. Ее тонкие пальцы были ледяными в его теплой ладони.

Через некоторое время ветер стих. Вокруг стало слишком тихо. Иртан взгляделся в линию горизонта, чувствуя что-то неладное. Вдалеке показалось нечто черное, послышался звук крыльев. Волк остановился, заведя брелину за спину.

– Что это? – воскликнул койот, тоже заметивший приближение угрожающего черного пятна.

– О нет! Додфугли! – вскрикнула Ину.

Они приблизились в один миг. Иртан едва успел вынуть меч из ножен. Это были огромные птицы. Похожие на ястребов, с размахом крыльев в два человеческих роста. Острые длинные когти одной из них кляцнули в сантиметрах от лица Иртана. Он попытался задеть птицу мечом, но та оказалась слишком быстрой.

Зея стреляла в нападавших из своего лука, но додфугли были очень проворными, лавируя между стрелами без видимых усилий. Анджин запустил кинжал в птицу, кружившую

над вопящей от страха Ину. Нож вонзился в широкую пернатую грудь, птица издала крик боли и улетела. Услышав сородича, другие крылатые стали еще агрессивнее. Иртан отмахивался сразу от трех. Велисия пряталась за его спиной, вцепившись в край его одежды и потеряв всяческую ориентацию в пространстве. В голове смешались хищные крики птиц и испуганные – Ину, драконку снова атаковали.

В момент, когда казалось, что ситуация безвыходная, пришла неожиданная помощь. Птица, которую Иртан едва не достал острием меча, вдруг упала на землю. Из ее спины торчала стрела. Оперение оружия было абсолютно белым, волк видел эти стрелы раньше. Точные атаки лучника настигли еще двух птиц. Увидев это, другие ретировались. Растерянно глядя вверх, путники силились понять, откуда пришло спасение. Человеческая фигура с большими светло-серыми крыльями появилась из-за облаков и резко приблизилась к ним.

Брелина от страха отскочила в сторону, и в то же мгновение ее подхватили две сильные руки. Сестры дружно и пронзительно заверещали. Сама Велисия не вскрикнула только от того, что шок от происходящего пересилил страх. Перед собой она увидела бледно-голубые глаза Хару. От удивления она даже не смогла пошевелить языком. Крылья за спиной молодого человека мощно двигались. Брелина посмотрела вниз. Дракон и фазанка поднялись так высоко, что деревья превратились в маленькие точки. Ее спутники уже скры-

лись из виду. Велисию замутило от высоты, кровь резко прилила к голове, в глазах потемнело, виски сдавило, уши заложило от сильного ветра. Девушка потеряла сознание.

Велисия пришла в себя от того, что ей было очень неудобно. Она обнаружила себя лежащей на каменном полу маленькой пещеры, было холодно и твердо. Девушка приподнялась на локтях, чтобы лучше осмотреться, морщась, когда несколько камушков впились ей в руку. Через маленький вход пещеры проникал дневной свет, слышно было, как ветер неистово свистит снаружи, и волны бьются где-то далеко внизу.

У входа, прислонившись к стене, сидя спал Хару. Его обнаженная грудь медленно поднималась и опускалась. Волосы были убраны в высокий хвост на затылке, в тусклом свете они казались темно-серыми. Дракон выглядел очень уставшим. «Должно быть, он остановился здесь, чтобы передохнуть», – подумалось Велисии. Девушка была удивлена собственной спокойной реакцией, она не чувствовала ни страха, ни отвращения.

Брелина подползла ближе к молодому дракону, стараясь двигаться как можно более бесшумно. Остановилась в паре шагов от него. Теперь девушка могла разглядеть его крылья. Тогда на поляне ей показалось, что они были как у птицы, но теперь было видно, что на них не было перьев. Цвет крыльев был схож с цветом волос Хару, только темнее. Их кожа

была толстой и твердой на вид. Это были крылья дракона, угловатые и перепончатые, брелина видела такие в книгах. У Велисии перехватило дыхание. Ей захотелось узнать, какие крылья были на ощупь. Очень тихо она приблизилась к спящему дракону. Боязливо взглянула ему в лицо и протянула вперед руку. Самыми кончиками пальцев она провела по краю правого крыла, там, где под кожей прощупывалась тонкая кость. Кожа была холодной и оказалась даже тверже, чем она себе представляла. Словно замороженная, Велисия еще раз провела по крылу пальцами.

Негромкий кашель вывел девушку из оцепенения. Фазанка отдернула руку, испуганно подняв взор. Молодой человек ухмылялся.

– Можешь дальше гладить, я не против, – мягко сказал он.

– Извини, – девушка залилась краской, пристыжено опустив глаза, смущенная собственной фамильярностью.

Хару издал короткий смешок и притянул Велисию к себе.

– Я так рад, что ты в порядке, – чуть слышно выдохнул он ей в ухо.

Брелина замерла. Хару никогда не выказывал таких явных проявлений чувств. Сколько она его знала, драконий принц всегда был добр, учтив и безукоризненно вежлив, но не более. Порой фазанка сомневалась, нравится ли она своему жениху вообще, или же он только делает то, чего от него требуют. Оказаться вот так прижатой к его голой груди было невысказано. Что могло привести Хару в такое смятение?

Дракон отпустил девушку, и та, немного отстранившись, внимательно поглядела ему в лицо. Белки глаз парня были покрыты сеткой расширившихся сосудов, под нижними веками залегли глубокие тени. Кажется, он давно не спал.

– Что с тобой, Хару? Ты не заболел?

Тринадцатый принц слабо улыбнулся.

– Эти штуки за моей спиной доставляют мне много проблем, – сказал он, указав большим пальцем на одно из крыльев.

– Как давно...ты можешь летать? – робко спросила брелина.

– Они прорезались, когда мне минуло шестнадцать. Сначала я не умел летать, никак не мог привыкнуть к тому, что что-то торчит из моей спины, и мне нужно этим управлять. Но однажды у меня получилось. Хотя я все еще быстро устаю, поэтому пришлось остановиться здесь, прости.

– Нет-нет, что ты! – всплеснула руками Велисия. – Отдыхай сколько тебе нужно!

– К сожалению, у нас не так много времени, – помрачнел Хару, – завтра рано утром мы с твоим братом выходим на Синих Драконов.

– Вы хотите освободить отца? – встревожено произнесла брелина.

– Если он жив...или отомстить.

Фазанка поднесла руку к губам, на глазах выступили слезы, в голове сразу возникли воспоминания того страшного

утра. Удаляющаяся фигура чудовища, тело ее отца, свисающее как безвольная кукла...

– Не теряй надежды раньше времени, – успокаивающе произнес Хару, глядя девушку по щеке.

Велисия не заметила, что одна непокорная слезинка без разрешения упала ей на щеку. Неожиданная ласка дракона прорвала внутри нее плотину, и слезы хлынули ручьем.

– Хару! Что же делать?

Дракон ничего не ответил, лишь взял брелину за руку.

Мысли Велисии изменили направление:

– Иртан и Анджин! Мы ведь их бросили! Что, если птицы вернулись? – сквозь рыдания спросила брелина.

– Уверен, они могут лучше постоять за себя, когда их внимание не занято твоим спасением. С ними все будет в порядке, – заверил сероволосый.

– Как ты нас нашел?

– Тот кулон, что я тебе недавно подарил, в нем кровь дракона, я могу ее чувствовать.

Велисия достала украшение из-под одежды и озадаченно на него посмотрела. Лезвие меча сверкнуло багряным цветом, казалось, став еще ярче, чем обычно.

– В тот день, когда произошло нападение, кулон стал очень горячим, и потом нас перенесло в Анкримрон. Ты для этого мне его дал?

– Мне сказали, что это оберег, но я не знал, что у него есть такие странные свойства, – задумчиво произнес Хару, заби-

рая крошечный меч из рук Велисии и пристально осматривая его.

– Где мы сейчас? – спохватилась девушка, вспомнив, что из-за потери сознания понятия не имела, как далеко они улетели.

– Почти у границ Байту.

– Мы летим в Драконью Пасть? – удивилась фазанка.

– Да, в Северной Вершине сейчас неспокойно, и охраны там почти не останется, когда мы уйдем, тебе лучше пока побыть во дворце, – сказал Хару, поднимаясь на ноги.

Дракон повернулся к Велисии спиной, теперь девушка могла разглядеть, насколько большими были его крылья. Она тихо ахнула. Нижние острые края крыльев почти касались пола, каковы же они в размахе...

– Берись руками за мою шею, – скомандовал дракон, чуть присаживаясь, чтобы поравняться ростом с фазанкой.

Велисия послушно обняла принца за шею. Он без предупреждения выпрямился, и ноги брелины оказались в воздухе. Дракон обхватил их под коленом, прижимая к своему телу, и подошел к краю пещеры.

– Держись крепко, лететь будем быстро, – продолжал принц тем же строгим тоном, словно командир, отдающий приказы. – Можешь закрыть глаза, чтобы не было страшно, – добавил он чуть мягче и шагнул в пропасть.

Брелина закрыла глаза, уткнувшись дракону в шею.

Они добрались до дворцовых угодий еще засветло. До са-

мого дворца Хару довез брелину на лошади. Даже в императорской семье не все знали о его способностях. Оставив Велисию на попечении своей матери и других членов семьи, молодой дракон улетел. Брелина чувствовала себя крайне скверно после долгого полета и была рада, когда ей предложили горячую ванну, крепкий чай и ужин.

Ее отвели в гостевые покои, размеры которых в очередной раз поразили юную фазанку. Дворец не шел ни в какое сравнение с тем, к чему Велисия привыкла в родном замке. Вся отделка была из белоснежного мрамора, потолки взмывали далеко ввысь, украшенные драгоценными камнями. Покои были одним огромным многоуровневым пространством, поделенным на несколько отсеков арками, закрытыми по бокам деревянной резной решеткой. В одном из отсеков была купальня, куда брелина отправилась в первую очередь. Круглая, она находилась на небольшом трехступенчатом постаменте, но не возвышалась над ним, а была врезана в подиум. Три молодые служанки принялись тереть фазанке руки щеткой, мыть волосы, наносить на кожу ароматные масла. В замке девушке помогала только Кира, ее личная горничная, старшая дочь ее кормилицы.

Отмытую до блеска брелину переодели в местную одежду. На нее надели многослойное одеяние, с голубым нижним платьем и белым верхним, с широкими рукавами, задний край которых доходил до пола. Переднюю часть волос собрали на затылке и закололи серебряной шпилькой, оста-

вив остальное свободно струиться по спине. Велисия по привычке перекинула широкую прядь волос вперед, прикрывая знак фазана на шее.

Положению знаков Прародителей на теле всегда придавали особое значение. В зависимости от государства или народности толкования различались. Наличие знака на тыльной стороне ладони всегда считали удачным. Отметина на правой руке, как правило, сулила обладателю процветание, знак на левой руке говорил о сильных духовных качествах человека. Знаки на животе, спине или ногах у многих народов считались показателем относительно слабой связи человека с духами прародителей. Отметина на шее могла интерпретироваться как уязвимое место человека, либо как наличие у обладателя сильной связи со своим духовным предком. Наличие священного символа на лице у всех без исключения народов считалось дурным предзнаменованием. Людей, обладавших на теле двумя знаками разных животных, считали колдунами.

Когда преображение Велисии было завершено, в покои вошла высокая, худощавая женщина с забранными наверх серебристыми волосами. Она была в сопровождении большого количества слуг. Брелина узнала в женщине тетку Хару, старшую сестру второй жены императора, Йии Шу.

– Госпожа Шу! – Велисия приветственно поклонилась.

Сереброголовая женщина тепло ей улыбнулась.

– Я подумала, ты, должно быть, голодна и не откажешься разделить со мной трапезу, – женщина махнула рукой слугам, те водрузили на низкий столик несколько блюд.

– О, спасибо за вашу заботу! – поблагодарила Велисия, ее желудок издал одобрительное урчание.

Шу добродушно рассмеялась, услышав его, и, взяв девушку за руку, подвела к столу. За едой брелина рассказала женщине, все, что с ней произошло за последние пять дней.

– Тебе невероятно повезло встретить таких отзывчивых людей, это могло стать очень опасным путешествием.

Велисия согласно кивнула.

– Не печалься об отце заранее, пока еще есть надежда.

Брелина слабо улыбнулась, устремив невидящий взор куда-то вдаль. Ее отец, ее друзья, все сейчас в беде, а она ничего не может сделать. Сколько еще ей придется прятаться за широкими спинами? Скольким придется пострадать из-за нее?

– Иногда нам, женщинам, не остается ничего другого, лишь ждать, – словно бы про себя, негромко произнесла Шу, угадав мысли девушки.

Глава 5

На следующее утро Велисия проснулась чуть свет. Она не могла усидеть на месте, зная, что в это самое время войска Северной Вершины и Белой Империи идут к границам Синих Драконов. А что же с Иртаном, Анджином и близнецами...

Не в силах больше оставаться одной в огромных покоях, Велисия отправилась бродить по дворцу. Весь он был отделан в таком же вычурном стиле, как ее покои. А ведь мать Хару даже не императрица, а только вторая жена. В прошлом году Велисия посещала вместе с Хару верхний дворец – резиденцию императора, тот вопреки ожиданиям выглядел намного проще. Мать тринадцатого принца слыла весьма экстравагантной женщиной.

Брелина вышла на большую террасу, с которой в ясные дни открывался вид на раскидывавшуюся внизу долину. Этим утром все было затянуто густым, белым, как молоко, туманом. Оставалось только самой представлять, как колыхнутся верхушки деревьев, а далеко впереди виднеются горы.

С другой стороны дворца Велисия вышла на широкий балкон, откуда было видно небольшой внутренний дворик. По двору перемещалась туда-сюда девушка, держащая в руках меч. Старшая сестра тринадцатого принца, Дара. Девушка была облачена в мужскую одежду: черные штаны и длин-

ную темно-синюю рубаху с широким поясом на талии. Ее длинные, серебристые, как у ее тетки, волосы были заплетены в четыре косы вдоль всей головы, словно у воительниц дикарей, портреты которых брелина видела в старинных книгах. Движения принцессы были четкими и точными, она перемещалась быстро, ловко управляясь с оружием.

Велисия почувствовала некоторую зависть по отношению к девушке. Вместе с волками фазанка тоже упражнялась в различных видах боевых искусств. Лучше всего ей удавалась стрельба из лука, а хуже всего владение мечом. Оружие было слишком тяжелым для ее рук. Дара была немного выше нее, но имела довольно стройное телосложение с узкими плечами и изящными руками. Она была на год старше Хару, ей недавно исполнилось двадцать. Невозможно было предположить, что за этим обликом скрывается сила.

Дара остановилась перевести дух, и Велисия решила ее окликнуть. Девушка подняла голову на звук своего имени и, заметив брелину, заулыбалась ей и помахала свободной рукой.

– Эй! Давно не виделись, сестренка! А ну, спускайся сюда! – позвала ее Дара.

Велисия спустилась вниз. Девушка положила меч на землю и крепко обняла брелину.

– Я слышала новости, ты в порядке?

– Да, благодаря твоему брату, – через силу улыбнулась брелина.

– Хм-м... – Дара задумчиво потерла кончик своего вздернутого носа. – Хочешь, сразимся? Меня это всегда отвлекает от грустных мыслей! Давай, а?

– Я не очень в этом хороша... – замялась Велисия, – вернее даже, совсем уж плоха.

– Тогда используем тренировочные мечи! – хлопнула в ладоши Дара и стремглав метнулась внутрь маленькой пристройки, вернувшись оттуда через пару минут с двумя деревянными мечами.

Велисия почувствовала, как поджилки трясутся от позабытого страха. Она не любила поражения, а в бое на мечех проигрывала почти всегда, за исключением тех случаев, когда в противниках у нее был кто-то физически слабее.

Фазанка взяла в руки меч. К ее удивлению, он был довольно увесистым, должно быть, драконы использовали для изготовления какую-то иную породу дерева, чем ту, что применяли северовершинцы. Велисия крепче ухватила оружие и встала в боевую позу.

Дара напала первой. Она использовала простую атаку в лоб, которую даже брелина смогла отразить. Тогда девушка атаковала еще раз. Мечи столкнулись с тупым звуком. Дара заулыбалась. Бой продолжался еще несколько минут, пока юная воительница все-таки не выбила меч из рук брелины.

– Сдаюсь! – запыхавшись, сказала Велисия, подняв руки вверх. Дара рассмеялась.

– А твоя техника совсем не плоха! – с искренним удивле-

нием сказала девушка. – Нужно только научиться использовать собственный вес, хочешь, научу?

– Конечно, хочу! – оживленно ответила Велисия.

– Может, еще разок?

– Давай! – смелее сказала брелина, сняв верхний громоздкий наряд и оставшись в нижнем платье и рубашке, закрывающей руки, но не сковывающей движения.

– О! Вот это настрой!

– Чем это такие прелестные юные дамы занимаются в столь ранний час? – слышался сверху мужской голос.

Девушки огляделись, тут же встав по струнке, увидев, кто наблюдает за ними. На балконе были трое: во главе процессии вторая жена императора, Йии Фэй, по бокам от нее Госпожа Шу и четвертый принц, старший брат Хару, Тенг Риёку. Йии Фэй не удостоила девушек взглядом. Велисия видела лишь ее профиль, женщина смотрела вдаль с непроницаемым выражением лица. К такому обращению брелина привыкла. Мать Хару считала брак своего сына с Велисией унижительным и не раз пыталась уговорить императора изменить решение. По ее мнению, он мог найти для Хару намного более выгодную партию из дочерей влиятельных семей, а не «эту толстую девчонку из какой-то маленькой и безвестной страны». Фраза была сказана в присутствии самой брелины, когда та впервые посетила Драконью Пасть пять лет назад. Тогда это ее очень расстроило, но со временем девушка научилась не придавать оскорблениям женщины значения. Ве-

лисия прекратила попытки изменить ее мнение о себе. Вторая жена никогда не принимала будущую невестку у себя, когда та приезжала в столицу, несмотря на то, что поприветствовать мать жениха требовал этикет.

– Здравствуйте, матушка! – поклонилась Дара.

– Доброе утро, Ваше Величество! Госпожа Шу, четвертый принц, – поочередно поклонилась фазанка.

– О, если это не очаровательная Велисия! – певуче произнес Риеку. – Вы похорошили с нашей последней встречи, стали прекрасной молодой особой.

Вторая жена полностью проигнорировала приветствия девушек и скрылась во дворце, госпожа Шу поспешила за ней. Дара тяжело вздохнула, с опаской глядя на фазанку. Сестра тринадцатого принца относилась к брелине с теплотой.

– Не возражаете, если я присоединюсь? – спросил четвертый принц.

– Конечно, нет, – отозвалась Велисия.

– Вообще-то возражаем! У тебя разве нет дел? Иди куда шел! – воскликнула Дара.

– Как грубо с твоей стороны, сестра! – с поддельным укором ответил принц, спускаясь по белокаменной лестнице легкой, немного ленивой, но грациозной поступью, как кот.

Он подошел к девушкам, слегка улыбнувшись Велисии с высоты своего роста, и тут же отобрал у Дары меч.

Девушка в раздражении топнула ногой:

– Эй! Ну это что за наглость? Не видишь, у нас тут девичьи

забавы, тебя не приглашали!

Риеку не обращал на сестру внимания.

– Ты же не откажешь старшему брату жениха? – манерно произнес он, приподняв брови.

Сердце брелины ушло в пятки. Она растерянно посмотрела на Дару. Ладони девушки вспотели, она крепче сжала рукоять меча, чтобы его не выронить.

– Она не хочет! Что тут не понятного! – драконья принцесса закатила глаза.

– Я хочу услышать ответ от Велисии, – Риеку сверлил брелину глазами.

– Я совсем ничего не смыслю в бое на мечах, не хотелось бы смущать принца поединком с тем, у кого настолько плохие навыки, – девушка попыталась как можно вежливее отказать.

– Меня уже давно мало что может смутить, однако, если вы так себя ощущаете, я не стану настаивать, – мужчина небрежно отбросил меч в сторону, – вместо этого, не прогуляетесь со мной?

Дара уже было раскрыла рот, чтобы возразить, но принц остановил ее движением ладони.

– Тебя ищет учитель.

– Он приехал с тобой? Что ж ты сразу не сказал? – ахнула принцесса.

Четвертый принц рассмеялся, довольно глядя, как девушка устремляется во дворец, оставляя его и брелину вдвоем.

– Вы, полагаю, еще не видели новый фонтан в переднем саду? – бархатисто произнес мужчина.

Сад во дворце второй жены был не менее роскошным, чем сам дворец. Там росли всевозможные цветущие деревья и растения, привезенные из разных стран. Повсюду были небольшие фонтаны, порой соединенные между собой маленькими мостиками. От дворца до самой крайней точки сада была построена стена, похожая на акведук, ширина которой позволяла пройти по ней одновременно трем людям. Стена расходилась в две стороны длинными ответвлениями. Вторая жена любила прохаживаться по ней, возвышаясь над садом. Низ стены был испещрен проходными арками, через одну из которых прошли Велисия и Риеку.

– Я забыла, какое это впечатляющее место, – голос брелины отскочил от потолка арки, разливаясь гулким эхом.

– Я ненавижу эту стену в детстве, мать нарочно сделала ее слишком гладкой, чтобы мы не могли забраться по ней наверх.

Велисия глянула на своего собеседника. Ей было чудно, что они прогуливаются вдвоем. Раньше фазанка видела четвертого принца лишь на праздниках и официальных мероприятиях в верхнем дворце и никогда прежде не оставалась с ним наедине, они всегда разговаривали в присутствии Хару или других его братьев. Четвертому принцу было двадцать семь, он был женат, но не имел детей. Его супруга была хрупкой женщиной со слабым здоровьем, ее брелина

видела лишь однажды. Разница во внешнем облике Риеку и его жены поразила юную фазанку. Четвертый принц был очень хорош собой. Высокий, статный, с лицом, которое пленяло сердца юных дев. Было нечто загадочное в его глазах, что-то искушающее в его улыбке. Жена его, напротив, была совсем обыкновенной. Ее фигура полностью соответствовала драконьим канонам красоты: она была небольшого роста, очень худенькая с крошечными как у ребенка ступнями. Черты ее лица не вызывали неприязни, но и восхищения тоже, все в облике ее было каким-то невыразительным, бледным. Однако, ее глаза загорались, когда она смотрела на Риеку. Тринадцатилетняя Велисия устыдилась собственных недобрых, высокомерных мыслей о внешности девушки, увидев это пылкое выражение ее глаз. Брелина смутилась, даже вспомнив его сейчас. В ее воображении глаза смотрели теперь не на мужа, а на нее, будто обжигая ревностью, говоря: «Кто ты такая? Как смеешь оставаться с ним наедине? Он мой!». Погруженная в воспоминания, Велисия перебирала пальцами ленты своего платья, устремив взор к очередному фонтану. Она почувствовала на себе взгляд.

Риеку внимательно наблюдал за девушкой. Его глаза скользили по лицу фазанки, словно ощупывая. Брелина поежилась, ей отчего-то сделалось ужасно неловко. То ли от воспоминания о жене принца, то ли от огонька, который зажегся в его собственном взоре. Было что-то в облике четвертого принца, что вызывало в сознании Велисии некое несо-

ответствие. Он был одет в строгое формальное мужское платье с вышитым на груди золотым гербом императорской семьи. Его темные волосы были убраны на затылке в тугую жгут, заколотый шпилькой: прическа, которую носили все женатые драконы. Но его лицо было по юношески свежим, отчего трудно было воспринимать его как взрослого мужчину. Это лицо... на нем всегда была улыбка, усмешка или хитрая ухмылка. Брелина никогда не видела на этом лице выражения злости, печали, растерянности или удивления. От этого становилось не по себе. Зачем он позвал ее сюда сегодня?

– Я нахожу вас весьма любопытной особой, Велисия, – мягко проговорил он, его низкий голос смешался с негромким звуком переливающейся воды.

– Отчего же? – брелина напряглась.

– Что вы думаете о моей родне? О матери и сестре, о Хару? – спросил Риеку, не отрывая от брелины испытующего взгляда.

– Я очень рада, что мне предстоит стать частью вашей семьи, ко мне здесь все относятся с теплотой и пониманием, – осторожно ответила девушка.

Риеку улыбнулся с легким смешком.

– О, вы очень высокого мнения о моих родственниках, к сожалению, не могу сказать того же о себе.

– Почему? – спросила брелина тише прежнего, у нее перехватило дыхание, и возникло желание убежать.

– Эта семья – змеиное гнездо. У меня четырнадцать бра-

тьев и десять сестер и каждый из них, не важно, показывает он это или нет, претендует на престол. Возможно, Хару не настолько глубоко в этом замешан, он все-таки лишь тринадцатый наследник, но я-то сполна ощутил всю силу этих уз, – голос Риеку стал холодным как лесной ручей, но на лице все еще была улыбка. – Вы, должно быть, счастливы, что выходите замуж за такую незначительную фигуру как мой брат. Сможете в спокойствии дожить до старости.

Велисии стало крайне неприятно от слов мужчины. Она всегда думала, что Хару в хороших отношениях со старшим братом. Почему Риеку говорит о нем в такой уничижительной манере?

– Я вас расстроил? Прошу прощения, – принц изобразил на лице раскаяние. – Я лишь хочу быть уверен, что вы знаете о существовании других возможностей... если по какой-то причине вас перестанет устраивать ваше положение. К сожалению, мне пора, надеюсь на скорую встречу, Велисия, – мужчина откланялся и удалился прежде, чем девушка смогла что-либо ответить.

Брелина долго бесцельно слонялась по саду, не чувствуя желания возвращаться во дворец. Ей хотелось немного побыть наедине со своими мыслями. Здесь, среди грушевых деревьев никто не увидит ее, никто не будет оценивать ее выражение лица или насколько благородная у нее осанка. Никто не скажет, что она недостаточно ценит оказанную ей честь расположиться в резиденции императорских детей. Ей каза-

лось, она могла не замечать едких высказываний второй жены, но это был лишь самообман. Фазанка могла заставить себя поверить в то, что мнение матери Хару для нее ничего не значит, но в такие моменты, как сейчас, ей обязательно вспоминалось что-нибудь гадкое. Зачем Дару искал ее учитель боевых искусств? Неужто увезет ее куда-нибудь для тренировок? Если принцесса уедет, в этом месте станет на одно приветливое лицо меньше.

День разгорался все ярче, проливая на верхушки деревьев желтый свет тепла и жизни. Брелина увидела вдалеке еще один фонтан. В самом деле, сколько же их тут? Этот был украшен небольшой статуей птицы с раскрытыми крыльями. Солнечные лучи искрились в потоках воды, льющихся из отверстий по бокам постамента. Из-за этих переливающихся струй Велисия не сразу заметила, что на белом каменном бортике кто-то сидит. Она лишь увидела какое-то движение. Заинтересованная фазанка подошла ближе.

Тихий вздох сорвался с губ брелины. Перед ее взором возникла птица, почти такая же как на фонтане. В холке она была чуть ниже половины человеческого роста. Длинные сильные ноги переходили в худое, изящное тело и длинную шею. На голове у птицы был хохолок. Хвост кончался длинными перьями, золотистые, они буквально светились в лучах солнца. Никогда еще брелина не видела ничего красивее. Сперва она подумала, что птица ненастоящая, что это статуя, но вот та подняла крыло, чтобы почистить перья. Девушка про-

должала восхищенно смотреть. Раньше она не видела таких птиц ни в этих краях, ни у себя на родине. Ей думалось, такие водятся лишь в южных землях.

Велисии захотелось подойти ближе, но она приросла к земле как вкопанная, даже дышать старалась бесшумно, чтобы не спугнуть столь красивое существо. Вдруг птица подняла голову и внимательно посмотрела на девушку. Пернатая словно рассматривала брелину, будто та ее тоже заинтересовала. Внезапно каким-то внутренним чутьем Велисия поняла, что птица не улетит, если она подойдет к ней поближе. Птица продолжала смотреть на девушку, будто ожидая чего-то. Фазанка медленно подошла, остановившись лишь в паре шагов от фонтана. Пернатая глядела на нее одним глазом, который, к удивлению брелины, горел в свете солнца зеленым.

Девушка медленно опустилась на бортик в нескольких сантиметрах от птицы. Та, повернула голову и смотрела теперь на статую, возвышавшуюся над их головами. В этот момент брелину посетила слегка безумная мысль, но она могла поклясться, что птица была чем-то сильно расстроена. Будто, если бы она могла, то сейчас бы плакала. Девушка тоже подняла взор к постаменту. Под статуей была выгравированная надпись, потемневшая от времени. Прочсть ее Велисия не смогла, она не видела раньше таких символов, это был определенно не драконий язык.

– Хотела бы я знать, что здесь написано, – сказала брелина

как бы про себя. – Это твой знакомый?

Вдруг фазанку поразило осознание: птица как будто оплакивала кого-то. В течение нескольких секунд они смотрели друг на друга.

Со стороны дворца до девушки донесся женский голос. Птица тут же взметнула золотистыми крыльями и вмиг взлетела, обдав Велисию волной теплого воздуха, пахнущего сухой травой, морем и в то же время чем-то сладковато-пряным.

– Молодая госпожа, Госпожа Фэй просит вас к себе, – пролепетала юная служанка, склонившись перед брелиной в поклоне.

Велисия проследовала за служанкой в глубь дворца, чувствуя, как холодок проходит по ее спине. За 5 лет женщина ни разу не позволила ей даже переступить порог своих покоев...

Слуги распахнули перед Велисией двери, и перед взором девушки предстало самое дорого обставленное помещение, которое она когда-либо видела. Вычурность отделки личных покоев второй жены императора резала глаз. Фазанка представить себе не могла, как можно было отдыхать в такой обстановке. В центре за небольшим обеденным столом сидели Фэй и Риеку.

– Велисия! Мы как раз тебя ждали. Не откажешься позавтракать с нами? – с теплой улыбкой обратилась к ней Фэй.

Брелина застыла на месте, как громом пораженная. Неужели женщина обращается к ней? Девушка недоуменно продолжала смотреть на вторую жену, улыбка которой стала больше насмешливой, чем теплой.

Риеку поднялся из-за стола и подошел к Велисии. Выражение его лица было непроницаемым, привычная ухмылка застыла на губах.

– Прошу, – он легонько коснулся кончиками пальцев ее локтя. Брелина послушно прошла к столу, всеми силами пытаясь сохранять спокойствие, хотя ей казалось, что ее ведут на заклание.

Риеку услужливо отодвинул для девушки стул. Велисия села, опустив взгляд вниз. Ее лицо горело под пристальным взглядом Фэй. Без дальнейших предисловий мать и сын принялись за еду. Брелина же неловко сцепляла пальцы под столом, решительно не понимая, зачем ее сюда пригласили.

– У тебя проблемы с аппетитом или, быть может, стесняешься? – спросила Фэй. Велисия подняла на женщину затравленный взор. Фэй усмехнулась, перегнулась через стол и подцепив своими приборами кусочек рыбы положила его на тарелку Велисии. – Попробуй, это очень вкусно, слава о нашей треске доходит до самых отдаленных земель.

У Велисии в буквальном смысле побежали мурашки по коже.

– Спасибо, – выдавила она и дрожащими руками взяла со стола две металлические палочки – столовые приборы, кото-

рыми пользовались в Империи. Фазанка нервничала теперь еще и от того, что за все годы не научилась управляться палочками так же ловко, как драконы. Кое-как подняв с тарелки кусок трески, она принялась жевать его. Ее глаза встретились с глазами Риеку. Тот явно находил сию ситуацию забавной, ведь теперь он улыбался шире.

– Матушка, через несколько дней я собираюсь посетить Тихие Состязания, не составите мне компанию?

Вторая жена изобразила удивление на лице, от чего тонкая фарфоровая кожа ее лба натянулась.

– Разве это не обязанность твоей жены?

– Лин сейчас очень слаба, ей всегда особенно тяжело в это время года, из-за жары ей трудно дышать.

– Я ожидаю посетителей, так что не смогу выполнить твою просьбу, однако, я знаю одну молодую особу, у которой наверняка найдется уйма свободного времени.

Велисия едва ли не поперхнулась. Риеку просиял.

– И правда, матушка, как я сам до этого не додумался. Вы ведь не откажетесь? – принц приподнял брови с абсолютно невинным выражением лица, от которого у брелины внутри все сжалось.

– Почту за честь, – выдохнула она. Фазанка была уверена, что с губ второй жены слетел смешок, хотя та скрыла его, прижав к алым губам бокал с вином.

Наконец трапеза-испытание подошла к концу, брелина

вернулась в свои покои с твердым намерением выйти оттуда, только если ее вытащат силком. С тихим вздохом облегчения она опустилась на мягкую кровать, только чтобы с воплем тут же с нее спрыгнуть. Под потолком, уцепившись ногами за толстую мраморную перекладину, вниз головой висел Рейдок в своем «человеческом» обличи.

– Что ты здесь делаешь? Как же ты меня напугал! – брелина опустилась на край кровати, пытаясь отдышаться.

– Прости, – крикнул Рейдок, спрыгивая на пол.

– Как ты здесь очутился?

– Я летел за тобой и тем крылатым, но он был очень быстр, поэтому я добрался сюда только сейчас, – скрипуче ответил вороненок, почесав лохматую голову.

– Зачем ты за нами летел? – недоверчиво спросила брелина. Сегодня все ей казалось подозрительным.

– Ну...это...я думал, он тебя похитил...и хотел помочь, – вороненок стыдливо опустил глаза в пол.

Брелина по-доброму рассмеялась, чувствуя, как раздражение и недоверие отступают, и теперь уже искренне радуясь встрече. Она поднялась на ноги и подошла к низкому столику, на котором стояло большое блюдо со сладостями. Девушка взяла со стола маленькое блюдце и положила на него несколько кусочков рисового пуддинга и сладкого хлеба.

– Вот, держи, ты, наверное, проголодался, – сказала она, наклонившись к Рейдоку, – прости, это все, что у меня сейчас есть.

Рейдок обрадовано просиял и с благодарностью принялся уплетать предложенное угощение. Содержимого блюда ему было мало, и он принялся за остальное.

– Эй, не ешь так много, тебе будет плохо! – отчитала его брелина.

Рейдок обиженно положил десерт обратно. Брелина вновь рассмеялась и потрепала малыша по голове. Как оказалось, маленький варисс видел, как на Велисию и ее спутников напали птицы-великаны. Он хотел помочь, но было слишком поздно, появился «крылатый» и украл брелину. Рейдок сразу же последовал за ним, но на полпути упустил их из виду, и остаток дороги летел по запаху Велисии. Поэтому, вопреки надеждам девушки, вороненок не знал, что случилось теперь с ее друзьями.

– Ты можешь найти кого-то по запаху? – заинтересовалась фазанка.

– Если знаю, где примерно искать, – сонно ответил варисс и зевнул, – мне повезло, что ветер дул в мою сторону, он приносил твой запах.

Велисия задумалась, не попросить ли Рейдока отыскать Иртана и остальных по запаху, раз уж он смог так выследить ее, но услышала, как тот засопел. Устал, наверное. Уснув, Рейдок из пернатого мальчишки обратился вновь в ворона. Брелина тихонько подошла к кровати, взяла с нее одно из покрывал и неловко накрыла спящего вороненка, подумав про себя, как странно будет, если кто-то из слуг его увидит.

Поколебавшись еще несколько секунд, она осторожно взяла птицу в руки и перенесла на пуфик между кроватью и окном. Так варисса не увидят, даже если в ее покои кто-то зайдет. Брелина ощутила, как накатывает усталость, ведь она почти не сомкнула глаз прошлой ночью. Зевнув, девушка прилегла на краешек кровати и тотчас уснула.

Брелина проснулась, от чувства, будто кто-то ее окликнул. Девушка понятия не имела, сколько времени проспала. За окном было довольно темно, но все же слабый свет проникал в окна: похоже, рассветало. Фазанка потянулась на кровати, но тут же замерла. За распахнутой дверью балкона кто-то стоял. Велисия вжалась в перину под собой, соображая, что делать.

Нервно сглотнув, девушка осторожно встала и на цыпочках подошла к дверному проему. Тень пошевелилась. Собрав всю отвагу, фазанка двинулась дальше, пока в проеме не увидела силуэт птицы. Это была та же золотокрылая пернатая, которую она встретила возле фонтана. Брелина облегченно выдохнула.

– Это ты? Как ты меня напугала. Решила зайти в гости? – поприветствовала она птицу. Из клюва послышался негромкий рокот. – погоди секунду.

Брелина ушла вглубь покоев, чтобы вернуться через несколько мгновений с кусочком сладкого хлеба в руках. Она раскрошила его себе в ладонь. Несмотря на ранний час,

воздух снаружи был уже очень теплым, влажным и пах сочной зеленой листвой. Фазанка подошла к краю балкона, где на широком белоснежном ограждении сидела ее гостья. Девушка вытянула вперед руку с угощением, на этот раз полностью уверенная, что птица не испугается. Пернатая посмотрела на ладонь с накрошенным сладким хлебом, потом подняла золотистую голову к брелине, словно в удивлении.

– Ты не голодна? – спросила девушка. Она уже хотела было стряхнуть крошки, но тут почувствовала колючее прикосновение к ладони. Птица ела очень аккуратно. Велисия, затаив дыхание рассматривала ее голову, которая теперь была совсем близко. Перья вокруг глаз птицы были почти такого же цвета как волосы брелины, такие же малиново-рыжие. Яркое обрамление было слегка вытянутым у внешнего уголка глаза.

– Такая красивая птичка, – благоговейно произнесла Велисия. Доев, птица упорхнула. Брелина снова почувствовала знакомый пряный запах.

Слуги принесли Велисии завтрак в покои, хвала прародителям, на этот раз ее никто не вызвал к себе. Она и Рейдок поглощали вкусности в дружеской тишине, пока варисс не придвинулся к брелине, нахмурившись.

– Чем это от тебя пахнет? – проскрипел вороненок, наклоняясь к руке девушки. Велисия озадаченно поднесла руку к носу, но ничего не почувствовала.

– Да вроде ничем...

– Ты бы была поосторожней, наследница фазана, – вдруг выдал маленький варисс.

– Почему? – удивилась брелина.

Вороненок проглотил сразу половину содержимого тарелки с маринованной редькой и только потом ответил:

– Гиблые земли здесь, много недоброжелательных существ. Но что еще хуже, они притворяются хорошими, а на деле захотят тебе худо сделать.

– Ты здесь раньше бывал?

Рейдок кивнул:

– Только пару раз, когда пролетал на пути в Северную Вершину, но и так натыкался на нежитей.

– Нежитей? Вроде кого?

– Вроде меня, только злых.

Брелина рассмеялась.

– А в Северную Вершину ты зачем летал?

Варисс внезапно стал очень серьезным. Он поставил на стол опустошенную чашку супа и стыдливо опустил глаза в пол.

– Этого я не могу рассказать. Это секрет и притом не мой.

– Хорошо, – улыбнулась Велисия и погладила вороненка по затылку, – буду впредь осторожнее.

Глава 6

В темной комнате с одним лишь маленьким окном, на низкой кровати лежал молодой волк. Его обнаженная грудь была перевязана белой материей, сквозь которую в нескольких местах проступала кровь.

Дверь в комнату отворилась, вошла Ину, неся в руках небольшой глиняный таз и тряпицу. Девушка обмакнула тряпочку в воду, отжала и положила на лоб волка. Молодой человек слабо дернулся, его дыхание стало сбивчивым, на шее выступили капельки пота. Ину мрачно окинула его взглядом и вышла в другую комнату, такую же темную, но немного больше предыдущей.

– Если мы что-нибудь не сделаем, он умрет, – произнесла она с отчаянием, обращаясь к сестре, которая сидела за узким длинным обеденным столом.

– Ты слышала, что сказала хозяйка и другие местные, лекарь в отъезде и прибудет послезавтра.

– Предположительно, – поправила сестру Ину. – Это может означать, что угодно! Кажется, кто-то из соседей сказал, что в той деревне, куда лекарь уехал, все повально слегли с болезнью живота. Думаешь, он сможет так скоро вернуться?

– Что нам остается? – голос Зеи стал немного раздраженным. – Сама слышала, повозку нанять тут не у кого, придется ждать.

Ину выжидательно посмотрела на сестру, та покачала головой.

– Ты знаешь, что я думаю по этому поводу. Мой ответ – нет! То, что ты хочешь сделать – совершенное безумие! – всплеснула руками Зея, ее глаза метали искры.

– Но мы ведь все равно собирались вернуться в Драконью Пасть, – тихо возразила драконка.

– Да, но так, чтобы никто об этом не узнал! А то, что ты собираешься вытворить, нас погубит! Если ты действительно этого хочешь, то знай – на меня можешь не рассчитывать! – Зея скрестила руки на груди, отворачиваясь от близняшки.

Ину присела за стол напротив сестры, та не удостоила ее взглядом. Девушка тяжело вздохнула, ведь и сама понимала: то, что она намеревается сделать, может обернуться для нее ужасными последствиями. Но как она могла думать о себе, когда Иртан находился при смерти? Она не желала с этим мириться! Девушка просто не могла позволить ему умереть.

Во время нападения гигантских птиц одна из них задела лапой грудь волка. От удара остались три длинные, не очень глубокие раны, но отчего-то остановить кровь из них получилось только на время. Сначала Иртан мог идти сам, но, когда до города оставался еще день ходьбы, волк слег с сильным жаром и с тех пор в себя не приходил. Сестры и Анджин дотащили его до ближайшего поселка, где остановились теперь в доме местного лекаря, чья жена любезно согласилась их приютить.

Ину теребила кончик светло-рыжей косы, терзаемая сомнениями. Из комнаты Иртана донесся стон, девушка вздрогнула.

– Схожу еще за лекарственными травами, намочи тряпочку, когда она высохнет, пожалуйста, – не дождавшись ответа сестры, Ину выскочила из комнаты.

– Вот дуреха... – кинула ей вслед Зезя.

Ночью, когда Анджин с Зеей уснули, Ину тихо прокралась в комнату к Иртану. Молодой волк спал беспокойным сном, то и дело вздрагивая. Сделав глубокий вздох, девушка отворила дверь черного хода, что вел на улицу. Она вышла на узкое крыльцо и напряженно вгляделась в тьму перед собой.

– Эй! Сюда!

По ее зову подошел смуглый молодой человек в рваной длинной накидке. Ину запустила его в комнату.

– Приподними его, а я попробую одеть, – прошептала драконка.

Парень подхватил Иртана под руки и усадил.

– Тяжелый, зараза, – прокряхтел он.

– Тихо! – гаркнула Ину шепотом. – Разбудишь моих друзей – денег не получишь.

Девушка кое-как натянула на волка рубаху и завязала на шее его бордовую накидку.

– Все, поднимаем! – скомандовала рыжеволосая.

Вдвоем молодые люди подняли Иртана и вынесли наружу.

С третьей попытки им удалось водрузить его на лошадь, которая, привязанная, ждала у калитки.

– Барышня, как же ты его одна доведешь... тсс-тсс-тсс, – процыкал парень.

– Молча, – буркнула драконка, – вот твои деньги, как обещала, за лошадь и за помощь.

Ину ловко залезла на лошадь, пристроившись за безвольно лежащим телом Иртана и тронулась. Девушка хотела ехать как можно быстрее, но боялась, что не удержит волка. Все же, когда у горизонта забрезжил рассвет, она увидела вдалеке знакомые очертания поместья. Ину с надеждой улыбнулась, скинула с головы капюшон дорожного плаща и рукавом смахнула со лба капли пота.

Личный лекарь хозяина поместья прибыл еще до обеда, и после нескольких его манипуляций Иртан задышал ровнее.

– Это нужно будет дать ему, когда он проснется, и потом с каждым приемом пищи, – седовласый врачеватель протянул Ину склянку с какими-то розовыми шариками, – я вернусь завтра сменить повязку.

– Спасибо! – сердечно поблагодарила девушка, на ее глазах выступили слезы радости.

Когда лекарь ушел, в покоях появился полноватый сидящий мужчина, лет сорока.

– Ты же понимаешь, что мне придется доложить о твоём появлении брату, – угрюмо обратился он к девушке.

– Знаю... – ответила Ину, – вы уже очень помогли мне, дядя, с остальным я разберусь сама.

Девушка улыбнулась, хотя руки, сжимающие склянку, дрожали.

В покоях Велисии было, по меньшей мере, семь служанок. Они мельтешили перед ней, пихая под нос разные платья, поэтому она не могла подсчитать их точное количество. Брелина должна была выбрать шесть нарядов, которые наденет на Тихие Состязания, по одному на каждый день соревнований, и по одному на каждый вечер. К счастью юной фазанки, Дара тоже вызвалась составить компанию Риеку, и ей не придется все время провести с принцем вдвоем.

Служанки надевали и снимали с девушки наряды с такой невероятной скоростью, что у нее все смешалось перед глазами. Под потолком, на оконном карнизе сидел никем не замеченный Рейдок, его, кажется, забавляло вымученное выражение лица Велисии. Брелина с досады показала вороненку язык.

Наконец, выбор был сделан. Была бы ее воля, Велисия не выбрала бы ни одно из платьев, уж слишком вычурными они были, да и ходить в них не очень удобно. Но она до дрожи в коленках боялась осуждения матери Хару, поэтому никогда бы не совершила такую дерзость, ведь все платья были подарками для Велисии из личной коллекции госпожи Фэй.

Брелина обессиленно рухнула в одно из кресел, когда слу-

жанки оставили ее одну. Прикрыла глаза, но сквозь наступающую дремоту почувствовала некое присутствие в покоях. Девушка разлепила веки, увидев прямо перед собой знакомую птицу.

– О, ты здесь! Я тебя не заметила, – брелина поднялась и хотела, было, подойти к птице, как ей дорогу преградил Рейдок в облиии мальчика.

– Он может быть опасен! – проскрипел варисс, разводя руки в стороны и не давая Велисии подойти ближе.

– Эта пташка? Она моя знакомая, я ее подкормила в прошлый раз, – беспечно отозвалась фазанка. – Хочешь еще чем-нибудь полакомиться? Сейчас я...

– А ну покажи свою истинную форму! – крикнул варисс так, что брелина испугалась, не пришел бы кто на его вопли.

– Что ты делаешь? Вдруг тебя услышат! – испуганно затараторила Велисия.

Птица склонила голову набок, словно передразнивая Рейдока.

– Ну же! Покажи свое обличие, обманщик! – вороненок с грозным видом ткнул указательным пальцем в направлении птицы. Та вдруг засветилась ярким светом и после ослепительной вспышки исчезла, явив взору варисса и брелины абсолютно голенького юнца.

Велисия вскрикнула и закрыла глаза ладошками.

– Прикройся, бесстыдник, – крякнул ему Рейдок, протягивая одну из длинных нижних рубашек, забытую служан-

кой на кресле.

Парень накинул ее на голое тело, черная шелковая ткань контрастировала на фоне молочно-белой груди. Он озорно улыбнулся.

– Ты же сам попросил меня обратиться, – мелодичный высокий голос разлился по комнате. – Я оделся, можешь больше не закрываться руками.

Брелина недоверчиво медленно отвела ладони, чтобы лицезреть перед собой самого необычного юношу, что она когда-либо видела. По виду он был ее ровесником. Не очень высокий, быть может, чуть выше нее, худощавый. Но лицо юноши – вот что поразило брелину. У юнца был какой-то невероятный разрез глаз. Веко было сплошным, как у Иртана, но глаза были намного больше и круглее что ли, черные как две пуговики. Внешние уголки его глаз были чуть приподняты вверх. У него был аккуратный нос с острым кончиком и тонкие губы, что придавало ему схожесть с птицей, которой он был еще минуту назад. Волосы парня были светлыми с золотым отливом, точь-в-точь как перья его птичьего обличия.

Не обращая внимания на жалкие попытки Рейдока встать у него на пути, юноша подошел к брелине и с каким-то по-детски веселым выражением лица, заглянул в глаза.

– Удивлена? А обращалась ко мне, как к девочке! – хохотнул парень.

Щеки брелины залил предательский румянец, когда па-

мать услужливо воспроизвела в голове образ нагого юноши.

– Ты злишься? Я и сам собирался показаться тебе в своей истинной форме, но хотел, чтобы мы сначала подружились, – стал оправдываться юноша, надув щечки и распахнув глаза, словно нашкодивший карапуз.

Брелина прыснула смехом, видя такое наивное выражение лица у юноши, и думать забыла про свое смущение.

– Как тебя зовут?

– Умин! – обрадованно отозвался юноша, улыбаясь еще шире, чем прежде. – А тебя?

– Велисия.

Юноша вдруг крепко обнял брелину. Девушка вновь ощутила знакомый пряный, морской аромат, только теперь он был не таким сильным. Умин отстранился, но его руки все еще лежали у брелины на плечах, и заглянул в лицо.

– Ты такая миленькая! Я хотел тебя обнять еще, когда мы встретились в первый ра...ай! – юноша отдернул руку, по которой нехило шлепнул Рейдок.

– Ты что себе позволяешь, наглец! – возмущенно прокрипел вороненок.

– Да угомонитесь вы оба! Если вас обнаружат, мне конец! – прошипела брелина.

Троица испуганно покосилась на двери покоев. Кажется, в коридоре слышались чьи-то шаги.

– Уходите! Быстро! – затараторила брелина, выпихивая птице-мальчишек на балкон. Девушка ожесточенно замахала

ла руками, призывая нерадивых приятелей удалиться в туман. Наконец, они оба обернулись птицами и улетели. В тот же момент раздался негромкий стук.

– Войдите, – настороженно позвала Велисия.

Из-за массивных резных дверей просунулась голова Дары, и брелина облегченно выдохнула.

– Найдется минутка? У меня важный разговор, – неожиданно застенчиво произнесла принцесса и опустила взгляд в совсем не свойственной ей манере.

– Разумеется, – брелина подошла к девушке и за руку провела ее вглубь покоев.

С минуту принцесса тушевалась и теребила пояс своего тренировочного одеяния, смотрела то в пол, то на Велисию, как бы все еще раздумывая, стоит ли затевать этот разговор.

– Лиса, – позвала она наконец девушку на драконий манер, – кажется, я... скоро выхожу замуж.

– О! Так неожиданно, за кого? – тут же спросила брелина, но осеклась, заметив, как изменилось выражение лица принцессы.

Дара вся осунулась, взгляд ее глаз сделался колким.

– Отношения с северными байту обострились, и отец решил выдать меня за их князя, дабы таким образом уладить конфликт. Если подумать, то это вполне очевидно. Я даже удивлена, что он не принял подобного решения раньше. Мне, можно сказать, повезло. Всех моих сестер выдали замуж, когда им было не больше шестнадцати, а одну отправи-

ли послушницей в верховный монастырь южных кете, когда ей было всего восемь, больше мы ее не видели.

Лицо Велисии озарилось пониманием. Конечно, в этом не было ничего неожиданного. Сперва брелина было подумала, что у подруги появился ухажер, о котором она не знала, но та ведь была принцессой. Дара была дочерью императора, фактически обладающая правом наследования трона, но при таком количестве братьев очередь до нее вряд ли когда-либо дойдет. Дочери всегда были инструментом для установления связей и улаживания конфликтов. Как и сама брелина... нет! Фазанка отринула от себя эти мысли. В ее случае все было совсем по-другому! Велисия и ее суженый с детства знали, что в знак союза двух держав их отцы обещали сочетать своих детей браком. Велисия знала Хару многие годы, он был ее близким другом. Брелину не отправляли кому-то подобно подношению.

– Когда состоится свадьба?

– Отправлюсь сразу после окончания состязаний, – Дара пристально поглядела брелине в глаза, словно хотела добавить что-то еще, но колебалась.

– У тебя случайно нет человека, который тебе нравится? – вдруг выпалила Велисия, всплеснув руками, обрадованная собственной догадливости.

Принцесса ошеломленно округлила глаза.

– Откуда ты знаешь?!

Велисия лишь покачала головой и улыбнулась.

– Кто он?

Дара кашлянула и смущенно отвела глаза. Похоже, она действительно испытывала к кому-то сильные чувства.

– Он чиновник во дворце, один из цензоров. Самый молодой мужчина, который когда-либо занимал этот пост! Ему всего двадцать девять! А государственный экзамен он сдал, когда ему было одиннадцать!

– М-м, похоже, он гений! Красив? – заинтересованно спросила брелина.

Дара улыбнулась и кивнула.

– А он что? Ты ему нравишься? – нетерпеливо допытывалась Велисия.

– Я так не думаю... – принцесса вновь теребила пояс, опустив взгляд в пол, – впервые, я встретила его, когда мне было десять. Тогда он еще был мелким чиновником в судебном ведомстве – разбирал незначительные происшествия, мелкие доносы, кражи, драки. Однажды, я увидела его в городе. Мы с Хару прогуливались по рынку, и там разразился скандал. Какая-то малышка, девчонка лет пяти, оборванная, грязная, украла серебряный гребень у торговца. Тот это заметил, девочку в охапку и давай горланить на всю округу, спрашивать, где ее родители, безродная она что ли и все в том же духе. На крики целая толпа сбегалась. И многие стали говорить торговцу, чтоб он девочку отпустил, совсем же кроха, но тот, как взбесился, вцепился в бедняжку и вопит: «Где ее отец? Наплодили воров. Позовите городских!». Тут из толпы вы-

шел молодой юноша, на вид лет шестнадцати не больше, но в одежде ученого, все перед ним так и расступились. Он подошел к малышке, а она, бедная, плачет, слезы по чумазым щекам размазывает. Он взял ее на руки и говорит торговцу: «Простите мою дочь, она думала, что я заплачу за гребень, но я на минуту отлучился». И протягивает ему деньги. Торговец давай кланяться ему, извиняться. Молодой ученый его слушать не стал, гребень девочке надел и ушел. А я за ним проследила. Не успел он отойти от торговца, как появилась мать девочки. Долго кланялась и благодарила юношу. А он купил им по сладкому пирожку и ушел. После этого я еще долго вспоминала тот случай, а через несколько недель увидела того юношу во дворце. Потом мы еще часто виделись, он был учеником моего наставника и иногда занимался со мной вместо него. Но не думаю, что у него могут быть ко мне какие-то чувства...

– Ты хочешь ему признаться?

– Я думала об этом, но какой теперь смысл? – голос Дары дрогнул. – У меня было столько времени для того, чтобы это сделать, но я трусила, а теперь уже слишком поздно.

– Дара, – Велисия взяла подругу за руку. – Я думаю, что тебе самой будет легче, если ты признаешься. После твоего отъезда вы, возможно, больше никогда не увидите.

– Верно... Знаешь, мы знакомы довольно давно, и, уверена, будь он мной заинтересован, я бы это поняла. Впрочем, даже если бы это было так, вряд ли он смог бы что-то

сделать. Он сирота, без могущественных родственников или покровителей. Я позволяла себе надеяться, что он не показывал своих чувств именно из-за своего положения, ведь он все равно не смог бы на мне жениться, – Дара горько усмехнулась. – Если я признаюсь, а он скажет, что никогда ничего ко мне не испытывал, я даже не смогу о нем мечтать, когда уеду отсюда. Я бы хотела сохранить хотя бы воспоминания о нем.

Брелина внимательно посмотрела на подругу, чуть помедлила, но потом все же сказала:

– Есть один человек, с которым я не была полностью честна, а теперь я не знаю, где он находится, в полном ли здравии, не уверена, увидимся ли мы с ним вновь, успею ли я встретить его до своего замужества... – Велисия запнулась, увидев удивление, появившееся на лице Дары. – Я очень жалею, что не открыла ему своих чувств, когда еще могла.

Девушки проговорили до позднего вечера. Когда желтоватый диск луны появился за окном, немного повеселевшая Дара пожелала подруге спокойной ночи. Велисия открыла окно настежь, позволив прохладному ночному ветру пробрать ее до дрожи.

Может быть, и для нее уже теперь слишком поздно? Нет... для нее это «слишком поздно» наступило еще давным-давно, наверное, еще до ее рождения. Нет, это все глупость. У нее никогда не было права признаться. Или все же право было, но она сама не хотела им воспользоваться, прикрываясь

оправданиями словно щитом? Она сама не раз осуждала людей, которые любят оправдывать свои поступки долгом или безвыходными положением, забывая о чести, справедливости и искренности. Сама того не осознавая, Велисия стала одной из них. Той, которой не хватает смелости поступить так, как она того хочет.

Глава 7

На следующее утро в покои брелины пришли сразу несколько служанок, чтобы подготовить ее к поездке в столицу. Чтобы яркие волосы Велисии не привлекали лишнего внимания, на них нанесли белую пудру, от которой цвет волос стал больше похож на кремовый клубнично-молочный цвет, как у Ину и Зеи, после чего волосы заплели на драконий манер в две косы. Когда приготовления были окончены, девушки отправились в столицу, сопровождаемые личным хранителем Дары и Риеку с его охраной. В карете висела угрюмая тишина. Каждая из девушек была погружена в свои думы. Перед отъездом в покои брелины снова заявили птице-мальчишки, и она строго-настрого наказала им ни в коем случае не следовать за ней, а на эти три дня спрятаться где-нибудь подальше от людей. Оба очень долго возмущались. Умин хотел посмотреть на императора, а Рейдок заявил, что ни за что не позволит брелине поехать одной в такое опасное место. Все же после долгих уговоров, доводов, просьб, а в конце и угроз со стороны брелины, оба согласились спрятаться на это время в лесу.

К обеду девушки прибыли в столицу. Официально поприветствовать императора брелине не удалось, так как было решено ей поехать на состязания, притворившись дальней родственницей жены Риеку, для ее же безопасности. В верх-

ний дворец, где заседал Его Величество, отправился только четвертый принц. Дару и Велисию сопроводили в нижний дворец, в котором находились покои различных послов, визирей, гостей, а также знаменитые секретные купальни. Это были огромные ванны, вырезанные в скале, заполненные проточной водой из подземных горячих источников, которая, по слухам, имела чудодейственные свойства. Про эту воду говорили, что раз искупавшись в ней, дряхлый старик станет снова резвым юнцом, а самая неказистая дурнушка обернется писаной красавицей. Попасть в купальни мог только очень узкий круг влиятельных людей, что способствовало рождению все новых слухов и легенд об этом месте.

По прибытии в нижний дворец Дара и Велисия отобедали, после чего принцесса предложила немного передохнуть, а потом посетить одну из чудодейственных купален. По прошествии установленного времени Велисия вышла из своих покоев, намереваясь справиться у кого-нибудь из слуг, в какую купальню ей можно пройти или где остановилась принцесса. Как назло, по пути ей никто не встретился. Велисия прошла по саду с карповым прудиком и оказалась у входа в купальенную часть дворца. Снаружи ее окружали вишневые деревья, обильно цветущие в это время года. Сама скала была гладко отшлифована. Входы в купальни были обозначены высокими арками. Остановившись у одной из них, брелина немного помедлила. Внутри вход напоминал пыточный подвал в замке ее отца, где она побывала однажды в детстве,

за что потом крепко получила по мягкому месту от родителя. Узкий коридор был освещен факелами, его конец не был виден. В итоге любопытство все же взяло свое, и брелина осторожно двинулась вглубь. Через некоторое время впереди замерцал луч света. Велисия приободрилась и увереннее зашагала вперед.

За поворотом оказалось просторное круглое помещение с высоким потолком, испещренным отверстиями, через которые проникал солнечный свет ровно в таком количестве, чтобы в пещере царил уютный полумрак. Внутреннее убранство купальни брелина смогла рассмотреть с трудом, мешал густой пар. Пол пещеры был устлан белым мрамором. Тут и там попеременно звонко падали капельки воды, а подземный поток, бурля, создавал приятный для уха шум. Сквозь эти звуки до Велисии внезапно донесся чей-то вежливый кашель. Брелина вздрогнула, застыв на месте. Фазанка принялась отчаянно всматриваться в белесую пелену горячего пара. Наконец, тот немного расступился, и сквозь завесь на брелину взглянула красивая девушка. Велисия видела только ее лицо, и это было прекрасное лицо лесной нимфы. Нежное и чистое, а глаза большие и лучистые, словно у молодой лани. Брелина с облегчением подумала, как ей повезло, что гость не мужчина, вот это был бы позор!

– Пожалуйста, простите, что помешала вам! Я здесь впервые и зашла в первую попавшуюся купальню! – сердечно извинилась брелина, поворачиваясь к купающейся спиной.

– Ничего страшного! – на удивление, голос прекрасной девушки был очень высоким и скрипучим. – Это ваш первый визит в столицу?

– Да, – солгала брелина, придерживаясь легенды о том, что она родственница жены Риеку, приехавшая из далекой деревни.

– Уже успели осмотреться? Вам здесь нравится? – голос девушки едва ли не срывался на визг на вопросительных нотах.

– О, да! Здесь очень красиво! Только слишком людно. Девушка засмеялась неподходящим для ее внешности хрипловатым смехом.

– Похоже, вы не привыкли к большим городам?

– Угу... – утвердительно хмыкнула брелина. – А вы местная?

– Я... эм-м... родилась в маленькой деревне близ устья Большой Белой Реки, знаете, где это? – слегка запинаясь поведала незнакомка.

– Это случайно не земли восточных кете? – быстро сообщила фазанка.

– Совершенно верно! Вы там бывали?

– Да... я навещала там родственников, – солгала брелина, уши девушки запылали. Внезапно, ей показалось, что незнакомка почувствовала ее ложь. В Драконьих землях девушка не была нигде, кроме столицы, но по очевидным причинам с детства изучала историю и устройство соседнего государ-

ства. Поэтому Велисия прекрасно знала названия и расположения земель пяти кланов, проживающих на территории Драконьей империи.

– Какую купальню вы искали? – спросила незнакомка.

– Не знаю... они здесь разные?

– О, конечно! Первые пять купален с проточной водой, предназначены для принятия расслабляющих ванн, дальше расположены маленькие купальни с целебными травами и грязями, а в самой глубине... – девушка интригующе понизила голос.

– В глубине?

– Об этом расскажу в следующий раз, пока что мне пора!

Вы пришли почти вовремя, мне как раз нужно уходить.

– О, простите еще раз! Я уже ухожу, – сказала брелина через плечо и вышла.

– Велисия? – где-то в отдалении гулким эхом раздался знакомый голос.

Брелина последовала за звуком и нашла подругу.

– И правда ты! – обрадовано воскликнула Дара. – Я уже боялась, что ты потеряешься и зайдешь куда-нибудь не туда. Я услышала твой голос. Какое счастье! Ты знаешь, в самой глубине этих купален... – принцесса не успела договорить.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! – девушки обернулись, к ним бежала со всех ног юная служанка. – Его Императорское Величество срочно требует Вас. Его Высочество, четвертый принц, велел привести Вас.

Дара нахмурилась:

– Что такого могло случиться... Прости, Лиса, я оставлю тебя. Надеюсь, это не займет много времени, – на этом принцесса и служанка удалились.

Брелина решила вернуться в свои покои и переждать там какое-то время на случай, если Дара скоро освободится. По пути Велисия заметила, что за ней следят. Сердце девушки учащенно забилось. Кто бы это мог быть? Его Величество знал, что она прибыла в столицу, неужели он послал кого-то следить за ней? Или это вторая жена? Девушка осторожно оглянулась – никого. Уже намереваясь как можно быстрее укрыться в своей опочивальне, краем глаза она заметила нечто знакомое. Отблеск в лучах солнца, не очень яркий, но заметный для глаза, привычного к нему. Иссиня-черный перелив перьев. Рейдок! Внутри брелины все всколыхнулось от негодования, она быстро осмотрелась на предмет сторонних наблюдателей и, не обнаружив оных, уж было собралась отчитать вороненка за то, что он оставил Умина одного, тогда как она просила присмотреть за ним, как заметила бусинки глаз, выглядывающие сквозь аккуратно постриженные кусты. Умин собственной персоной, в своем человеческом облики пытался спрятаться от Велисии. Юнец сделал шаг назад.

– Стой, где стоишь, – медленно, отчеканивая каждое слово, произнесла брелина. Умин, обреченно вздохнув, выпрямился во весь рост, оставив никчемные попытки скрыться.

Его светлые волосы прикрывала странного вида шапочка с кисточкой, свисающей над ухом.

– Ну и как это понимать?! – всеми силами стараясь сохранить спокойствие, спросила брелина, обращаясь больше к сидящему на кустарниковой оградке Рейдоку. Он все еще был в своей вороньей форме, так что негодуяще сверлить его взглядом было непростой задачей, но брелина пыталась.

– Мы беспокоились о тебе, – неожиданно серьезно сказал Умин.

Брелина покачала головой и нервно потерла лоб.

– Допустим, с этим потом разберемся. Вопрос в другом: как тебе, да еще в таком виде удалось пройти мимо стражи?

– Ох, это! Проще простого!

Брелина бросила еще один гневный взгляд на Рейдока, мол с этим-то все понятно, но ты как мог согласиться на подобную глупость. Варисс лишь сидел, слегка подергивая головой и не произнося ни слова. С ролью обычной вороны он справлялся прекрасно. Поразмыслив немного, брелина все же пришла к выводу, что, в сущности, никакого права запрещать Умину посещать столицу у нее было. Заметив, как фазанка успокоилась, паренек тут же воспользовался этим – схватил ее за руку и потянул за собой.

– Если ты закончила злиться, то идем гулять!

Велисия даже не успела ничего возразить, как очутилась на шумной городской улице. Ах, как же она соскучилась по этому! В связи с предстоящими состязаниями на главной

торговой площади проходила ярмарка. Продавцы одежды, украшений, сувениров и сладостей, фокусники, танцоры, гадалки – все пытались в эти дни заработать. На площади было настольколюдно и тесно, что брелина сама вцепилась в руку Умина, боясь потеряться в толпе. Девушка поняла, что она впервые в подобном месте без брата, Анджина или кого-то из волков. Внезапно ей стало очень страшно. Комок подступил к горлу при мысли о койоте и волке.

– Вели, ты в порядке? – чей-то голос вывел ее из оцепенения. Вели. Это ласковое обращение. Так ее называли только самые близкие – отец, брат и Хару. Брелина удивленно посмотрела на говорящего. На нее с тревогой смотрели лисьи глаза-бусинки Умина. – Не бойся, ты же со мной, я никому не дам тебя в обиду, – мягко сказал парень, поглаживая ее по волосам. Велисии стало очень тепло, будто кто-то родной гладил ее по голове. Остановившись у палатки, где торговала седая маленькая бабушка, Умин купил им с брелиной по рисовому пирожку со сладкой начинкой из красной фасоли на деньги, что он заработал, помогая хозяину постоянного двора.

Рейдок тихой тенью сопровождал их, наблюдая за происходящим с крыш торговых палаток. Многие торговцы восхищались красотой брелины и то и дело предлагали ее чем-нибудь угостить. Гадалки наперебой пытались определить, насколько хорошее их с Умином пару ждет будущее. Умин смеялся своим необычным переливистым смехом, похожим на звон колокольчиков. За веселой возней на ярмарке они

не заметили, как на площадь опустились полупрозрачные, легкие летние сумерки. Торговцы стали зажигать бумажные фонарики, и вся площадь замерцала разноцветными огоньками.

– Тебе нравится? – сверкнул глазами Умин.

Велисия энергично закивала.

– Так красиво!

– В последний день состязаний все будут зажигать такие же фонарики, только большие. Это традиция. Загадываешь желание, зажигаешь фонарик и отправляешь на нем свою мечту в небо, чтобы однажды боги его исполнили.

Умин устремил взгляд на темнеющий небосвод.

– Ты уже бывал на Тихих Состязаниях? – спросила брелина.

– Не совсем... – замялся парень, – я бывал в городе в дни, когда они проходили. Знаешь, я всегда хотел побывать на такой ярмарке с другом.

– Ты раньше всегда бывал здесь один? – удивилась Велисия.

– Угу, – Умин смущенно улыбнулся. – Я рад, что смог прийти сегодня сюда с тобой.

Паренек приобнял брелину за плечи, улыбаясь во весь рот. Маленький черный ворон сделал круг над площадью и, словно ястреб, резко спикировав вниз, клюнул Умина в руку.

– Ай!! – вскрикнул парень, тряся укушенной рукой. – Ты это видела?! Ах, ты мелкий! Я до тебя доберусь! – Умин

продолжал оглядываться по сторонам, пытаясь найти Рейдока, который, разумеется, уже давно улетел в неизвестном направлении.

– Жаль, не могу сейчас обратиться, догнал бы его и врезал!

– Сильно болит? – брелина взяла ладонь юнца в обе свои и внимательно осмотрела.

– Нет, пустяки! Это больше унизительно, чем больно.

Позади Умина брелина увидела знакомое лицо. Не может быть! Мужчина был похож на Иртана лицом, ростом и телосложением, но был одет в длинный парчовый драконовский мужской наряд, и Велисия не была уверена, что это действительно волк. Все же она окликнула мужчину, но на площади было слишком шумно.

– Лиса!

Брелина обернулась и увидела, продирающихся к ним сквозь толпу Дару и ее хранителя, Зена. Когда фазанка вновь посмотрела туда, где только что был человек, похожий на Иртана, его уже там не было.

– Лиса, мы тебя потеряли! – Дара обняла девушку.

– Прости, нужно было тебя предупредить, – извинилась Велисия, только сейчас осознав, что покинула дворец, никому ничего не сказав.

– Все в порядке! – успокоила ее принцесса, только тогда заметив, что подруга была не одна. Велисия тоже словно бы опомнилась и отступила чуть дальше от Умина, опасаясь, что

он снова начнет фамильярничать.

– Ах, да, нужно вас представить друг другу. Это мой друг Умин. Э-э... Умин, это Дара и Зен, – в тот же момент к брелине пришло понимание того, что о новом друге она не знает ничего, кроме имени и способности превращаться в золотого феникса.

– Приятная встреча, – Умин почтительно поклонился, принцесса и хранитель ответили тем же.

К облегчению брелины понимающая Дара не стала задавать лишних вопросов, хотя паренек и показался ей странным. Платье на нем было драконовское, а головной убор наподобие тех, что носили южные кете. Короткие волосы юнца делали его похожим на чужеземца.

Молодые люди попрощались, Умин отправился в постоянный двор, попутно выглядывая Рейдока, с явным намерением отомстить. По пути он выменял у маленького мальчика на две бронзовых монеты его рогатку, а еще на две монеты запасся красными бобами. Рейдок стал всему этому свидетелем, после чего отправился ночевать на крыше напротив покоев брелины, не доверял он дворцовой охране.

Следующее утро застало Велисию врасплох, когда четвертый принц собственной персоной предстал перед ней, дабы сопроводить ее на церемонию открытия Тихих Состязаний. Риеку превзошел сам себя. Брелине было известно, что мужчина любил вычурность и пафос, и при любой возможности

старался всем и вся показать свое положение, но таким она не видела его никогда. Девушка и раньше присутствовала на официальных мероприятиях императорского двора и лицезрела принца и его братьев во всем величии традиционных официальных платьев, однако сегодня даже не дорогая отделка наряда бросалась в глаза. Казалось, само лицо принца светилось, не из-за изысканной заколки, что держала его собранные на макушке волосы и не из-за золотых серег, украшавших его уши. Поначалу Велисия не могла понять, в чем дело, а потом к ней пришло осознание. На лице принца не было его коронной ухмылочки, что обычно скрывала его истинные эмоции. Его лицо было спокойным, даже умиротворенным.

– Столица пришлась вам по вкусу? – глядя куда-то вдаль, обратился к брелине Риеку, когда они, сопровождаемые конвоем охранников, неспешно прогуливались по срединному саду, соединявшему верхний дворец с нижним.

– Это мой третий визит, – вежливо напомнила Велисия. – В этот раз здесь еще более красочно, чем обычно.

– Эта прическа вам не идет, жаль, что пришлось скрыть ваш натуральный цвет волос, он бы украсил сегодняшний день, – принц бросил на девушку беглый взгляд.

Брелина не нашлась, что ответить. Вся ситуация казалась ей очень неловкой. Во время прошлых визитов она провела больше всего времени с Хару и Дарой. Еще как-то раз младшие принцы позвали ее играть в карты, за что потом им

всем всыпал по первое число учитель. Риеку же предпочитал игнорировать младших членов семьи, а уж брелину и вовсе воспринимал как предмет мебели. Такая разительная перемена в поведении принца вызывала подозрения.

– Не стоит быть со мной такой робкой, я видел, как вы ведете себя с остальными. Всегда так милы, теплы, оживляете все вокруг. Вам со мной неловко?

Велисия нервно кашлянула. В этот момент из ниоткуда на огромной скорости вылетел маленький черный ворон, чьи перья отливали синим. В полете тот едва не задел нефритовую шпильку в волосах четвертого принца. Тот отмахнулся от странной птицы, на секунду потеряв самообладание и раскрыв от удивления рот. Брелина улыбнулась Рейдоку, который закончив свой трюк, уселся на ветку персикового дерева. «Спасибо», – мысленно произнесла девушка.

Смущающие, странные разговоры закончились, когда молодые люди прибыли на арену. Место проведения состязаний подготовили очень тщательно. Поле, где младшие отпрыски Его Императорского Величества обыкновенно играли в «пинальную», было аккуратно пострижено и разделено на несколько площадок белыми полосами краски. С одной стороны виднелись мишени, вероятно, сегодня будут стрелять из лука. С противоположной стороны находились деревянные ограждения и конструкции похожие на строительные леса. С этим полем у Велисии были связаны неприятные воспоминания. Когда ее впервые пригласили в Драко-

ную Пасть, ей было одиннадцать. Хару, а также его братья от других жен императора, позвали Велисию поиграть с ними в «пинальную игру». На ее вопрос, что это за игра, мальчишки только посмеялись. Игроки разделились на две команды, с каждой стороны поля поставили «живые ворота» – по двое мальчиков-пажей держали над головой длинную палку.

– Попадешь в ворота – пять очков, в пажа – десять, – объявил восьмой принц, Ари, самый старший из игроков. Младшие принцы разразились хохотом. Брелина испуганно посмотрела на Хару, но тот делал вид, что ничего не слышал.

Играя, мальчики все же старались попасть точно в ворота, и Велисия вздохнула с облегчением. Минут через двадцать ворота стали заваливаться – руки маленьких пажей устали. Хару предложил поиграть во что-нибудь другое, но Ари стоял на своем. Он начал раз за разом направлять мяч в слуг. Одному пажу дважды прилетело по ногам и один раз в живот, другому мяч попал в голову, и из носа пошла кровь. Мягкое, доброе сердечко маленькой брелины сжалось от ужаса. Девочка подбежала к пажу и носовым платком вытерла кровь с его лица. Мальчик заплакал.

– Уберите эту мерзость с глаз долой, – выкрикнул Ари. Старшие слуги увели пажей, – А ты на что уставилась? – гневный взгляд брелины не укрылся от юного принца. – Это мои слуги, распоряжаюсь ими, как хочу. Я сын императора, а ты кто? Если что-то не нравится, можешь возвращаться в свой вонючий замок и спать с собаками в обнимк...

Мальчик не успел договорить, ему в челюсть прилетел кулак Хару. Невзирая на то, что тринадцатый принц был младше, он уже тогда превосходил брата в росте и ширине плеч. Исход драки был предрешен. Ари был пятым ребенком императрицы, и такого обращения к себе, тем более от младшего брата, да еще и сына второй жены он вытерпеть не мог. Принц настаивал на том, чтобы Хару выпороли, однако кронпринц, второй сын Его Величества, распорядился по-другому. В наказание он поручил Хару в течение недели чистить императорские конюшни.

Риеку оставил Велисию дожидаться начала церемонии открытия в одиночестве. Брелина присела на свободное место на трибуне, находившейся чуть ниже ложи, где имели право находиться только члены императорской семьи. Его Величество тоже будет наблюдать за состязаниями, как и главы других кланов, но с отдельной трибуны, расположенной на самом верху, укрытой от посторонних глаз. Зрительские места понемногу заполнялись. Рядом с брелиной кто-то сел. Девушка почтительно поклонилась, но глаза ее тут же удивленно распахнулись. Перед ней сидел не кто иной, как прекрасная девушка, которую она днем ранее встретила в купальнях. Только «девушка» была одета в костюм чиновника третьего ранга. Праотцы, праматери, скажите, что у этого молодого мужчины есть сестра-близнец!

– Приятно вновь встретиться с вами! – с лучезарной улыбкой произнес чиновник, на этот раз его голос был мягким и

бархатистым.

– Это вы! Я... простите! Мне ужасно стыдно! – брелина закрыла лицо руками. Она готова была провалиться сквозь землю.

– Что вы, что вы, не надо стесняться! – откликнулся молодой человек «девичьим» высоким голосом, как при их первой встрече.

Велисия залилась краской от корней волос до пят. С ума сойти! Вот это провал!

– Я на вас не сержусь, – заметив сильное смущение девушки, произнес чиновник уже без шуток. – Поверьте, вы не первая, кто так ошибается на мой счет.

Девушка недоверчиво подняла взор. Костюм чиновника говорил о высоком положении мужчины, но его внешность этому никак не соответствовала. Его длинные темные волосы были забраны в высокий хвост, а не заколоты наверх шпилькой как у женатых мужчин. Теперь при хорошем освещении брелина видела, что молодой человек был широк в плечах, на длинной шее виднелся совсем не девчачий кадык, однако лицо все так же приводило девушку в замешательство. Нежная, чистая кожа, большие глаза с длинными ресницами, аккуратные пухлые губы. Брелина и сейчас могла поклясться, что такое личико могло принадлежать разве что принцессе.

– Простите меня еще раз. Просто ваше лицо... оно очень красивое, – кое-как вымолвила брелина.

– Вы такая прямолинейная, мне нравится, – улыбнулся молодой человек. – Разрешите представиться – третий цензор Его Императорского Величества, Рэй Тан, – чиновник слегка склонил голову.

– Минг Лиса, – поклонилась в ответ Велисия.

– Вы из тех самых Мингов? Производителей оружия из клана восточных кете?

– Нет, наша семья из аюней, Ваше Благородие.

– М-м... не слышал о Мингах из клана аюней, интересно.

– Мой отец занимается животноводством, – пролепетала девушка, запинаясь почти на каждом слове.

Брелине показалось, что цензор видит ее неумелую ложь насквозь. На счастье девушки, вскоре началась церемония. Вступительную речь произнес Первый Министр. Велисия отметила, что он был чем-то похож на Верховного Волка – от речей того слушатели тоже начинали зевать. Впрочем, брелина нашла для себя выступление Министра полезным, так как о Тихих Состязаниях она имела весьма смутное представление.

Учредить состязания было решением предыдущего императора. После того, как ему удалось объединить под своей властью пять драконьих кланов, он поручил проводить между их представителями дружеские состязания каждые три года. Они были названы Тихими, символизируя мир и гармонию между братскими кланами. Раз в каждую тридцать, команды из лучших воинов и сынов почтенных семей соби-

рались в столице, чтобы продемонстрировать свои боевые навыки, сноровку и ум. Победивший клан получал дары от других кланов, а также право на проведение Полуторных Состязаний, которые проводились каждые полтора года.

Тихие Состязания были не столько политическим, сколько экономическим мероприятием. За свою многолетнюю историю они стали отличным местом для поощрения торговли, установления экономических связей и культурного обмена. Представители знати нередко заключали соглашения о браках своих чад на этих состязаниях, простой люд тоже от них не отставал. Молодые люди из разных кланов часто находили себе здесь пару. В народе говорили, что если двое встретились на Тихих Состязаниях, то их совместная жизнь будет отмечена гармонией и процветанием, а ребенок, зачатый во время проведения соревнований, вырастет здоровым и счастливым.

На церемонии открытия все кланы традиционно демонстрировали подготовленные выступления. Клан Аюнь славился непревзойденными музыкантами, восточные кете обыкновенно показывали свои традиционные танцы. Южные кете были известны благодаря монастырям, в которых практиковали Путь Стихий – смесь боевых искусств и религиозной философии. Северные байту были знамениты как лучшие наездники империи, а из белых кете, их еще называли белыми драконами, родного клана Его Величества, выходили самые меткие лучники.

Каждый клан выступил по очереди. Наряды молодых воинов были роскошны, но брелине показалось, что в их номерах было недостаточно эмоций. Несмотря на идею единения, которую приписывали Тихим Состязаниям, все выглядело уж слишком официально. Последними вышли южные кете. Выступающих было не меньше тридцати, перед каждым из них стоял высокий барабан. Как только они вышли на арену, зрители зашептались. Велисия стала недоуменно оглядываться.

– Это монастырские ученики, – прошептал Рэй Тан брелине на ухо. – Монахи берут к себе только мальчиков, но присмотритесь, во втором ряду стоит девушка.

Брелина посмотрела туда, куда указал цензор. Молодые люди были одеты в черные широкие штаны и рубашки, подобранные на талии широкими серебряными поясами. Их волосы были собраны в высокие хвосты. На первый взгляд юные ученики монахов все выглядели одинаково, но приглядевшись, брелина действительно поняла, что среди них есть одна девушка.

– Это принцесса Наи, четвертая дочь Его Императорского Величества, – шепнул Тан.

Велисия тихо ахнула. Та самая сестра, о которой говорила ей Дара. Которую отправили в восемь лет в монастырь. Толпа гудела.

– Это принцесса! Смотрите!

– Принцесса Наи?

– Это та, которую сослали в монастырь? Она впервые показалась на люди за столько лет!

Гул стих, когда стоящий впереди ученик скрестил над головой барабанные палочки. Остальные тут же повторили его действия. Сначала в барабаны ударил один ученик, потом, словно по какой-то неуловимой команде, все тридцать человек заиграли вместе. Сперва очень тихо, потом громче, барабанный бой звучал со все нарастающей мощью. Барабанная дробь дополнилась ритмичными выкриками учеников. Внезапно темп их игры ускорился, молодые люди начали меняться местами, подпрыгивая высоко в воздух и разворачиваясь в прыжке, словно взлетая. Они то подпрыгивали по очереди так стройно, что это выглядело как волны в море, то разлетались в разные стороны, а уже в следующий миг сходились обратно, то двигались по кругу, одновременно поворачиваясь вокруг своей оси, образуя живую воронку. При этом барабанный бой не прекращался и не сбивался ни на секунду, словно играющие спокойно стояли у своих инструментов. Выступающие упали на одно колено, звук барабанов прервался, на мгновение погружая арену в абсолютную тишину. Выступление было закончено. Зал разразился аплодисментами. Так бурно зрители не приветствовали еще ни один клан.

Уходя, молодые люди прошли мимо трибун, где сидела брелина. Велисия отыскала среди молодых людей принцессу. Ростом она превосходила некоторых из монашеских уче-

ников-парней. Ее волосы были темными, как у южных кете, что тоже не выделяло ее из толпы. Разве что черты ее лица были довольно мелкими, больше присущими девушке. Брелина искренне восхитилась будущими монахами. Такого мастерства определенно можно было добиться лишь многолетними тренировками.

После окончания церемонии главы кланов и императорская семья отправились в верхний дворец для церемониального обеда. Остальная знать и высокопоставленные чиновники тоже были приглашены на специальный прием. Велисии же в ее нынешнем положении было там не место. Она попрощалась с цензором и укрылась в своих покоях. Там фазанка обнаружила на столе письмо. Оно не было скреплено печатью, лишь сложено в несколько раз.

«У ворот в полночь».

Умин сидел на деревянном крыльце и жевал красные бобы, выплевывая кожуру себе под ноги. Он вернулся в постоянный двор, где остановился, после очередной неудачной попытки встретиться с господином Но. Солнце начинало садиться, и паренек подумал, что фазанка, должно быть, уже вернулась с церемонии открытия. Он боролся с желанием проникнуть во дворец в своей птичьей форме. Рейдока нигде не было, он наверняка был с фазанкой. Умин достал свою недавно приобретенную рогатку, посмотрел на нее и раздосадованно засунул обратно в карман.

Из кухни вышла молоденькая, хорошенькая помощница поварихи, утирая рукавом со лба пот. Приготовление ужина для гостей было в самом разгаре. Двери одной из комнат открылись, и оттуда вышел высокий парень. Выглядел он так, будто был родом не из этих мест. Его выющиеся темно-русые волосы были пострижены до подбородка, такую прическу носили в соседней Северной Вершине. Умин заинтересовался чужеземным соседом и, спрятавшись за столбом, стал за ним наблюдать. Высокий чужестранец перемахнул через деревянную оградку крыльца и подошел к молодой кухарке. Он вынул из кармана носовой платочек и несколькими легкими движениями промокнул лоб девушки. Та от неожиданности ахнула и приложила пальцы к губам.

– Вы так усердно трудитесь, совсем не жалеете себя, – промурлыкал парень, снова приложив платочек к лицу девушки. Та зарделась и одарила его улыбкой. – Как вас зовут, прекрасное создание?

– Юки, – смущенно вымолвила юная дева, опуская взгляд в пол. Дверь кухни за спиной девушки резко распахнулась, являя наблюдателям пухлую краснощекую повариху. Женщина держала в руке увесистый нож, а ее узкие глаза метали молнии.

– Ах вот ты где! А ну вернулась щас же! Вот же бездельница мелкая! Срамота-то какая, ни кожи, ни рожи, а все туда же! – проворчала женщина, убирая тыльной стороной ладони пот с весьма заметных усов над верхней губой.

Девушка, не поднимая головы, опрометью умчалась на кухню. Повариха искоса глянула на высокого постояльца. Он улыбнулся женщине и почтительно поклонился. Та покачала головой и скрылась за дверью.

– Эх, а хороша девчонка-то... – с нотками грусти в голосе протянул молодой человек на северовершинском, коим Умин владел очень поверхностно.

Тут высокий северовершинец заметил, что у только что произошедшей сцены был свидетель. За углом прятался какой-то очень необычной внешности малец лет пятнадцати. Северовершинец перегнулся через деревянные поручни и навис над пареньком.

– Чего прячемся? – прошептал кудрявый по-драконьи.

Умин вытаращился на парня своими лисьими глазами, от чего они стали круглее. Он попытался убежать, но парень поймал его за рукав.

– Ну что от меня все сегодня шарахаются?!

Северовершинец картинно прижал руку ко лбу. Умин внимательно оглядел незнакомца и, посчитав, что тот не представляет опасности, решил изменить тактику. Он перестал вырываться из захвата парня.

– Ты северовершинец, да?

Незнакомец тут же перестал выглядеть удрученным и утвердительно кивнул.

– Как тебя зовут?

– Анджин, а тебя? Прости, но я ни по твоей одежде, ни по

внешности не могу определить, откуда ты родом, – на лице кудрявого появилась дружелюбная улыбочка.

– Мой дом далеко отсюда, – загадочно ответил паренек, потирая затылок и глядя куда-то в сторону. – Мое имя Умин, – добавил он, протягивая новому знакомому руку.

Пожимая руку странному юнцу, Анджин про себя отметил, что ладонь у того была необыкновенно маленькая. Вообще все телосложение Умина показалось северовершинцу слишком изящным для мужчины. Возможно, оно было таковым, потому что парень еще не до конца вырос... Вдруг Умин прервал размышления Анджина, внезапно приблизившись к нему.

– Не могу понять, у тебя глаза серые или зеленые?

– М-м... наверно серые, – вымолвил Анджин. «От него так приятно пахнет... так, нет, что это со мной?!» – северовершинец отпрянул от Умина.

– О, прости, это было невежливо? Просто у меня привычка такая, когда встречаю нового друга, нужно сразу узнать, какого цвета у него глаза.

Анджин чуть скривился:

– Д-да... ничего. Я бы не прочь продолжить наше знакомство, но, к сожалению, дела зовут.

На этом койот откланялся и торопливо покинул постоянный двор, оставив Умина недоумевать, чем же он так смутил кудрявого.

Глава 8

Воевода Бражник, грузный человек шестидесяти лет, пнул здоровой ногой своего коня в бок, призывая того ускорить шаг. Конь лишь мотнул головой, он был не из тех, кем можно было так запросто помыкать.

– Вот посмотришь, вернемся домой и я тебя на похлебку пущу, – пробасил Бражник, тут же зайдясь в приступе кашля.

В армии давно уже поговаривали о том, что воеводе пора бы подыскать себе замену. Пятнадцать лет назад, после пяти месяцев нескончаемой кровавой бойни, совместными усилиями Северная Вершина и пять драконьих кланов сумели оттеснить войска Синих Драконов от своих границ, и вынудили Синих подписать невыгодное для них мирное соглашение. По договору два острова: Ирдо и Ардо, находившиеся на границе между территорией Синих и Северной Вершины и Белых, отошли во владения двух государств-победителей соответственно. Изможденные физически, морально истощенные, обозленные после трех лет войны, войска вторглись на завоеванные территории. Если и было еще в тех воинах что-то человеческое после всего пережитого, в тот день оно умерло. За один день было совершено больше преступлений, чем за все три года боев. Войска налетели на острова как саранча на поле, сметая и уничтожая все вокруг.

Они грабили, убивали, насильовали, не щадя абсолютно никого. Когда войска покинули острова, им даже некого было забрать с собой. Жители плененных территорий обыкновенно становились рабами. Мужчин ссылали на работы, женщин и подростков продавали либо в дома утех, либо в знатные дома в качестве прислуги. Но в тот день войска вернулись домой без пленных. Острова опустели. Там, где раньше пахло свежим хлебом, и звучал детский смех, остались лишь пустые оконные рамы и обугленные стены. После той войны в Совете Мудрости и среди военных пошли слухи о том, что в бою старьй воевода лишился не только ноги, но и рассудка.

Войска были в пути уже третий день: Брелонское войско и, созванное в срочном порядке, Северовершинское ополчение – всего три тысячи солдат. Сопровождали их четыреста воинов Белых Драконов, возглавляемые капитаном Тенг Широ. Временно исполняющий обязанности брелона, Леег, остался в столице, охраняемый брелонской гвардией и Красными Волками.

Тенг Широ хмуро смотрел в спину своему племяннику, тринадцатому принцу. После долгих полетов, у того поднялся жар, который не спадал уже два дня. Молодой принц едва держался в седле. Широ убеждал его остаться в замке, но тот не слушал никаких доводов. Мужчина подозревал, что причиной такого поведения служило недоверие со стороны принца. Хару с детства отличался хладнокровностью и расчетливостью. Принц быстро выучился действовать толь-

ко тогда, когда это приносило ему выгоду. Однако, сейчас его поступками руководили эмоции. Излишняя привязанность молодого дракона к девчонке была им совсем не на руку. Широ проводил пристальным взглядом стаю ворон, пролетевших высоко в небе.

Велисия осторожно приоткрыла дверь своих покоев, через щель проверяя, можно ли выйти сейчас незамеченной. Страж прошел мимо, и тогда брелина тихой тенью выскользнула наружу. Дворцовые ворота закрывались в одиннадцать часов, так что единственным путем выбраться было по стене. Брелина бы ни за что не пошла на ночную встречу одна, если бы не знакомый почерк, которым была написана записка. Автором, несомненно, был Анджин.

С горем пополам фазанка взобралась по стене. Усевшись сверху, она быстро проверила, нет ли поблизости охраны. Двое стражей двигались в ее направлении, мешкать было нельзя, иначе ее тут же поймают. Велисия посмотрела вниз – как же высоко! Спрыгнуть девушка все-таки не решилась. Она перевернулась на живот и спустила сначала одну ногу, потом вторую, повиснув на руках. Брелина хотела спуститься вниз таким же образом, как забиралась наверх, но руки подвели, пальцы не смогли удержать вес ее собственного тела, и девушка свалилась на землю, попутно ободрав руки о грубые камни стены и ударившись о твердую почву пятой точкой.

– Шпион из тебя никакой! – послышался шепот из тьмы.

Через несколько секунд из черной бездны перед Велисией возник ее троюродный брат. Анджин помог девушке встать. Потом приложил палец к губам, взял ее под локоть и потянул за собой в какой-то маленький проулок.

– Ты в порядке? – спросил койот.

– Да, только руки немного ободрала, – отмахнулась брелина.

– Я не об этом, – покачал головой парень. – У тебя не возникло проблем с императорской семьей?

Велисия удивленно воззрилась на родственника.

– Что ты имеешь в виду?

– Вели, – койот положил ладони девушке на плечи, – что бы тебе сейчас кто ни говорил, ты должна понимать, что находишься в шатком положении. Драконы в курсе твоей ситуации, совету министров наверняка известно о том, что Его Императорское Величество выделил войска для своего сына, и что принц сейчас находится в походе против Синих.

– Откуда ты все знаешь? – искренне удивилась брелина.

– Неважно, – мотнул головой Анджин, – самое главное для тебя сейчас – это запомнить: доверять нельзя никому! Ты находишься в другой стране, без сопровождающих, без защиты. Ты дочь правителя союзнического государства, который в данный момент не находится у власти. От результата похода на Синих будет зависеть, останутся драконы нашими союзниками или нет. Кроме того, если узнают, что ты

сбежала из замка с двумя молодыми мужчинами, могут возникнуть вопросы. Если твоя репутация пострадает, вашу с ящером помолвку могут отменить вне зависимости от исхода битвы. К тому же, волка наверняка в столице уже записали в предатели. Вполне возможно, его обвинили в твоём похищении.

Между бровями брелины залегла глубокая складка. Доводы Анджина звучали очень убедительно.

– Иртан с тобой?

Койот отрицательно покачал головой.

– Он с Ину в доме ее отца. Оказалось, близнецы – дочери какой-то крупной шишки в столице, только у них там какие-то терки, и вторая сестрица не захотела возвращаться домой, – Анджин намеренно упустил в своем рассказе незначительный момент, когда волк был при смерти.

– Они в порядке? Когда мы улетели, никого не ранили?

– Они живы и здоровы. Пожалуйста, Вели, побеспокойся сейчас о себе, – койот был как никогда серьезен.

До молодых людей донеслись мужские голоса. Анджин и Велисия затаили дыхание. Мужчины прошли мимо.

– Нельзя чтобы нас увидели вдвоем. Быстро возвращайся обратно, а я постою на стреме, – прошептал койот.

Невероятным чудом брелине удалось вернуться в свои покои, ничего себе не сломав и не попавшись страже. Сердце у нее было не на месте. Велисию удивили слова Анджина, она поняла, насколько была легкомысленной. Обстоятель-

ства действительно складывались так, что фактически в данный момент она не являлась дочерью действующего правителя страны. Если Леег станет бреломом, статус Велисии резко упадет. Что касается их исчезновения из замка, со стороны это в самом деле могло выглядеть как похищение. В таком случае Иртана обвинят в государственной измене, Анджину также могут приписать сговор с драконами. Получается, что даже если им удастся вернуться домой, там их может ожидать не лучшая участь...

Брелина почти вовсе не спала, прокручивая в голове разные варианты исходов событий. Чуть свет девушка покинула свои покои и направилась в купальни, надеясь, что в столь ранний час там никого не будет, и она сможет немного расслабиться. Пение птиц и легкий ненавязчивый аромат вишневого цвета успокаивал. Девушка не стала заходить в первые пещеры, находившиеся ближе всего к входу, вспоминая постыдный случай, произошедший ранее. Углубившись внутрь сети извилистых каменных ходов, она почувствовала себя в безопасности и остановила свой выбор на очень маленькой купаленке, которая изнутри была отделана зеленым камнем, похожим на змеевик.

Внутри обнаружилась деревянная ширма, которой, по-видимому, можно было закрыть вход и обозначить свое присутствие. Пещерка была почти идеально круглой формы, по ее периметру была вырезана сплошная скамья, на которой было все, что могло понадобиться купающимся. Там были

несколько больших простыней, мужские и женские халаты различных цветов, гребни, мыла, масла в стеклянных колбочках и разные снадобья в крошечной посуде. Интересно, кто же здесь купается, если на обслуживание каждой купальни тратится столько денег. Схема нижнего дворца была очень тщательно продумана. Лишь определенные покои имели доступ к тропам, ведущим в купальни, из других же попасть в эту часть дворца было невозможно. Гостей дворца расселяли в соответствии с их статусом, должностью или семейными связями.

Умин в своем птичьем обличи подлетел к воротам нижнего дворца. К одной из его лап был привязан матерчатый мешок, куда он сложил свою одежду, что значительно снижало маневренность его полета. Золотой феникс перелетел ограду и пролетел над низкими постройками, ища взглядом ту, в которой жила фазанка. Заприметив укромный уголок между двумя хозяйственными сооружениями, Умин приземлился туда и принял человеческий облик.

Одевшись, паренек огляделся вокруг, проверяя обстановку. Еще не рассвело, и сад был окутан сумеречным сиреневатым светом. Из-за угла показался страж с длинным мечом наперевес. Умин вжался в стенку и затаил дыхание, пока тот не прошел мимо. Когда путь расчистился, чрезвычайно довольный собой паренек преспокойненько направился через ряды декоративных сливовых деревьев по направлению к по-

коям брелины, попутно перепрыгивая через живые кустарниковые ограждения, что испещряли весь сад, как в лабиринте.

– М-м.. а чем это так вкусно пахнет? – паренек потянул носом воздух. Это был тонкий аромат целебных трав и горячей минеральной воды. – А-а-а, так вот где эти секретные купальни!

Умин тихой рысью подкрался к входу в пещеры и скользнул внутрь.

– Ого, а они выглядят лучше, чем я думал, – размышлял сам с собой златовласый паренек. Зайдя в одну из купален, он принялся открывать поочередно все баночки и скляночки, нюхая содержимое.

– Простите, – исследования Умина прервал чей-то мягкий голос. Юнец обернулся. Перед ним стоял парень лет двадцати пяти, но, судя по одежде, занимающий очень высокую должность. Его лицо было красивым и нежным как у юной девы, это был третий цензор Рэй Тан, – не думаю, что мы встречались раньше. Не могли бы вы назвать мне свое имя и должность?

Лицо молодого человека было спокойным, он вежливо улыбался и терпеливо ждал ответа. Умин попятился назад, соображая, что же делать дальше. Паренек вдруг согнулся пополам в поклоне.

– Прошу меня простить, ваше благородие! Я уборщик! Эта купальня еще не готова для гостей, пожалуйста, восполь-

зуйтесь другой! – выпалил Умин на одном дыхании, все еще не поднимая головы.

Третий цензор приподнял одну бровь, его улыбка стала чуть шире.

– Насколько мне известно, купальни готовят для посетителей с двух до четырех ночи, почему же вы здесь, если уже пять утра? И почему вы не в форме?

– Простите, я задержался и не успел закончить работу вовремя! – Умин так и не разгибался, надеясь, что настойчивый гость просто уйдет.

– Очень подозрительно, боюсь, мне придется сопроводить вас к госпоже Бом, – не унимался третий цензор. Чутье редко его подводило, и он чувствовал, что от паренька веяло чем-то незаконным.

– Третий цензор Рэй Тан!

Цензор обернулся. Перед ним стояла его недавняя рыжеволосая знакомая. Умин наконец сменил свою позу и тоже посмотрел на того, кто отложил его казнь. Они с Велисией обменялись взглядами. Умин просительно сложил вместе ладони и приложил их к губам, умоляя, помочь ему.

– Мисс Минг, вы снова здесь? Какая приятная встреча. Удивительно, как мы всегда приходим сюда в одно и то же время, – конец фразы был произнесен цензором так, словно в ней был скрытый подтекст.

– Тут что-то произошло? – спросила брелина, обеспокоенно глядя через плечо Рэя.

– О, ничего серьезного. Видите ли, мне показалось, что этот молодой человек не похож на обслугу купален, хотя он утверждает обратное, – сказал Рэй, сверкнув глазами. Умин вновь опустил голову как можно ниже.

– Правда? Я видела его тут вчера вместе с другими слугами... – как можно более естественно промолвила Велисия.

– Ах вот как! Ну что ж, я доверяю вашему суждению, – улыбнулся третий цензор, его большие глаза снова стали похожими на глаза лани. Он обратился к Умину, – Прошу меня извинить, мы не будем более мешать вам работать.

Цензор кивнул в сторону выхода, призывая брелину покинуть купальню. Однако, через секунду молодые люди застыли словно громом пораженные. Вход в пещеру, через который они только вошли, был теперь закрыт. Точнее было сказать, что он растворился в воздухе. Вместо прохода теперь перед ними была сплошная каменная стена.

– Как это... вы тоже это видите? Тут же только что был выход... – брелина огляделась вокруг, осмотрев другие стены так, словно она могла перепутать с какой стороны только что вошла.

Третий цензор находился в точно таком же недоумении. Он стал ощупывать место исчезнувшего прохода: оно было цельным, нигде не прощупывалось никакой границы. Это не выглядело так, будто вход кто-то закрыл, а так, словно его там вообще никогда не было.

Умин заинтересовался замешательством молодых людей

и бегло оглядел место происшествия.

– Похоже на дело рук шаманки, – предположил он.

– Какой сообразительный парнишка! – раздался на всю пещеру звучный женский голос. Все трое подпрыгнули от неожиданности и обернулись на голос. У третьего цензора отвисла челюсть. Купальня исчезла. Ниши с горячей водой просто не было. Пещера увеличилась в размерах в несколько раз. Все помещение заволкло плотным красноватым дымом. В центре комнаты теперь находился небольшой низкий деревянный стол, за которым сидела женщина с длинными гладкими зелеными волосами. Рядом с ней стояла худенькая темноволосая девушка. Зеленоголовая женщина громко засмеялась и захлопала в ладоши.

– Как нам сегодня повезло! Не каждый день увидишь таких красавчиков! Подходите ближе, ребята, не стесняйтесь! – она поманила молодых людей к себе рукой.

Троица переглянулась.

– Кто вы такая и как здесь оказались? – строго спросил третий цензор.

– Омо! Такой молодой, а голос уже такой властный! Мне нравится! Но твой вопрос неправильный. Это не я сюда попала, а вы. Не знаю, как вы здесь оказались, я-то вас не звала! – женщина вперила глазами в третьего цензора. В это время ее юная помощница только кусала губы и хлопала ресницами. – Ника, гостям некуда сесть!

Девушка вздрогнула и метнулась куда-то, через минуту

вернувшись, таща за собой деревянную скамью. Она поставила ее перед гостями и коротко поклонилась, тут же вернувшись на свое место.

– Присаживайтесь, – женщина расплылась в сальной улыбке.

Молодые люди сели на скамью, которая, очевидно, была для них троих слишком короткой. Цензор оказался зажатый между брелиной и Умином.

– Омо! – девушка, именуемая Никой, приложила руку к губам.

– Сдерживай себя, – прошипела ей зеленоволосая. – Каков у нас здесь расклад? Хм-хм...

Женщина закрыла глаза, шумно выдохнула и растопырила перед собой ладони. Умин и Велисия переглянулись.

– О-оу... тут у нас кто-то третий лишний! Цензор, вы кое-кому сейчас очень мешаете, вон как эти голубки между собой переглядываются! – женщина подмигнула Велисии.

– Мы? – Велисия глянула на Умина. – Нет, вы ошибаетесь...

– Детка, я никогда не ошибаюсь, – шаманка подняла вверх указательный палец.

– Мадам, я тоже думаю, что в этот раз вы не правы, – подала голос Ника, после чего добавила шепотом, – посмотрите какая между ними химия.

Девушка перевела взгляд с Умина на цензора и обратно. Зеленоволосая смерила Нику убийственным взглядом.

Раздражение цензора нарастало:

– Немедленно выпустите нас! Я третий цензор Рэй...

– Я прекрасно знаю, кто вы и что сделали, чтобы заполнить эту должность, – голос женщины был холодным как лед.

Цензор на миг лишился дара речи. Зеленоволосая разразилась хохотом.

– Это всегда срабатывает! Ну же, что вы, я пошутила! А вы и в самом деле совершили что-то недостойное? – женщина все еще посмеивалась.

Цензор неловко поерзал на сидении:

– Не соизволите ли представиться? – сказал он строгим тоном, но уже намного спокойнее.

– У меня много имен. Некоторые из них вам ничего не скажут, от других мурашки побегут по спине. Да-да, даже у вас, цензор! – женщина подмигнула Рэю. – Пока же не буду раскрывать вам всех карт, мои котятки, зовите меня Мадам Берилия.

– Та Берилия, которая приворожила короля Южной Низины? И которая превращается в змею в полнолуние? У которой в служении сто тысяч крыс? – на полном серьезе спросил Умин. Брелина и цензор переглянулись, удостоверившись, что только один из их компании лишился сейчас рассудка.

– Омо! Слухи дошли даже сюда? – Мадам Берилия кокетливо поправила свои зеленые локоны. – Не все из них правдивы, мой мальчик.

– Еще, говорят, она сказочно красива, – добавил Умин.

– Все же некоторые из них не так далеки от правды, – женщина подмигнула парнишке.

Нельзя было однозначно сказать, что Берилия была сказочно красива, но она была, несомненно, привлекательна. Возраст шаманки сложно было определить из-за большого количества краски на ее лице.

– Допустим, – недоверчиво произнес третий цензор, – а здесь вы что делаете, Мадам Берилия?

– Я здесь живу, – ответила женщина таким тоном, словно это было что-то очевидное. – Слыхали про чудище, что живет в недрах этих купален?

Троица вновь переглянулась.

– Нет, это не я! – зеленоволосая злобно сверкнула глазами. – На самом деле, одним прекрасным утром я принимала ванну и, по обыкновению, пела. На мою купальню набрел молоденький парнишка-уборщик, такой же хорошенький, как ты, – женщина ткнула пальцем в Умина. – Так вот, услышав мое пение, он почему-то испугался и растрепал всем, будто в самой дальней купальне живет немыслимое чудовище, которое убивает людей своим голосом! Конечно, иногда с утра мой голос бывает чуть с хрипотцой, но ведь певцы так и говорят, что по утрам голос спит...

Женщина раздраженно откинула со лба прядь волос. Ника вскинула тонкие бровки и пролепетала, хлопая ресницами:

– На самом деле у Мадам Берилии очень приятный тембр,

такое...м-м... изящное сопрано.

– Ты мне льстишь, дорогая, – пробасила зеленоволосая и залилась звонким смехом. – Однако, котятки, мы с вами заболтались, хорошенького понемножку. До следующего раза, красавчики!

Женщина подмигнула, красноватый дым вокруг троицы начал сгущаться. Низкий стол, Мадам Берилия и Ника стали быстро удаляться от них. В один момент различить что-либо среди этой дымки стало и вовсе невозможно. Когда мгла расступилась, трое обнаружили вокруг себя обычную обстановку купальни, вход тоже вернулся на свое место.

– Любопытно... – как бы про себя произнес третий цензор, – Мисс Минг, оставляю на вас и этого молодого человека донесение сего инцидента до внимания управляющей купальнями, госпожи Бом. Засим... – Тан коротко поклонился и стремглав умчался прочь.

Велисия и Умин тоже вышли вслед за третьим цензором в сад. Однако, увидев кого-то, златовласый парнишка юркнул обратно в пещеру купален. Это была знакомая брелине юная служанка. Приблизившись к фазанке, девушка поклонилась.

– Мисс Минг, Его Высочество, четвертый принц велел передать вам, что ввиду обстоятельств сегодня не сможет сопровождать вас на Состязаниях. Он надеется, что лицезримые в одиночку, они не доставят вам столько же удовольствия, сколько бы вы получили, наблюдая их в его компании, – сказанное девушка прочла с клочка бумаги, принц,

видимо, надиктовал ей послание. Велисия покачала головой. Кто кого тут должен был сопровождать?

– Как ваше имя? – непринужденно спросила брелина.

– Айя, – пролепетала девушка, боязливо глядя на фазанку. Бедняжка явно была под впечатлением, что переданное послание разозлило Велисию, и та сейчас задаст трепку ей, как человеку, попавшему под горячую руку.

– Спасибо, Айя, что так точно передала слова принца. Мне, конечно, будет ох как печально одной, – брелина картинно прикрыла лицо рукой, – но погода сегодня слишком уж хороша, чтоб проводить время в тоске. Будем надеяться, Его Высочество усердно поработает над своими делами, – с этим Велисия подмигнула оторопевшей служанке. Та после секундного замешательства поняла, что ругать ее не будут ослепительно улыбнулась и, поклонившись, удалилась.

– Так ты сегодня свободна? – спросил прямо брелине в ухо Умин, снова возникая рядом с ней из воздуха, стоило только служанке скрыться из виду. Фазанка подскочила от неожиданности и отпрянула от мальчика. Тот, несколько не смущенный, глядел на нее во все глаза и лучезарно улыбался. – Если ты не против, я бы хотел показать тебе свое любимое место в столице, – произнес паренек, чуть потупив взгляд, будто он только что выдал брелине какую-то тайну.

– Не знаю, будет ли правильно уйти, никому ничего не сказав... – неуверенно протянула брелина. С одной стороны, смотреть на состязания девушке не особо хотелось. Кажет-

ся, сегодня был день рукопашной борьбы и метания копья – виды состязаний, не прельщавшие фазанку. – А ты не будешь против, если с нами пойдет моя подруга, которую мы встретили вчера?

– Конечно, нет, там места на всех хватит! – тут же расслабился Умин, принимая вопрос брелины как согласие. – Я подожду тебя на площади, возле пирожков! – парень махнул рукой и скрылся за углом кустарниковой стены.

От идеи покинуть дворец Дара пришла в восторг. Юная принцесса тут же сменила вычурный наряд, который надевала для званого завтрака с высокопоставленными гостями Тихих Состязаний, на более близкое ей по натуре простое платье. Снарядив себе в провожатые верного, молчаливого хранителя, Зена, девушки отправились в город.

Жизнь на городских улицах кипела во всех смыслах. Стоило дневному светилу подняться чуть выше на небосклоне, как на город тут же обрушилась жара. Продавцы горячих пирожков уныло смотрели на вяло проплывающих мимо гостей столицы, что даже и носа не поворачивали в сторону чего-то, от чего не веяло прохладой. Сегодня продавались только веера и зонтики от солнца. Также не бедствовали торговцы фруктами и владельцы харчевен, в коих прохожий мог найти и приятный тенек, и острую снедь для любителей попотеть, чтобы охладиться.

– Во дворце наверняка вот прямо в этот самый момент подают мой любимый десерт: со льдом, красной фасолью и

арахисовой крошкой, – Дара мечтательно закрыла глаза. – Вернемся? – предложила она, повиснув на руке фазанки.

– Ни разу не пробовала, – рассеянно отозвалась Велисия.

Брелина сосредоточенно выискивала Умина в толпе спущенных туда-сюда горожан, которым не сиделось в такой жаркий день дома. Наконец среди прохожих промелькнул знакомый золотистый отблеск. О, это был безо всяких сомнений Умин. На фоне других людей, изнуренных жарой, истекающих потом, липких, еле-еле передвигающихся, он выделялся так же, как самоцвет на фоне серой гальки. Юнец был облачен в длинную безрукавку, доходившую ему до колена, расшитую золотистыми нитями, поблескивающими в лучах палящего солнца точно, как его волосы. Безрукавка сидела на нем как влитая, застегнутая на три пуговицы так, что были видны его по-девичьи нежные ключицы. При этом паренек отчего-то был мокрым от головы до пояса, будто его только что окатили водой. Маленькие капельки переливались в солнечном свете.

– Ох и диво дивное... – непроизвольно вырвалось у брелины.

– Мне чудится или он на самом деле светится? – Дара прикрыла глаза рукой как от яркого света. В это время «диво дивное» заметило брелину и принялось размахивать руками.

– Почему ты мокрый? – спросила фазанка, когда они приблизились к Умину.

– Хозяин вон той фруктовой лавки окатил меня водой из

ушата! – восторженно сообщил юнец, тыча куда-то в сторону пальцем. – Можно попросить, чтоб он и вас облил. Так освежает!

Девушки захихикали.

– Я, пожалуй, воздержусь, – сказала Дара сквозь смех.

– Я тоже пока не настолько отчаялась! – поддержала брелина. – Куда идем?

– Следуйте за мной! – воодушевленно воскликнул Умин и вприпрыжку зашагал вперед.

Вскоре четверка молодых людей покинула шумную площадь. Они прошли через внутренний круг столицы, где были одни торговые лавки да харчевни, а потом и через внешний круг, где тут и там можно было увидеть дома самых влиятельных жителей города. Жилища самых знатных и уважаемых в основном состояли из нескольких двухэтажных и одноэтажных строений с небольшим внутренним двориком и садом. За краем круга находились владения менее богатых людей. Их жилища были намного скромнее и, как правило, ограничивались одноэтажным домом и маленьким двориком, используемым для выращивания овощей и фруктов. Среди знати бытовало мнение, что выращивать в саду что-либо съедобное – дурной тон и удел бедняков. Такое члены высшего общества позволяли себе исключительно в загородных усадьбах.

Солнце и не думало ослаблять свои атаки и продолжало пытаться спалить всех и вся заживо. Девушки прятались за

бумажными зонтиками, приобретенными на площади. Зен стойко переносил невзгоды затянувшейся пешей прогулки молча. Умин же порхал как птичка, выпущенная на свободу после долгого заточения в тесной клетке.

Наконец дома стали встречаться все реже. Молодым людям открылся восхитительный вид – с одной стороны золотилось бескрайнее поле, с другой тянулась неширокая река. Минут двадцать идущие наслаждались видом молча, но вдруг перед ними возникла картина, вызвавшая у девушек дружный вздох восхищения. Река в том месте была так широка, что больше была похожа на озеро. От дороги берег реки отгораживали ивы. Вдоль воды густо рос камыш. А вокруг ни души.

– Зен, проверь воду, – повелительно сказала Дара, глядя на водную гладь с вожделением.

– Купаться собралась? – не поверила ушам брелина.

– Да! – принцесса поглядела на подругу с дерзкой улыбкой. – Здесь ведь никого! А ты? Стесняешься? Ну и кто тут из нас принцесса, а кто чья-то дальняя родственница из провинции? – шутливо поддразнила Дара.

Фазанка чуть скованно улыбнулась, искоса глядя на Зена, деловито погружающего руку в воду и Умина, что уже всю резвился в воде по щиколотку.

– Вода! Совсем! Не холодная! – провозгласил златовласый.

– А ты разве не стесняешься Зена? – смущенно спросила

Брелина, боясь, что звучит глупо.

– Его? – Дара приподняла одну бровь и фыркнула. – Еще чего! Он мне как брат. Нет, даже не так. Он мне как сестра или...тетя...или няня. Короче, не стесняюсь я. А твой друг вообще дитя дитем! – принцесса добродушно рассмеялась, наблюдая за странным пареньком, а потом требовательно обратилась к хранителю. – Зен, кто ж так проверяет, ты в воду полезай!

Зен стоически, не проронив ни слова, не выказав ни тени недовольства, снял кафтан и, оставшись в штанах и рубаше, зашел в воду. Несмотря на то, что такими и должны быть отношения хранителя и госпожи, Велисия поймала себя на мысли, что никогда не смогла бы так приказать что-то Иртану.

– Ну как? – крикнула Дара.

– Водная масса приемлемой температуры для недолгого погружения, госпожа, – отозвался Зен, выбираясь на берег.

– Вот и чудненько! – пропела Дара, на бегу избавляясь от туфель и верхнего платья, – Лиса, ты как? – девушка остановилась на секунду, послав фазанке вопросительный взгляд.

Брелина только покачала головой. Девушка была абсолютно не в том настроении, чтобы беззаботно веселиться. Мрачные думы вновь затуманили ей голову, но фазанка не хотела портить прогулку другим. Она присела на песчано-травяном берегу и просто наблюдала за весельем со стороны. Дара кинулась в воду с головой с разбегу, при этом вопя так, будто ее

разрезали на части. Умин стоял в воде по колени, принцесса окатила его пару раз водой, но зайти глубже не уговорила. Зен через каждые двадцать секунд напоминал своей госпоже о безопасности и просил вернуться на берег, дабы избежать простуды. За этой комичной кутерьмой брелина немного отвлеклась от своих забот и начала тихонько посмеиваться, глядя на препирательства Дары и хранителя, и тут заметила, что и сама стала объектом наблюдения.

Умин стоял у кромки воды и не сводил с нее своих необыкновенных глаз. Его короткие волосы намокли и теперь торчали во всех направлениях более агрессивно, чем обычно. Он был похож не то на какого-то неведомого божка, в которого верили в какой-нибудь далекой стране, не то просто на мокрого птенчика. Велисия подивилась тому, что волосы юнца были пострижены так коротко, совсем не по-драконьи. Впрочем, он никогда и не говорил, что родом из этих мест, и вообще ничего о себе не рассказывал. Брелина понимала, что размышлять подобным образом глупо и опасно, но она отчего-то точно знала, что пареньку можно доверять. Будь он в своем людском или птичьем облике, каждый раз рядом с ним у фазанки возникало необъяснимое чувство, почти ностальгическое. Какая-то светлая грусть вперемешку с радостью, подобная тоске по родному дому.

– Хочешь покататься на лодке? – спросил Умин, подойдя к девушке. Его голос звучал очень спокойно, без привычного по-детски бурного энтузиазма, почти серьезно.

– Было бы здорово, – отозвалась брелина, сомневаясь, что предложение мальчишки осуществимо.

Умин протянул фазанке руку, но она не взялась за нее, когда вставала, а затем принялась отряхивать юбку от песка. Паренек опустил руку, притворившись, что действительно намеревался лишь помочь девушке подняться, а не проявлял очередную фривольность. Молодые люди прошли несколько метров вдоль берега, пробираясь сквозь высокую траву и камышовые заросли, и оказалось, что среди буйной растительности и вправду была спрятана маленькая лодочка. Доски, из которых она была сделана, посерели: вероятно, лодка была очень старой. Умин спустился прямо в гущу зарослей и ила и вытащил лодку на берег. Никакого пирса поблизости не было, но в нескольких шагах нашелся подходящий, свободный от травы, илистый, скользкий, словно выглаженный сотнями ступней, спуск в воду. Паренек спустил плавучее средство наполовину и велел брелине забираться внутрь. Сам же Умин подтолкнул лодку вперед и ловко запрыгнул в нее на ходу. Взявшись за весла, он неспешно повел крошечное суденышко в центр широкого разлива реки. Мальчишка выглядел таким уверенным и деловитым, что сразу было ясно – сплавление для него обычное дело.

Фазанка огляделась вокруг: пред ее взором была идеальная картина гармонии и спокойствия. Залитая солнцем водная гладь, расходящаяся мелкой рябью от ритмичных движений весел, камыши и ивы, едва заметно колышущиеся

на слабом ветру, гудение стрекоз. Велисия вспомнила один день, далекий-далекий, из своего раннего детства. Ей, должно быть, было не больше пяти лет. Они с Леегом гостили у их покойной тетушки, матери Анджина. То утро навсегда впечаталось в память юной брелины. Тогда единственный раз в жизни Леег взял ее с собой покататься на лодке. Обычно он и Анджин ходили к озеру без брелины, так как считалось опасным брать девочку с собой, ведь она была еще слишком мала. Мальчишки и сами были недостаточно взрослыми, чтобы позаботиться о себе, и гуляли у водоема без присмотра исключительно из-за безалаберности родительницы койота. В тот день брат разбудил фазанку раным-рано, едва рассвело. Втроем маленькие искатели приключений вприпрыжку сбежали со склона крутого холма, где стояло фамильное поместье, к воде, на которой еще играли бледно розовые блики только что проснувшегося дня. Фазанка еле поспевала за мальчишками, но чуть ли не задыхалась от восторга. Наконец-то ее позвали играть! У длинного узкого пирса было привязано две узкие лодочки с изящно загнутыми вверх носами.

Койот сел в одну лодку, Леег с сестрой в другую. Мальчишки гоняли вдоль и поперек озера наперегонки, сталкивали лодки друг с другом, сражались на веслах как на мечах. Фазанка смеялась так заливисто, что переполошила всех уток, мирно добывающих себе завтрак неподалеку. Леег напоминал сестре крепче держаться за борта, но в пылу игры

забылся, лодка накренилась слишком сильно и брелина упала в воду. Плавать малышка еще не умела. Перепуганный брелин тут же кинулся спасать сестру и смог вытащить ее, не успела она пробыть в воде и минуту, но конечно же девочка сильно испугалась. С горем пополам брелин и койот дотащили наглотавшуюся воды, зареванную фазанку до дома, где, разумеется, щедро получили ремня за свою выходку. До конца их пребывания в поместье детям разрешали играть только в саду, между кустами розы и шиповника. Однако, даже несмотря на сей инцидент, тот день был самым счастливым совместным воспоминанием брелины с братом. С грустью Велисия подумала, что то лето было для Анджина последним, что он провел в родном доме, до того, как его матушка умерла, и отец фазанки забрал мальчика к себе.

– Ты часто катаешься на лодке? – спросила брелина Умина. Тот отпустил весла и откинувшись спиной на корму глядел на фазанку с ленивым прищуром, как кот, разморенный на солнце.

– Плавал раньше, – мелодично отозвался он. – Эта лодка принадлежала моему другу. Я знал, что он спрятал ее где-то здесь, но не ожидал, что мы так быстро ее найдем.

– Твой друг живет здесь?

– Жил когда-то, во-о-о-н там, – Умин указал на одиноко стоящий на берегу маленький домик. – Он умер пару лет назад.

– Ох, прости!

– Ничего, – ответил паренек, трогая воду кончиками пальцев. – Он был стар и сильно болел.

– Ты давно в Белой Империи? – постаралась как можно менее навязчиво спросить фазанка.

– Около четырех лет, старик приютил меня. До этого я жил в А-Тэ со своей теткой, пока та не умерла. Потом прилетел сюда.

– Вот так просто прилетел? Один? – изумилась девушка.

– Ага, – кивнул Умин, – я будто почувствовал, что нужно лететь сюда.

– А твои родители?

– Никогда их не видел.

– Извини, я так бестактна, – начала сокрушаться брелина.

Умин выпрямился и наклонился ближе к фазанке, заглядывая в глаза.

– Ты очень добрая.

Велисия слегка оторопела, удивленная неожиданному заявлению.

– Не знаю... просто я не люблю, когда с хорошими людьми случаются плохие вещи, – вымолвила брелина, отводя взгляд в сторону.

– Ты ведь принцесса, да? – спросил Умин почти удрученно.

– Как ты узнал?!

– Она принцесса, но обращается с тобой как с равной, – кивнул паренек в сторону Дары.

Брелина обернулась, чтобы посмотреть на подругу. Та сидела на берегу и что-то оживленно рассказывала своему хранителю. Далеко не все в империи считали Велисию равной принцессе, но тут паренек попал в точку: Дара ее таковой считала.

– Знаешь, ты очень проницательный для своего возраста! – восторженно заявила девушка.

– Вообще-то мне уже пятнадцать! – юнец казался оскорбленным.

– Значит, я на год старше тебя! – поддразнила фазанка, высунув кончик языка.

– Подумаешь, – пробурчал паренек, снова берясь за весла.

Глава 9

Утром следующего дня брелину разбудила Айя. Девушка сообщила фазанке, что четвертый принц ищет ее и будет ждать возле купален через полчаса. Велисия наскоро привела себя в порядок и взволнованно проследовала в указанное место встречи. Длинная фигура принца обнаружилась у одной из арок. Чуда, что девушка лицезрела днем ранее не повторилось, на лице принца красовалась привычная ухмылка, отчего создавалось впечатление, что ничего хорошего от их с ним общения сегодня можно было не ожидать.

– Вот вы где, идемте скорее, – практически не глядя на брелину, произнес Риеку, бесцеремонно хватая ее за запястье. На удивление девушки, принц затянул ее в одну из пещер. Только там она заметила, как странно тот выглядел. На нем был дорожный плащ с капюшоном, волосы собраны в хвост. Четвертый принц накинул на плечи Велисии черную накидку. Мужчина приблизился к ней вплотную, опираясь о каменную стену пещеры обеими руками, заключая девушку в ловушку, и пристально посмотрел ей в глаза. – Не задавайте сейчас никаких вопросов, у нас крайне мало времени, – произнес Риеку тихо, но очень четко. Велисия кивнула, чувствуя, как затряслись поджилки от пронизывающего взгляда хитрых глаз.

Принц продолжил:

– Моей сестре грозит опасность. Глава клана, чья дочь должна была выйти замуж за жениха Дары, нанял головорезов, чтобы убрать соперницу. Если мы сейчас же не выведем принцессу в безопасное место, она умрет, это ясно? – отчеканил принц. Велисия снова кивнула. – К сожалению, наша Дара очень упряма и не совсем умна, мне она не поверит, поэтому убедить ее сбежать должны вы.

Брелина замотала головой. Риеку ее проигнорировал. Теперь, при близком рассмотрении, девушка заметила, какими красными были его глаза. Он был очень бледен. Его губы были сжаты в тонкую линию, глаза метали молнии словно он был очень зол.

– Вот письмо от третьего цензора, – голос принца звучал спокойно, почти равнодушно. – Он намеревался передать его Даре, но послание перехватили. Доставьте письмо сестре, скажите, что цензор будет ждать ее на мосту.

Велисия взяла из рук принца запечатанный конверт, все еще совершенно сбитая с толку. Она не сдвинулась с места, так что принцу пришлось почти вытолкнуть ее наружу. Словно в тумане она побежала через сады к покоям принцессы. Никто из стражи не попался ей на пути – скорее всего, дело рук Риеку. В небольшой парадной, где тоже не было охраны, брелина остановилась на мгновение, раздумывая, будет ли правильным убеждать подругу покинуть столицу обманом. Четвертый принц выглядел не на шутку обеспокоенным, его «просьба о помощи» звучала больше как угроза.

Если с Дарой что-то произойдет, она никогда себе не простит.

Велисия не узнала, что было в том письме, но через две минуты после его передачи девушки уже бежали к воротам. Стражи и там не оказалось. У самых ворот стояла неприметная черная карета, запряженная двумя конями, возничего не было. Внезапно девушек скрутили люди в черных масках, зажали им рты и запихнули в карету. Подруги вырывались и пытались кричать, пока не увидели, кто с ними так обошелся. Один из мужчин залез вслед за ними в карету и снял маску, скрывавшую лицо. Это был четвертый принц. Карета тут же резко тронулась и покатила по ухабистой дороге, то и дело подпрыгивая, от чего девушки попеременно наваливались друг на друга.

– Что сие означает?.. – начала было брелина, но Дара перебила ее. Только тут Велисия заметила, что подруга была в ярости и злилась она не только на брата. Взгляд, которым принцесса обожгла брелину, был полон обиды.

– Не потрудитесь объяснить мне, что здесь происходит?!

– О, разумеется, дорогие девушки, – промурлыкал Риеку, его лицо просто излучало самодовольство. – Я должен объяснить вам обоим. По прибытии в столицу Дара написала третьему цензору порочащее ее письмо, в котором призналась в том, что уже много лет лелеет чувства к нему. Почему вы так удивлены? – спросил принц, заметив реакцию брелины. – Разве не вы подтолкнули ее к этому вашими задумшев-

ными беседами?

Велисия отреагировала еще более бурно. Четвертый принц следил за ней? Как много он видел и слышал?

– Хм... что ж, судя по всему, подруга не поспешила поделиться с вами своей радостью, потому что повода для оной не было. Цензор ей не ответил, – казалось, Дара в любой момент может исцарапать лицо брату. Риеку продолжил, – На самом деле, сестренка, он даже не прочел твое письмо, оно все еще лежало нераспечатанное у него в столе, когда я его оттуда изъяс, ну да ладно, это не важно. Важно то, что Дара так отчаялась от того, что ее светлую и чистую любовь отвергли, что решила совершить самую большую глупость в своей жизни. Завтра утром она собиралась сесть на корабль, идущий до самых Длинных Островов.

– Ты собиралась сбежать?? – теперь пришла очередь брелины для негодования. Дара отвела взгляд в сторону.

– У меня не хватило духу тебе сказать... постойте, а что за письмо тогда ты мне отдала?

– Ах, эта писулька, ее автор, увы, всего лишь я, – насмешливо ответил на ее вопрос четвертый принц. Дара сделала попытку вклеить брату пощечину, но тот перехватил ее руку.

– Ты такая милашка, когда злишься, – усмешка на красивом лице мужчины становилась все шире.

– Куда. Мы. Едем? – сквозь зубы процедила девушка, пытаясь вырваться.

– К твоему суженому, разумеется.

– Где Зен? Что ты с ним сделал?!

Четвертый принц не ответил. Борьба между братом и сестрой продолжилась еще минуту, пока принц не положил два пальца на шею сестры, сильно надавливая. Девушка вцепилась в руку брата, попутно обрушивая на него волну ругательств, а потом вдруг обмякла.

– Что с ней? – перепугано спросила брелина.

– Она просто поспит пару часов, так ей будет лучше, – спокойно ответил четвертый принц, аккуратно укладывая голову сестры на одну из подушек, лежащих на сидении, – нервничать плохо для здоровья, – лучезарно улыбнувшись, Риеку откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза, явно собираясь наверстать упущенный сон.

– Зачем вы взяли меня с собой? – озвучила свой вопрос брелина, но его уже никто не слышал. Четвертый принц мирно сопел.

Так они проехали несколько часов, в течение которых Велисия то и дело отключалась, но уснуть ей так и не удалось. После очередного ухаба карета резко остановилась, разбудив брелину и принца.

– Ну что там еще, – сонно пробурчал Риеку, выбираясь наружу. Велисия незамедлительно последовала за ним.

– В чем дело? Я же говорил проезжать через все населенные пункты не останавливаясь, а тут вообще какая-то глушь, – недовольно обратился Риеку к возникшему. Вокруг на самом деле не было ничего, кроме густого леса.

Брелина не видела лица возникшего, на нем был длинный плащ с капюшоном. Вдруг тот достал небольшой предмет из кармана и резко вонзил это в шею четвертого принца. Риеку не успел ничего сделать и тут же повалился на землю. Велисия вскрикнула, попятившись назад, но убежать не успела – человек снял капюшон.

Это был Иртан. Первой реакцией брелины была неконтролируемая радость. Девушка почти кинулась к волку, чтобы заключить его в объятия, но вспомнила про принца, все еще лежавшего на земле без чувств.

– Он умер?

– Нет, это сонное зелье, он будет в порядке примерно через час. Нам нужно бежать, Ваше Высочество, – сказал Иртан, подойдя вплотную к брелине. Она помедлила, рассматривая каждую черточку любимого лица, борясь с желанием позволить себе большее.

– А как же Дара? Он с ней что-то сделал, она или спит, или без сознания, – брелина указала на карету. Иртан молча кивнул и забрался внутрь. Велисия тем временем снова посмотрела туда, где должен был лежать четвертый принц. Ее сердце упало. Мужчины там не было.

– Ку-ку, – прошептал знакомый ей голос прямо в ухо. Брелина дернулась, но сильные руки сковали ее, – тихо-тихо, не дергайтесь, а то будет больно, – Велисия почувствовала, как что-то холодное и острое упирается ей в шею. – Я не хочу причинить вам вред, понятно? Сейчас позовите волка.

– Иртан! – голос Велисии сорвался на крик.

Волк выскочил из кареты с мечом в руках.

– Ну же, ну же, не надо насилия, волк. Украсть у меня сонное зелье было умно, не спорю, но откуда ж тебе было знать, что я принимал его в малых дозах с тех пор, как меня пытались отравить, когда мне было пять лет, и теперь я к нему невосприимчив? На этот раз ты проиграл, волк. Опустит оружие и брелина не пострадает, – мягко произнес принц, чуть увеличивая нажим клинка на шею Велисии. Иртан опустил меч. – Очень хорошо, а теперь садись за поводья, волк, нам еще долго ехать. И помни: ядов у меня в запасе предостаточно, я бы не советовал пытаться провернуть что-то подобное снова.

Иртан забрался на место возничего, после чего, пятясь назад и все еще удерживая брелину, четвертый принц забрался в карету. Внутри мужчина отпустил Велисию, она практически упала на сидение, страх взял свое, и ноги ее подвели. Дара все еще не пришла в себя.

– Вы ее отравили?

– В данной ситуации, будь я на вашем месте, я бы больше переживал о себе, – спокойно отозвался мужчина. Велисия отпрянула, буквально вжимаясь в стенку кареты. – Успокойтесь, – тяжело вздохнул принц и нагнулся к сестре. Он повторил ту же манипуляцию пальцами, что и до этого, и девушка открыла глаза. – Довольны?

Велисия смерила принца презрительным взглядом, после

обратилась к подруге.

– Ты в порядке, Дара?

– Да... – промямлила та сонно и широко зевнула.

Остаток дороги прошел в гробовой тишине. Велисия вжималась в стенку кареты, пытаясь отодвинуться как можно дальше от четвертого принца. Дара мирно посапывала... даже слишком мирно: манипуляции принца, по всей видимости, имели длительное действие. Сам принц то и дело сверлил брелину взглядом, от чего той хотелось выброситься из кареты на полном ходу.

Поздним вечером карета наконец остановилась. Трое выбрались наружу. Они снова оказались в лесу, на вид непроходимом – самый настоящий бурелом.

– Дальше не проехать, – огласил возникший рядом с Велисией Иртан. Брелина, все еще потрясенная событиями прошедшего дня, припустила завесу самоконтроля и взяла его за руку. Волк крепко сжал ее ладонь.

– Все верно, отличная работа! Ты привез нас точно по адресу, следуя только моим указаниям. У тебя и правда волчье чутье? – насмешливо сказал четвертый принц, в его по-кошачьи раскосых глазах плясали демоны.

– И где же мы? – спросила Дара, оглядываясь по сторонам.

– Приехали навестить нашу дорогую боговерную сестру.

Круглые золотые серьги принца сверкнули в лунном свете. Дара наморщила нос.

– Наи? Зачем?

– Спешу тебя огорчить, сестренка, но, боюсь, твоему жениху уж очень она приглянулась, и он осведомил Его Величество, что был бы не прочь жениться на ней вместо тебя. Так как она под защитой монахов, мы не можем просто выдать ее замуж силой, так что тебе придется ее уговорить.

– Почему ты тогда мне сразу не сказал? Зачем нужен был весь этот маскарад? – девушка негодуя всплеснула руками, от чего одна из ее толстых серебристых кос откинулась назад.

– Считай, я просто сэкономил всем нам время. Не стоит благодарностей, – Риеку подмигнул сестре, та отвернулась от него и зашагала, было, в гущу леса, но через пару шагов остановилась, ощупывая себя.

– Где мой меч, Риеку?!

– Твой что? Ах, это, – четвертый принц покрутил изящное оружие в руке, – мне думается, разумнее будет, если он останется со мной. Девушка глубоко вздохнула, развернулась и продолжила движение в чашу.

– Зачем вы взяли с собой меня? И как тут оказался Иртан? – находясь в искреннем замешательстве, спросила принца Велисия.

– Спросите об этом волка, – хитро улыбнувшись, ответил принц. – И да, кстати, в воду, которую вы испили из моей фляги, я тоже кое-что подсыпал. Не отставайте, если хотите встретить рассвет живой, – добавил он, последовав за сестрой.

Велисия поверила принцу лишь наполовину, но между ночлегом в холодном лесу и в обители монахов, она бы предпочла последнее. Брелина и волк двинулись за принцем, не разнимая рук.

Только тут брелина отважилась взглянуть на парня. Она с облегчением отметила, что внешне он выглядел вполне здоровым. Однако, девушка заметила, как Иртан нервничал, что было не в его характере. В прошлый раз, даже несмотря на всю суматоху после похищения брелона, волк оставался предельно спокойным и собранным. К тому же Риеку выглядел чересчур самодовольным, как будто был в предвкушении, ждал, что скоро нечто скрытое выйдет на свет.

– Так как же ты здесь оказался и где был все это время, Иртан? – наконец озвучила свои переживания брелина, быть может, с большим напором, чем изначально хотела. Ее вопрос прозвучал почти обвинительно.

– Я находился в резиденции семьи Ину, Ваше Высочество, – неохотно ответил волк. Его низкий голос прозвучал слегка приглушенно, растворяясь в шелесте травы под ногами молодых людей. Казалось, волк многого не договаривал и осторожно подбирал каждое слово. Недоверие брелины все возрастало.

– А остальные? Почему Анджин и Зея не были с вами?

– После атаки птиц мне потребовался лекарь, поэтому Ину прибегла к помощи своей семьи.

Брелина почувствовала укол ревности, когда волк назвал

девушку по имени, но потом до нее все же дошел смысл услышанного. Она остановилась, отведя их руки чуть назад, тем самым заставляя волка развернуться к ней.

– Тебя ранили? Насколько серьезно?

– Я в порядке, Ваше Высочество, лекарь мне помог.

Откуда-то из тьмы леса послышался тяжкий вздох четвертого принца.

– Позвольте мне вмешаться, пока этот разговор окончательно не превратился в катастрофу, – донесся из-за деревьев его голос. – Во-первых, разве вы двое не друзья с детства? Почему вы так неловко друг с другом себя ведете?

Кровь начала приливать к щекам брелины, она отвернулась прежде, чем волк мог это заметить.

– По-моему, друзья должны быть чуть более откровенны и честны друг с другом. Например, волк, зачем было скрывать от брелины то, что ты был смертельно ранен и что доблестная дочь седьмого министра пожертвовала собой, чтобы тебя спасти?

Никто не произнес ни слова, поэтому четвертый принц продолжил.

– Велисия, если вам интересно, я поясню. Сестер выдали замуж во влиятельный клан на юге, когда им было двенадцать лет, но они сбежали, принеся позор своей семье. Их отцу пришлось заплатить немаленькую сумму неудавшемуся жениху. С тех пор проказниц искали, но безуспешно. Сейчас же, раскрыв себя, чтобы воспользоваться помощью род-

ственника для спасения волка, одна из сестер рисковала собственной жизнью. Ее ожидало суровое наказание. Насколько мне известно, ее прилюдно выпороли и передали под опеку одного из Чайных Домов. Не надо выглядеть таким удивленным, волк. Девчонку должны были высечь пятьдесят раз сегодня на главной площади. Я бы удостоверился в этом сам, но был занят, спасая вас, прекрасная брелина, ведь это вам, а не моей сестре грозила опасность. Видите ли, моя матушка решила вас отравить, дабы спасти своего любимого сына от участи жениться. Я донес сие сведение до волка, так как посчитал, что его преданность вам окажется сильнее благодарности министерской дочке. Я оказался прав.

Брелина мельком взглянула на Иртана. В темноте невозможно было как следует разглядеть его лицо. Велисия только ощутила, что волк крепче сжал ее руку. Он, наверное, очень сильно переживал, что Ину пострадала из-за него. Добрая, милая Ину. Она ведь не старше самой брелины. Велисии не верилось, что девушку на самом деле могли отдать в публичный дом. Драконка наверняка знала, какая участь ее ждет, но смирилась с этим ради Иртана. Возможно ли, что Ину испытывает к Иртану какие-то чувства? После столь короткого знакомства... Велисия вновь посмотрела на волка, он не спускал с нее глаз.

Глава 10

День назад.

Иртан пребывал в доме седьмого министра и его семьи на правах личного стража Ину, так его представила своей семье девушка. По крайней мере, столько понял Иртан из того, что объяснила ему драконка. Она плохо говорила по-северовершински, а волк почти не знал драконьего языка. Они только прибыли в Драконью Пасть, сопровождаемые наемниками, присланными отцом Ину. Со слов девушки, она и волк провели около суток в доме ее дяди, когда тот сообщил министру о том, что его дочь найдена, и вскоре от него приехало трое человек. Драконка долго о чем-то спорила с наемниками. Иртан был уверен, что те намеревались расправиться с ним, но девушка все же смогла убедить их не делать этого. К удивлению волка, ни сам министр, ни его жена не обратили на него ни малейшего внимания и не дали прислуге никаких распоряжений касательно того, как с ним нужно обращаться. В итоге, молодого человека направили в маленькую конуру с множеством подушек на полу, которая походила на что-то вроде комнаты отдыха для прислуги. Кто-то из молодых служанок даже принес ему кое-что из еды. Волк ожидал совсем другого приема. Он не старался расспросить Ину о том, что именно произошло между сестрами и их отцом. Однако, сопровождение молодой незамужней девушки незнакомым

мужчиной явно не могло послужить во благо ее репутации, а Иртан совсем не был похож на наемного охранника. Вот те трое, что нанял для доставки дочери домой министр, были типичными наемниками – громилы с покрытыми шрамами лицами и плохими зубами. Иртан рядом с ними выглядел субтильным сыночком богатой семьи, заплутавшим в чужих краях.

Иртан многого не понимал, но из ситуации извлек, что родители принуждали девушку раскрыть местоположение ее сестры, но та отказывалась. Волк слышал обрывки ругани. Отец девушки был очень зол, мать плакала, скорее всего, пыталась защитить дочь, но мужчина был непоколебим. Через пару часов после прибытия Ину зашла в маленькую комнатку, где люди ее отца оставили Иртана. Она, от природы маленькая и худая, будто стала еще меньше, вся сжалась, сгорбилась. Личико было бледным, глаза опухли от слез. Иртан сделал несколько шагов ей навстречу в неясном порыве, хотел не то успокоить, не то пожалеть, как она вдруг накинулась на него с объятьями.

– Давай убежим, пожалуйста, а? Пожалуйста, Иртан! – девушку сотрясала мелкая дрожь.

Тело Иртана превратилось в камень под маленькими ручками драконки. Волк хотел помочь ей, возможно, это даже было ему по силам, но он никогда бы не убежал вместе с ней. Парень знал, что брелина должна быть где-то в столице. Он узнал в ее похитителе Хару. Волк осторожно разомкнул объ-

ятия девушки и отступил от нее на шаг.

– Я помогу вам. Вы уедете из столицы, но я должен остаться здесь.

– Почему остаться здесь? – спросила девушка с сильным акцентом. – Иди со мной, пожалуйста!

– Здесь Велисия, мне нужно ее найти.

– Этот, что забирать ее, он принц Хару! Она жениться на нем, да? Я его знаю! Иртан, я люблю тебя!

Внезапное признание в любви ошарашило волка. Он попятился назад от девушки, как будто она вдруг стала больна чем-то заразным. Ину опустила взгляд, теребя свои светлые волосы. Даже на расстоянии было видно, как она дрожит.

– Я знаю, что не красива. Ты любишь Велисию, но она жениться на принце! Вы не можете вместе! Иди со мной, пожалуйста... – ее голос снизился до шепота, на бледной коже лица выступили красные пятна.

– Я не могу. Я никогда не оставлю Ее Высочество, – ответил волк. Ину кивнула и не посмотрев на волка, вышла.

«Ты любишь Велисию», – это прозвучало так просто и естественно. Драконка не спрашивала у волка, было ли это правдой, она озвучила эту фразу как известную истину. Иртан медленно сел на подушки, опираясь локтями о колени. Ему было жалко девушку, но откуда ей было знать, что для него не имело значения, за кого выйдет замуж брелина. Единственной целью его существования было защищать Ее Высочество. С кем бы и где бы она ни была.

В подсобку к Иртану никто не вошел до самого вечера. Волк не спал и поджидал подходящий момент для побега. Когда перевалило глубоко за полночь к нему в комнату вошел высокий мужчина. Волк узнал в нем одного из принцев, что однажды приезжал в Северную Вершину вместе со своим братом.

– Здравствуй, волк, давно не виделись, – белозубо улыбнулся мужчина, обращаясь к Иртану на безупречном северовершинском. – Хочешь спасти брелину от быстрой, но верной смерти?

Четвертый принц кратко поведал, что за опасность грозила брелине, если ее срочно не увезти далеко и надолго и даже предложил вполне сносный план, как это сделать.

– Как благодарность за мою помощь я лишь прошу тебя помочь мне доставить мою сестру к ее суженому, и все.

– А как же дочь министра? – спросил Иртан, показывая пальцем наверх, где спала в своих старых покоях Ину.

– Насколько я понял, ее очень надежно охраняют. Ты бы, конечно, мог пойти напролом, вытащить девчущку, рвануть на запад, поднять шумиху. Только ведь если ты это сделаешь, то рискнешь жизнью брелины, понимаешь, волк? Ты готов на это пойти?

Волк пристально смотрел на брелину. В свете луны ее кожа была светлее обычного. Ее волосы тоже выглядели по-другому, он еще днем заметил, что с ними что-то сделали,

чтобы изменить цвет. Волк вспомнил, какой страх испытал от мысли, что может потерять ее, что никогда ее больше не увидит. Что эта прекрасная девушка никогда больше не подарит ему своей теплой улыбки. Тогда в той подсобке он забыл благодарность, что испытывал к Ину. Он принял осознанное решение бросить ее. Да, он не знал, что с ней будет, но догадывался, что ничего хорошего ее не ждало. Волк знал, что единственным шансом для Ину был побег. Но он не мог ей помочь. Для него не существовало никакого выбора. Его место было здесь, рядом с Ее Высочеством. Брелина подошла совсем близко к волку. Заглянула в его темные глаза и сказала со всей твердостью, на какую была способна.

– Мы ее найдем, Иртан. Мы вернемся в Драконью Пасть и поможем ей. Она спасла тебе жизнь, уже за это я у нее в долгу.

– Я бы не сказал, что она сделала это без корыстного умысла, о, дивная Велисия, – брелина вздрогнула от неожиданности, она позабыла, что четвертый принц все еще был рядом. – Мои ушки донесли мне, что у этой молодой особы был замечен весьма неплатонический интерес к вашему хранителю.

Голос принца все удалялся, похоже, он все-таки ушел вперед. Велисия не стала и дальше расспрашивать Иртана. Девушка молча зашагала вслед за принцем, не отпуская руки волка.

Идти становилось все сложнее: вскоре мягкая мшистая

почва под ногами сменилась некрупными острыми валунами. Ступать по ним приходилось с особой осторожностью, камни так и норовили накрениться не в ту сторону и скинуть с себя нерадивого путника. Брелина кряхтела и крепко сжимала челюсти, пытаясь достичь предела концентрации. Фазанка наверняка бы упала, если бы не Иртан, надежно державший ее за руку. Вскоре лес понемногу расступился. Каменистая тропа стала похожа на широкую дорогу, по обеим сторонам окруженную невысокими хвойными деревьями. Тропа вздымалась все выше и выше, через какое-то время ее уклон стал настолько крутым, что волк и фазанка смогли далеко впереди разглядеть принца и принцессу, обогнавших их на добрых шагов двести. Тут брелине в голову пришла мысль, что именно сейчас был очень подходящий момент сбежать, но, как назло, в этот момент где-то в лесу раздались хлюпающие звуки и чей-то тоненький скулеж, и бежать сразу расхотелось.

Все же мысль о возможности побега прочно засела у фазанки в голове. Иртан был рядом, наконец снова с ней, и от этого казалось, что она способна совершить любой невероятный поступок. А ведь он мог и не вернуться... что, если бы Иртан ответил взаимностью на чувства драконки и захотел сбежать с ней? Что, если бы ему надоело оберегать брелину, если бы он забыл данные им обеты и поддался воле чувств? Мог ли волк так поступить с ней? Велисия никогда не видела, чтобы волк предпринимал что-то опрометчивое. Он

всегда был безукоризненно осторожен, действовал согласно уставу, старался не задеть чувств других. Все это вызывало у брелины отчуждение и злость. Как будто Иртан оградился от нее стеной.

Погрузившись в дебри своих переживаний слишком глубоко, фазанка не заметила очередной коварный камешек и споткнулась, полетев вперед и вниз, и чуть не зарылась носом в острую каменную насыпь. Волк подхватил девушку за талию и крепко прижал к себе, не давая потерять равновесие. Другой рукой он сжимал тонкое запястье брелины. Та держалась ладонью за его плечо. Их лица оказались так близко, что еще чуть-чуть и они бы соприкоснулись носами. Напуганная остановленным за секунду до непоправимого падения, брелина тяжело дышала. От внезапной близости волка ее сердце трепетало в груди. К ее удивлению, Иртан вовсе не был невозмутим. Его рот был чуть приоткрыт, а когда их с брелиной взгляды встретились, девушке показалось, что волк вот-вот прожжет в ней дыру. Поддавшись порыву, Велисия подняла руку с плеча волка к его лицу и провела кончиком большого пальца по его подбородку. Иртан подался вперед, прижимая брелину к себе за талию еще крепче, и мягко прикоснулся губами к ее щеке. Мимолетно, легко и тепло, как прикосновение колоска к голой руке в жаркий летний день. Волк начал было отстраняться, но брелина ему этого не позволила. Ее рука обвилась вокруг его шеи, вмиг снова притягивая его ближе, их лица были прижаты друг к

друг щека к щеке. Хватка волка на ее руке ослабла. Горячие ладони погладили Велисию по спине. Они держали друг друга в объятиях несколько долгих мгновений. Волк почувствовал, как юное тело брелины задрожало под его пальцами, по его шее скатилась горячая капля. Иртан крепко-крепко обнял фазанку и держал ее, пока она прятала лицо в складках накидки на его груди, сотрясаясь от рыданий.

Через полчаса ноги волка и брелины ступили, наконец, на плоскую землю. Перед ними открылась совсем небольшая долина, окруженная скалами. Всего в каких-то шагах двадцати от обрыва стоял и сам храм. Двое молодых учеников встретили северовершинцев. Они молча поклонились, предложили гостям испить воды. Мальчики были совсем юными, по виду не старше десяти лет. У входа в храм северовершинцев поджидал седобровый монах, который их не поприветствовал, лишь жестом руки пригласил внутрь и закрыл за молодыми людьми ворота. Красота храма была заметна даже в скудном свете неполной луны. Он был весь деревянный и резной, с крышей, чьи углы загибалась к небесам. Обитель монахов выглядела довольно скромно и состояла из трех небольших строений. Один из мальчиков показал гостям комнаты для ночлега. Все так же безмолвно ученик поклонился им и удалился. В храме было очень тихо, только тут и там слышался треск сверчков и звук струящейся воды.

Молодые люди присели на деревянный помост, опоясы-

вающий весь периметр строения. Волк поглядел на неполную луну, то скрывающуюся за облаками, то вновь представляющую взору. Где-то совсем близко раздался тихий протяжный звук. Потом еще один, и еще один чуть громче. Вдруг звуки сложились в протяжную мелодию. Брелина огляделась вокруг и увидела высокого человека, стоящего на крыше напротив. Мелодия звучала негромко, но поразительно ясно в тишине ночи. Ее переливы были похожи на трель птицы. Одинокая фигура флейтиста и музыка пронзили фазанку до глубины души. Ей было почти физически больно смотреть на его тонкий силуэт. Столько в этой картине было грусти, какого-то покаяния, смирения перед неизбежным. От его мелодии в голове девушки проносились все счастливые моменты жизни, которые теперь стали лишь воспоминанием... и казалось, будто солнце никогда больше не поднимется высоко на небосводе и не согреет своими лучами ее холодные руки. Возникало чувство, что впереди лишь мрак, беспросветная бездна, выхода из которой нет. Брелина поднялась на некрепких ногах и стремглав влетела в отведенную ей комнату, едва не споткнувшись о порог. Звуки флейты растворились в ночи.

Глаза Иртана и флейтиста встретились.

«Волк?» – раздался незнакомый голос. Иртан прищурился, стараясь сквозь ночную мглу разглядеть лицо мужчины. Или он сошел с ума, или голос только что прозвучал у него в голове.

Утро наступило еще до восхода солнца. Один из монахов прошелся по всей Обители, гремя какой-то непомерно огромной связкой ключей. Монахи проснулись, но вокруг было почти так же тихо, как и во время их сна, были слышны лишь всплески воды. По окончании простых гигиенических процедур, монахи провели утреннюю церемонию. Все присутствующие в обители собрались в небольшой нише, выдолбленной прямо в скале. Седобровый монах начал громко петь на неизвестном языке, остальные присоединились. Двое более молодых монахов били в барабаны. За песнопениями последовал скудный завтрак, состоящий из пресной лепешки и зеленого чая. Трапеза прошла в вежливом молчании.

После монахи и ученики переместились во двор, дабы совершить утреннюю практику боевых искусств.

– Нам нужно дождаться окончания их тренировки, чтобы поговорить с Наи, – шепнула Дара Велисии. Принцесса явно нервничала и поглядывала на родственницу с опаской.

Наи была высокой девушкой стройного телосложения. Черты ее лица были мелкими и довольно обычными. Во время практики от других учеников ее отличала гибкость стана. Через несколько минут к гостям подошел полноватый монах с добрыми глазами, испещренными лучиками морщинок. Монах негромко обратился к четвертому принцу на наречии кете.

– Он говорит, что мы можем присоединиться к практике,

если хотим. Учитель хочет показать нам их традиционное боевое искусство, – перевел принц.

Больше всего затее обрадовались самые юные ученики. С ребяческим озорством они по очереди показывали свое мастерство. Крутились колесом, вставали на руки, совершали впечатляющие прыжки с переворотами. Учителем оказался весьма молодой монах с красивым, аристократичным лицом. Он единственный среди жителей обители никогда не улыбался и почти не разговаривал с другими. Учитель показал гостям технику контроля собственного дыхания, которую, кажется, никто из них не смог постичь с первого раза.

Когда монахи и ученики занялись выполнением своих обыденных обязанностей, Дара вызвалась помочь Наи в травяном саду Обители. Сад был небольшим, на четырех ничем не огороженных грядках вразнобой росли различные растения. Для непосвященного человека сад выглядел запущенным нагромождением бурьяна. Девушки принялись собирать в плетеные корзинки соцветия мелких желтых цветов. По словам Наи, после сбора их высушат, а потом изотрут в порошок, примочки из которого хороши для остановки крови из ран.

– Что привело тебя в Обитель, сестра? – учтиво спросила девушка.

– Прости, что не приехала к тебе раньше, Его Величество не поощрял наше желание с тобой увидеться и всякую идею о возможном визите пресекал на корню. За тем исключени-

ем, когда Хару захотел здесь тренироваться, – принцесса закатила глаза, – что неудивительно, он ведь его любимчик.

– Его Величество мудр и волен решать, как он того пожелает. Могу предположить, что он не хотел тревожить меня в то время, когда я еще привыкала к обычаям Обители... Я все же рада увидеться с вами после стольких лет, – произнесла Наи чуть теплее и улыбнулась сестре.

– Не представляю, как тебе было трудно, ты была совсем малышкой, когда тебя забрали. Как к тебе здесь относятся? – обеспокоенно спросила Дара.

Улыбка на устах Наи расцвела ярче, ее глаза задорно сверкнули, когда она ответила.

– Мне здесь очень хорошо. К тому же замысел Его Величества удался в полной мере. За те годы, что я здесь, связи между Обителью и столицей окрепли. Теперь с уверенностью можно сказать, что между ними сильный альянс.

Дара слегка поникла, растеряв присущий ей пыл. Она не ожидала, что сестра действительно может быть довольна своей долей, но, похоже, так оно и было. Наи не выглядела изможденной, чересчур худой или нездоровой. Возможно, ее кожа и волосы не были столь лощеными как у Дары и четвертого принца, но и заморенной беднячкой она не выглядела. Принцесса мало что знала об образе жизни сестры, но слышала, что монахи живут лишь на подаяния.

– Тебе никогда не хотелось вернуться?

– Конечно, хотелось. В самом начале я очень страдала и

думала, что моя участь – это мое наказание. Я испытывала сильную ненависть к Его Величеству и к вам всем, – при этом Наи бросила на родственницу кроткий, едва ли не стыдливый взгляд, – но постепенно эти чувства ушли. Я поняла, что Обитель – это то место, которому я принадлежу.

– И ты уверена, что никогда не захочешь ничего другого? – пылко спросила Дара, отчаяние уже начинало недвусмысленно сквозить через каждое ее слово. – Скажем, выйти замуж, завести детей.

– А ты этого хочешь, сестра? – темноволосая вдруг опустила свою корзинку на землю и взяла сестру за руку. Ладонь Наи была шершавой и теплой.

– Честно говоря, я хотела бы выйти замуж за одного человека, но должна буду выйти за другого, – призналась Дара, отчаянно избегая взгляда сестры.

– Князь И попросил встречи со мной в день открытия Тихих Состязаний. Он вполне воспитанный и учтивый молодой человек. Мой отказ он воспринял с достоинством.

– Он молод?!

– Вы никогда не встречались?

Принцесса покачала головой.

– Может, стоит дать ему шанс, сестра? Он обещал посетить Обитель. Быть может, вы встретитесь здесь.

– Разве ему разрешат тут находиться?

– Почему же нет? – вскинула брови Наи.

– Ну...ведь монахи тебя защищают, а князь приедет с из-

вестными намерениями...

– Я дала ему простой ответ, который можно было понять лишь как однозначный отказ. Но это не значит, что князь не может приехать сюда, как гость. Он проявил искренний интерес к изучению Пути Стихий, а Обитель открыта для всех, кто находится в поиске истины.

– Ты уж прости, сестра, но мы всегда представляли, что тебя здесь держат силой и к тебе не подобраться, что мы навсегда тебя потеряли.

– Совсем наоборот, здесь вы меня нашли. Здесь я нашла саму себя. Если бы меня удерживали тут силой, это бы противоречило всему чему учит Путь Стихий.

Наи тепло улыбнулась.

– Ты говоришь так, будто намного старше меня, а ведь мы погодки, – чуть смущенно сказала Дара.

– Возраст эквивалентен пройденному тобой пути, – заявила Наи и, заметив удивленный взгляд сестры, добавила, – так говорит Учитель.

Ину очнулась в крохотной темной комнате с затхлым, сбитым воздухом. Она лежала на животе, на тонкой и твердой подстилке. Острая боль пронзила всю ее спину, когда она попыталась пошевелиться. Кожа спины горела, лицо саднило. Боль привела молодую драконку в чувства и воспоминания о том, что произошло, и как она попала в эту клетушку, наполнили ее голову.

Когда наемники доставили ее и Иртана домой, больше всего драконка боялась, что отец прикажет убить парня и даже не станет разбираться, почему они были найдены вдвоем. Тогда ее жертва стала бы бессмысленной, а Иртан пострадал бы ни за что. Однако, отец будто даже не заметил присутствия в своем доме незнакомца. Все его внимание было сосредоточено лишь на одном. Он даже не спросил, как девочкам жилось все эти годы, где они были, что ели, подвергались ли жестокому обращению. Отец не сказал об этом ни слова. Единственным, что его интересовало, было местонахождение Зеи.

Их любящая, добрая мама попыталась встать на защиту своей непутевой дочери. Но, как и четыре года назад, не смогла ничего сделать, кроме как молить супруга сжалиться. И точно как четыре года назад, ее мольбы не принесли никакого результата.

Когда сестрам минуло двенадцать лет, в их дом приехал погостить приятель отца. Старый, толстый мужик, транжирящий деньги без разбора, родственник правителя какой-то далекой страны с труднопроизносимым названием. Гость жил в их доме несколько недель, жрал их еду, пил их вино и рассказывал непристойные анекдоты, благо, на своем языке, которого девочки не понимали. А когда мужик закончил дела, что привели его в Драконью Пасть, он предложил отцу выдать за него замуж одну из его дочурок. Одну из его прелестных рыжеволосых доченок. Совсем еще юных, хоро-

шеньких, маленьких девочек. Ту шустренькую, Зею, кажется. Хотя, после раздумий гость заявил, что девочек лучше выдать в комплекте.

Предложение было сделано за ужином, последней трапезой, что толстяк должен был сожрать в их доме. Чужестранец говорил на своем наречии, странном, заковыристом языке, в котором было много таких слов, от произношения коих гость брызгал во все стороны слюной. Девочки не поняли, почему мама выронила из руки ложку, а отец весь побагровел. Семья, разумеется, была против брака, но мужик сумел как-то надавить на отца, и тот в итоге согласился. После долгих переговоров сошлись на том, что с чужеземцем поедет только Зея, а ее сестра останется дома. Однако, узнав об участии сестры, Ину заявила, что тоже поедет. Когда сестру должен был забрать ее новоиспеченный жених, Ину выбралась из их общей спальни через окно и встала рядом с сестрой. Мужик, обрадованный неожиданной удачей, забрал обеих девочек с собой.

Тот последний взгляд, что отец бросил в сторону Ину, перед тем как дверца повозки затворилась – его драконка не смогла бы забыть никогда. В нем не было ни боли, ни жалости, только разочарование и злость. Отец не попытался остановить чужестранца, когда тот простер свои жирные пальцы к обеим девочкам, словно говоря: раз сама выбрала такой путь – живи с этим выбором.

Девочкам повезло. Сам мужик ехал в удобной карете вме-

сте с какой-то важной персоной. Сестер же усадили в тесную повозку, забитую багажом толстяка и его бесчисленными покупками. Чего только в той повозке не было. Дорогие шелка и парча, сгруженные друг на друга в огромных мотках, каждого из которых хватило бы на десять платьев. Драгоценности, мужские и женские, из золота и серебра, с настоящими самоцветами и с поддельными, с жемчугом, с кораллами, медальоны с изображением праживотных и четки, похожие на те, что носят монахи. Старинные книги, перевязанные бечевой в стопки, которые болтались туда-сюда и больно впились уголками в руки и ноги девочек. Тяжеленные сундуки, некоторые из которых не были запертыми, и их крышки то и дело подпрыгивали на ухабах. Сундуки были доверху набиты золотом. Монеты высыпались из них наружу и катались по полу, тоненько звеня при столкновении друг с другом.

Зея всю дорогу плакала и не проронила ни слова, не отвечая даже, когда сестра звала ее. Ину выглянула наружу сквозь щель в стенке повозки. Их сопровождала до зубов вооруженная охрана на хороших, породистых лошадях. Еще бы, мужик вез столько добра.

Когда стемнело, остановились на ночлег. Чужестранец и важная персона расположились в шатре, про девочек, казалось, все забыли. Лишь когда вокруг все стихло, дверца повозки отворилась. Молодой охранник принес девочкам ломоть хлеба и кружку воды, вероятно, унесенные с хозяйского стола украдкой, вряд ли по распоряжению хозяина. Ого-

лодавшие сестры охотно приняли угощение. Охранник хотел было забрать из рук Ину железную кружку, как в его запястье вонзилась тонкая серебряная игла, покрытая сонным зельем, что девочка стащила из маминой спальни. Трюк с иглой сработал, хотя и был проделан далеко не мастерски – охранник повалился на землю.

– Бежим! – шепнула Ину сестре и дернула ее за руку. Девочка испуганно посмотрела на с виду безжизненное тело охранника, что проявил к ним доброту. Она хотела бежать вместе с сестрой, но ноги плохо ее слушались.

Путь им перегородил другой охранник, высокий и мощный. Зоя почти вскрикнула со страху, но сестра зажала ей рукой рот, другой рукой доставая из кармана очередную иглу. Оружием девочка, конечно, не успела воспользоваться. Громила схватил ее за руку с такой силой, что кости у нее в запястье почти хрустнули, игла выпала и затерялась в траве. Казалось, все было кончено, но хватка охранника неожиданно ослабла, его глаза закатились, и он повалился наземь ничком, чуть не сбив девочек с ног. За его спиной стоял третий охранник, невысокий, коренастый, молодой мужчина со шрамом через все лицо.

– Уходите! – шикнул он девочкам. Долю секунды Ину не верилось в происходящее, но она все же сумела совладать с собой. Девочка крепче ухватилась за сестру и потянула ее за собой в лес. Так им удалось сбежать.

Ину так и не узнала, что охранник со шрамом, что помог

им, также подпоил толстяка и важную персону, и именно поэтому в тот вечер они не тронули сестер. И она даже предположить не могла, что в скляночке из запасов ее матери было вовсе не сонное зелье, а сильный яд. Девушка не подозревала, что в ту ночь она убила человека. Человека, что проявил к ней доброту.

Глава 11

Двумя днями ранее.

Это случилось ночью. Огонь спустился на землю прямо с небес. Часовые не успели никого разбудить, огненные шары настигли их на постах. Это была мгновенная смерть. Три тысячи воинов подверглись внезапной атаке чудовищ. Никто их не видел. Дозорные не засекали их тучные тела на темном горизонте. Взмахи их крыльев были бесшумны. Невозможно было определить, с какой стороны они прилетели.

Воины спали на голой земле, тесно сгрудившись плечом к плечу. Опытные вояки с многочисленными шрамами на дряблых лицах. Старики, десять лет не бравшие в руки ничего опаснее мотыги. Молодые солдаты, жаждущие воинской славы. Было и несколько совсем юных мальчиков, явно попавших в ряды ополчения случайно. Высокие, широкоплечие, чей истинный возраст могли выдать лишь по-детски пухлые щечки или взгляд, что порой становился затравленным, выдавая опасения попасться на неумелой лжи. У каждого из этих мальчиков была своя причина, чтоб покинуть дом. Кто-то завидовал соседскому мальчишке, что уже достиг шестнадцати лет. Кого-то разозлила неосторожно оброненная фраза матери. Они все так молоды и неосмотрительны. «Вот уйду в армию, и вы у меня посмотрите», «Погибну в бою как герой, тогда, может, ты, матушка, не будешь боль-

ше величать меня нахлебником». Такими были их мысли. Но никто из этих мальчиков не хотел умирать, не по-настоящему, не так. Никто из них не хотел умирать во сне. Никто из них не хотел проснуться от криков товарища, сгорающего заживо, только чтобы самому умереть секундами позднее.

Нет, они хотели слышать клаяние мечей вокруг, выкрикивать врагам ругательства, за которые от мамки можно схлопотать подзатыльник, хотели сражаться бок о бок с теми, кто участвовал в сотнях битв. Но этим романтическим мечтам о героической гибели не суждено было сбыться. Их привели на огромное поле в паре сотен миль от границы с Синими и оставили там умирать. Их предали те же герои, которых им с детства ставили в пример. Те же воеводы, что храбро сражались за их страну. Их бросили на растерзание монстрам, не знающим пощады. Чудовищам, что убивают не за родину, не за идею и не чтобы выжить. У этих существ нет страха. Им незачем жить, и они не боятся умереть. Они убивают лишь, чтобы почувствовать, что еще на что-то способны.

Воевода Бражник, полководец Ворот, капитан Широ и тринадцатый принц наблюдали за душераздирающей сценой с лучших мест: на вершине невысокого холма. Со стороны зрелище было воистину ужасающим. Огонь полыхал всюду, охватывая сухую траву и тела. Чудовища извергали все новые всполохи пламени, что освещали всю картину, позволяя зрителям лицезреть все действие в деталях. Поле наполни-

лось криками.

– Где Его Величество? – сдавленно спросил Хару, стараясь, чтобы никто, кроме дяди не услышал его, несмотря на то что за криками и ревом драконов, в этом не было необходимости.

Широ безмолвно посмотрел куда-то в сторону. Проследив за его взглядом, принц увидел на краю побоища, лежащую на земле маленькую кучку. Это было тело брелона.

– Он мертв?

– Более чем, но ты можешь проверить, – с нескрываемым раздражением отозвался родственник.

Хару резко выдохнул.

– Чем ты сейчас недоволен? – чуть громче произнес Широ, выдержка начинала его подводить.

Тринадцатый принц посмотрел на мужчину как на умалишенного.

– Посмотри на это! Мы же хуже палачей! – голос молодого дракона дрогнул.

– Хуже палачей нет никого. Мы с тобой в отличие от них хотя бы понимаем, для чего мы лишаем всех этих людей жизни, – Широ агрессивно ткнул пальцем в кровавую картину внизу. – Не отворачивайся и гляди!

Мужчина схватил принца за подбородок и развернул его голову, заставляя смотреть, как три тысячи человек сжигают заживо или разрывают на куски. Хару сжал запястье дяди до тех пор, пока мужчина не скривился от боли и не отпустил

его, но отворачиваться не стал.

Бражник поджег тонкую сигару, поднес ее к губам и сделал длинную затяжку, но едкий табачный дух не мог перебить стойкого запаха горящей человеческой плоти. В это же время Ворот вытащил из кармана штанов сочное красное яблоко и смачно откусил от него.

Все закончилось перед рассветом. К этому времени самых больших драконов на поле уже не было, они улетели так же незаметно, как и появились. Уцелевшим солдатам удалось с помощью цепей изловить двух чудовищ. Это были наименее крупные драконы. Существ разодрали в клочья. Каждый выживший желал выместить на них свой гнев. Закончив с чудовищами, солдаты похоронили своих погибших соратников в тех же рвах, что были выкопаны для защиты войск. К полудню поле опустело. Лишь тут и там лежали на земле клочья одежды или чей-то потерянный ботинок.

Из-за холма на поле медленно вышел высокий мужчина. Он был гол по пояс, почти весь его торс и половину лица покрывала красноватая чешуя. За спиной виднелись два больших крыла. Мужчина обнаружил что-то на земле и склонился на одно колено, его длинные темные волосы закрывали лицо. На земле перед мужчиной лежала драконья голова. Иссиня-черная, размером с голову лошади. Голова лежала на боку, один большой желтый глаз был открыт. Мужчина погладил мертвое существо.

– Ну вот, братцы, окончен ваш первый бой, – чуть слышно

произнес он. Первые лучи солнца показались из-за горизонта. Чешуйки на груди мужчины заиграли переливами оранжевого, малинового и золотого. Глаз мертвого дракона отливал янтарем. Мужчина прищурился, глядя на разгорающийся рассвет. Он мощно взмахнул крыльями, поднимая пыль на истоптанном поле, и взмыл высоко ввысь, направляясь в сторону восходящего солнца. Четыре драконьи фигуры летели вслед за ним.

Брелина и волк собирали крупные красные ягоды с кустов в саду обители. Учитель Ки объяснил им, что ягоды, по цвету схожие с небом на закате перед жарким днем, нужно собрать, а те плоды, что больше походили на самоцветный камень кровяник, стоило оставить на ветвях еще на недельку. Всех монахов называли по именам, добавляя «учитель», и только того, что демонстрировал гостям технику контроля дыхания, звали просто Учитель. Он был, без сомнений, загадочной персоной. Один из учеников успел рассказать Велисии, что никто не знал, сколько Учителю лет. По словам других монахов он когда-то был личным советником одного из императоров, и было это еще до того, как пять кланов объединились.

– Эта ягода похожа на цвет заката? – как ни в чем не бывало обратилась брелина за советом к волку. Иртан придиричливо осмотрел плод и пожал плечами.

– Ваша корзина почти полная, я принесу новую, – с этим

парень оставил фазанку одну. Это был первый их разговор с инцидента в лесу. Брелина раздосадовано хлопнула себя ладонью по лбу, вспоминая события той ночи.

– Конечно, эта ягода не похожа на закат, – прокаркал кто-то прямо брелине в ухо.

Велисия ахнула. Рядом с ней, на верхушке куста сидел Рейдок, благо, в своей вороньей форме.

– Спасибо, что не перевоплотился, – с издевкой поблагодарила девушка и огляделась вокруг.

– Не меня ищешь? – лисьи глаза-бусинки смотрели прямо на Велисию с расстояния в пару дюймов.

– О, да, тебя за то же поблагодарить не могу. Ты, правда, смерти моей хочешь? – брелина закатила глаза.

– Просто он не умеет разговаривать в птичьем облиии, – самодовольно прокаркал Рейдок.

– Просто я в этом, – паренек ткнул себя пальцем в щеку, – облиии лучше выгляжу, – Умин лучезарно улыбнулся, – повезло, что кусты такие густые.

Велисия озадаченно посмотрела на юнца с пару секунд, пока до нее не дошел смысл сказанного. Из-за мелкой листвы проглядывался голый торс Умина.

– Фу! – воскликнула брелина, прикрывая глаза ладонью. Паренек расстроено насупился.

– Мы думали, ты обрадуешься.

– Мы знали, что ты разозлишься, – перебил его Рейдок.

– Ты нас бросила.

– Мы думали, что тебя похитили.

– Мы объединились, чтобы быстрее тебя найти.

– Я не хотел брать его с собой!

Брелина рассмеялась:

– Вы действительно друг другу подходите!

Рейдок фыркнул и повернулся к ним обоим хвостом.

Улыбка на лице Умина стала еще ярче.

– Что ты здесь делаешь? – спросил юнец, с любопытством заглядывая брелине через плечо.

– Нужно было поговорить с другом, – уклончиво ответила Велисия.

– Я могу остаться? – золотоволосый сложил обе ладони под подбородком в жесте мольбы.

Брелина еще раз боязливо огляделась и покачала головой.

– Здесь есть человек, которому я не доверяю. Вам надо спрятаться, а еще лучше вернуться в Драконью Пасть или... в какое-нибудь другое место. Туда, где тихо и спокойно, и не будет меня!

Лицо Умина поникло.

– П-р-ряч-сь! – каркнул Рейдок и вспорхнул. Умин тут же скрылся за кустом, едва успевая спрятаться от зорких глаз самого младшего и любопытного ученика, что заинтересованно смотрел на Велисию из-за угла.

В поисках новой корзины для сбора ягод, Иртан забрел в маленькую кладовую. Комнатка была сплошь заставлена

лопатами, ведрами, косами и другими инструментами. Среди всего этого добра было и несколько мечей, замотанных в грязные лохмотья. Оружие стояло среди прочей утвари, как нечто бесхозное.

Вдруг кто-то крепко схватил волка за правое запястье. Волк оглянулся в полнейшем изумлении, что кому-то удалось застать его врасплох – он не слышал ничьих шагов. Учитель держал тонкими длинными пальцами его руку и, приподняв рукав его рубашки, рассматривал знак волка.

– Давно я не видел столь совершенной отметины волка, – задумчиво протянул мужчина, отпуская запястье Иртана. – Такие бывают лишь у чистокровных волков, тех, что рождаются в семьях, которые чтят традиции несмешения потомков разных Прародителей. Сейчас это такая редкость.

– Мне казалось, последователи Новой Веры отвергают сказания о Прародителях, – произнес Иртан, хмуро глядя на монаха исподлобья. Проповедники новых религий всегда вызывали у волка недоверие. Учитель улыбнулся.

– Я верю в то, во что хочу верить. Путь Стихий не отвергает других религий. Только глупец не станет верить в то, что у него прямо под носом.

– Я был рожден от лягушки, мой дед был рыбой, я совсем не потомственный волк, – сказал Иртан чуть менее враждебно.

Монах потер свой гладкий, без единого волоска, будто у подростка, подбородок.

– Если бы я не мог рассмотреть твой знак столь близко, я бы посчитал, что он подделка, рисунок, который кто-то искусно нанес на твою ладонь. Но энергия этой отметины слишком сильна. Она окружает тебя с ног до головы.

– Что это значит?

– Возможно, тебе стоит обратиться к истории. События давно минувших времен забываются, теряются и искажаются. Однако те, кто помнит их, всегда на шаг впереди. Истории имеют свойство повторяться. Только глупец не учится на ошибках других, – произнес Учитель и развернулся, чтобы уйти.

Лишь тогда волк заметил на гладко выбритом затылке монаха бледную, едва виднеющуюся отметину, которую можно было разглядеть только с очень близкого расстояния. Это был знак волка.

* * *

– Тринадцатый принц, – громко объявила служанка голосом, подскочившим на две октавы, распахивая двери покоев. Госпожа Фэй, несмотря на позднее время, неспешно завтракала и не отреагировала на появление в ее покоях отпрыска.

– Где Велисия? – требовательно спросил молодой дракон. Он тяжело дышал, его кристально голубые, как вода горного озера, глаза горели сдерживаемым гневом. Дракон устроил в резиденции настоящий переполох. Сперва принца чуть не вышвырнула охрана, приняв за нищего, потом прислуга не пускала его в материнское крыло дворца. В его длинных

волосах было столько пыли, что их сиреневый цвет был совсем неразличим. Его одежды были грязными и рваными. Собственно, на нем были надеты дорожные штаны из грубой кожи да рубаха, которую он, к счастью, не забыл завязать на поясе на время полета. Он летел не менее трех часов и теперь с каждым шагом чувствовал накатывавшую усталость.

– Почему ты в таком виде? – наконец удостоив сына взглядом, тут же строго спросила вторая жена императора.

– Где моя невеста? – тринадцатый принц произнес каждое слово отдельно. Его глаза теперь были крепко закрыты, кулаки сжаты, он изо всех сил старался сдержать гнев.

Женщина вскинула брови, словно удивляясь спесивости сына.

– Чтобы женщина оставалась там, где ты ее оставил, нужно либо обладать над ней властью, либо дать ей мнимую власть над собой, – сказала госпожа Фэй и положила в рот кусочек тонко нарезанной сырой рыбы. Брови ее взлетели еще выше – знак того, что пища пришлась ей по вкусу.

– Матушка! Прошу Вас, скажите, где она? – слова хотя и были вежливыми, но были произнесены столь громогласно, что вино завибрировало в бокале женщины.

– Если она еще жива, то может находиться только в обители монахов, – спокойно ответила вторая жена императора, прихлебывая крепкий напиток. Их взгляды встретились. То были не сын и мать, а соперники с неравными силами.

– Я доверился Вам в последний раз. Будь я проклят, если

еще хоть однажды попрошу Вашей помощи!

Двери покоев громко захлопнулись, заставив женщину вздрогнуть. Она подняла со стола графин с темно-красной жидкостью и наполнила бокал до краев.

* * *

В течение двух дней к Ину заходили лишь чтобы сменить повязки и дать ей попить воды или крепкого бульона. Каждый раз это были разные служанки. Совсем еще юные девочки, не старше десяти лет. Драконке подумалось, что вероятно это были дочери бедняков, проданные семьями. «Хорошо, что они только прислуживают пока маленькие...», размышляла девушка сквозь сон. О своей дальнейшей доле она старалась не думать, хотя это было трудно. Все это время у нее не спадал жар. В бреду ей мерещилось всякое: ужасающие картины того, что ее ждет, когда раны заживут. В воспаленном сознании девушки переплеталось прошлое и будущее. Все давние страхи, что она пыталась подавить последние четыре года. Это было точно так же, как и тогда. Ожидая своей участи в той тесной повозке, слыша мерзкий смех жирного мужика, маленькая драконка молилась всем богам, чтобы они спасли ее. Горькая правда состояла в том, что никто не придет на помощь. Не в этот раз. Тогда ей повезло, теперь же повезло Иртану. Ему повезло, что она так глупо, безоглядно влюбилась в него.

Когда жар спал, Ину смогла самостоятельно сесть. Ей принесли немного более внятную трапезу, чем бульон. Потом

дали чистую одежду и отвели в другую комнату, просторнее и светлее, чем предыдущая. Такая перемена напугала драконку. Когда к ней в дверь настойчиво постучались, она вздрогнула.

– Войдите, – пискнула девушка.

В комнату вошла роскошно одетая женщина невиданной красоты. Ее платье было сшито из самого дорогого шелка, какой носила лишь императорская семья. В ее волосах были сверкающие драгоценные камни. Ее лицо было белым как лепесток кувшинки, кожа нежной и гладкой, как у ребенка. Ее фигура не соответствовала общепринятым в Империи стандартам красоты. У нее была пышная грудь и объемистые бедра. Ину встала с постели, приветствуя женщину, та ей радушно улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами. После чего предусмотрительно закрыла за собой дверь.

– Присаживайся, дорогая, как ты? Раны заживают хорошо? – голос женщины был довольно глубоким, но не хриплым.

– Они болят уже немного меньше... госпожа, – неловко ответила девушка, не зная, как правильно обратиться к женщине.

– Прости, я не представилась. Я госпожа Ю, хозяйка Дома Азалий. Отныне это и твой дом. Я искренне сожалею, что твое тело испортили подобным образом, мы сделали все, что могли, но шрамы будут довольно заметными. Девочка, тебе несказанно повезло, что ты до сих пор чиста, иначе я бы уже

не смогла тебе помочь, а так мы обязательно что-нибудь придумаем! – все так же радушно закончила женщина. – А пока отдыхай.

Госпожа Ю удалилась, и только тогда Ину смогла выдохнуть. Содержимое ее желудка неприятно перевернулось, когда она снова прокрутила в голове услышанное.

Глава 12

Хару явился в Обитель в сопровождении целого батальона охранников. Они были направлены в приют монахов распоряжением Госпожи Фэй, дабы доставить Дару в сохранности к суженому. К тому же она передала указание Риеку в письменном виде, в котором настоятельно просила его немедленно вернуться в резиденцию. Хару также сообщил брелине печальные вести: ее батюшка скончался и был погребен в столице. Брелина приняла скорбные вести тяжело и слегла с сильным жаром. Состояние тринадцатого принца тоже оставляло желать лучшего, и монахи предложили ему задержаться в Обители, чтобы восстановиться, при условии, что охранники смогут найти другое место для ночлега. Обитель не предполагала принятие такого количества гостей. Хару поручил начальнику охраны отыскать подходящее убежище для его подчиненных в небольшом городке неподалеку, куда монахи обычно спускались за подношениями и чтобы пополнить продовольственные запасы.

Атмосфера в Обители была близка к гнетущей. Монахи продолжали заниматься обыденными делами, вплетая в свои обязанности приготовление сложных снадобий, коими потчевали тринадцатого принца и брелину. Фазанка почти все время спала, приходя в себя лишь когда очередной кошмар тревожил ее нездоровый сон. Дара добровольно отбы-

ла к князю, с ней ушла половина охраны, включая хранителя принцессы, Зена. Из-за скромных размеров монашеского убежища принцам пришлось делить комнату с волком. Риеку вопреки обыкновению даже ни разу не съязвил по этому поводу. В их маленькой комнате, казалось, сам воздух трещал от напряжения. Четвертому принцу явно не терпелось поговорить с братом, но волк не спускал с молодого дракона глаз.

По истечении суток фазанка проснулась. По-настоящему, без криков и метаний по постели. Было за полночь, и все вокруг спали. Бледная, помятая и растрепанная, походящая на призрак самой себя, брелина вышла на улицу. Ночь была холодной и девушку пробрала мелкая дрожь. Она обняла себя руками и огляделась. На крыше одного из строений она увидела то, чего боялась увидеть, но ожидала. Две маленькие фигурки. Она махнула рукой в сторону, призывая птиц последовать за ней. Непослушными, окоченевшими пальцами фазанка открыла засов на воротах и вышла за пределы Обители. Земля под ногами девушки была сплошь усыпана мелкими камешками. Ими было устлано все вплоть до обрыва, видневшегося в нескольких десятках шагов. За обрывом в лунном свете были видны очертания бесчисленных верхушек деревьев. У края сидели Рейдок и Умин, оба в птичьем облики, за что брелина была благодарна. Она не была уверена, что смогла бы сказать то, что собиралась, глядя мальчишкам в лицо. Велисия сделала глубокий вдох, ее слегка

осунувшееся лицо из усталого стало раздраженным.

– Почему вы двое все еще здесь? Я сказала вам убираться. Зачем вы вообще притазились?! – брелина смотрела поверх птиц, на серебрившийся в дали лес. – Хотели защитить? Не смешите меня, вы себя-то защитить не способны! Мне надоело, что вы за мной везде таскаетесь! Я просила вас уйти, но вы ведете себя как несносные дети, – голос фазанки то и дело срывался. – Мой отец умер! – она с силой выбросила фразу в ночной воздух. – Сейчас я хочу видеть рядом с собой только дорогих мне людей, а вы оба мне противны! Я не хочу больше тратить ни времени, ни сил на ваши глупости! Убирайтесь!

Брелина развернулась и сделала широкий шаг вперед, но ее остановила яркая вспышка света у нее за спиной: Умин обратился в свою человеческую форму. Он смотрел в затылок фазанке со смесью тревоги и нерешительности.

– Ты будешь в порядке? – паренек протянул к брелине руку, но тут же застыл. По щеке Велисии покатались крупные, горячие слезы.

– Со мной все будет нормально, если вы оставите меня в покое, – прошипела она сквозь зубы.

Девушка быстро зашагала прочь. Умин и Рейдок растерянно глядели ей вслед. Конечно же, они не улетели. В своей птичьей форме мальчишки спрятались в лесу. Даже если Велисия их знать не желала, они не могли просто так оставить ее. Этот ее жених совсем не вызывал доверия. К сожалению,

нию, их план по обеспечению безопасности фазанки провалился. Учитель давно заметил стороннее присутствие в Обители. Тем утром он проснулся со стойким ощущением, что присутствующая энергия теперь сделалась меньше, но все еще была где-то неподалеку. Монах решил принять предупредительные меры. Учитель раскурил семь священных трав, благо они как раз уже достаточно пролежали под водяным прессом. Используя курительницу, монах установил защитный барьер вокруг Обители.

В тот же момент в лесу густой туман затянул все кругом. Обитель исчезла из поля зрения птице-мальчишек. Когда же молочная дымка рассеялась, они обнаружили себя в совершенно другом месте. Вокруг был незнакомый лес, монашеского убежища и даже самой скалы, на которой она стояла, не было и в помине. Но самым странным было то, что птицы уже не смогли обернуться в свою вторую форму.

Фазанка сидела, прислонившись спиной к деревянным воротам. Заря в то утро была особенно красивой. Невесомые перистые облака неспешно проплывали по небесной тверди, подсвеченные нежным оранжевым, розовым и голубым. Лицо брелины походило на маску из тонкой бумаги, промокшую под дождем, а потом высохшую, но теперь от этого ставшую шершавой и неровной. Из-за ворот возник тринадцатый принц. Правая сторона его лица была сильно обожжена, и теперь ожог сходил волдырями. Дракон молча опустился

рядом с Велисией.

Та же мелодия флейты, что брелина услышала в свою первую ночь в этом месте, зазвучала снова. Протяжно и тоскливо, контрастируя с беззаботным утренним щебетом птиц.

– Сколько с вами было солдат, Хару? – чуть слышно спросила брелина.

– Три с половиной тысячи, – ответил дракон бесцветным голосом.

– Сколько вернулось?

Брелина и принц не смотрели друг на друга, их взгляды были прикованы к расцветающей заре.

– Сто пятьдесят два.

Первые лучи солнца показались из-за горизонта, ослепляя молодых людей. Глаза резало от яркого света. Ни один из них не зажмурился. Они глядели на солнце, пока их глаза не начали слезиться от этого ослепляющего света.

Через какое-то время, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, птицы допели свои песни, а Учитель зачехлил свою флейту, Велисия сказала:

– Я должна как можно скорее вернуться в Северную Вершину, – она поглядела дракону в глаза. Его лицо, как и ее собственное, ничего не выражало.

– Давай сначала поженимся, – произнес он таким будничным тоном, будто предлагал покормить лошадь перед дальней дорогой.

Лицо брелины, до этого выглядевшее навсегда утратив-

шим способность выражать эмоции, стало немного удивленным.

– Ради твоей безопасности. Статус жены принца союзнического государства выше, чем сестры правителя, только что занявшего трон, – пояснил Хару. В какой-то степени Велисия не ожидала подобного объяснения. Их брак всегда был чем-то само собой разумеющимся, новых причин для него она бы искать не стала. Удивилась девушка лишь неподходящему для свадьбы времени.

– Хорошо, – согласилась брелина с уверенностью, поразившей их обоих. Хару раньше замечал, какой кроткой фазанка становилась всякий раз, когда кто-нибудь упоминал их скорую свадьбу. Он никогда не мог понять, было ли это лишь смущением, или же мысль об их браке ей претила. Теперь вся неловкость ушла. Брелина взяла дракона за руку и долго смотрела на их переплетенные пальцы. Для тринадцатого принца в тот момент она, с ее бледным лицом и спутанными волосами, заплаканная и измученная была красивее, чем когда-либо. И это разбило ему сердце, которого, как он считал, у него не было.

То был третий день после гибели Его Величества, и брелина испросила у монахов разрешение провести в Обители трапезу, чтобы почтить его память, раз уж в свете предстоящей женитьбы не было никаких шансов успеть проводить отца на родине. Монахи дали ей на это свое согласие.

Тринадцатый принц отправил нескольких мальчиков-учеников в город за необходимым. Иртан и принцы помогли брелине соорудить большой поминальный костер за пределами Обители, почти у самого обрыва, там, откуда лучше всего по утрам было видно восходящее солнце. Поминальную пищу фазанка приготовила сама, никому не позволив помочь. Ближе к вечеру молодые люди разделили трапезу: сладкую кашу, круглые небольшие блины и густой студенистый напиток из ягод. Монахи от угощения не отказались, по их словам, в чтении усопших нет места для приверженности к вероисповеданию. Они также дали разрешение ученикам принять участие в поминальном обряде. Когда солнце зашло, брелина зажгла большой костер. В него все присутствующие бросили по веточке огнивой ягоды – подношение Прародителям. После подношения у костра могли остаться лишь люди лично знакомые с умершим. Так, там остались трое – дракон, волк и фазанка. Молодые люди присели возле костра, лицом к звездному горизонту. Брелина завела песню на древнем языке северовершинцев.

Провожальную песнь, о том, как душа усопшего скитается в поисках пристанища, а духи Прародителей указывают ей путь:

Идет дорогою дальнею
Да идет путник домой.
Через горы и леса идет,
Через реки, топи и сто болот.

На пути ему повстречался сокол,
Ох, сокол, глядит зорким глазом.
Говорит ему путник: «Где мой дом?»,
Не ответил сокол, взмахнул крылом.
Вслед за птицею продолжает путь,
Вслед за зоркооким вперед идет.
Там за горами, за долинами,
За зеркалами окон небесных
Он отыщет свой дом с месяцем на двери.

Брелина пела сначала громко, потом все тише и тише, пока ее голос не начал то и дело срываться, но она не прекращала пение, пытаясь справиться со спазмами в горле. Провожальную песнь нужно петь всю ночь, до первых лучей солнца. Неожиданно простую мелодию на половине куплета подхватил волк. Брелина затихла на несколько минут, глядя на волка, что пел печальную песнь что есть мочи, со всей душой. Это придало ей сил. Она взяла по одну свою сторону за руку волка, по другую дракона и продолжила петь. Она слаба, но пока с ней эти двое, она справится. Она поможет своему отцу отыскать дорогу домой, где его уже ждут ее мама, бабушка и все Прародители. Вскоре голос дракона присоединился к пению, и так они пропели до утра. На рассвете волк и тринадцатый принц бросили последние лучинки в догорающий костер. Брелина, попытавшись встать, повалилась на землю на подкосившихся ногах. Дракон поднял ее на руки и отнес в покои уже спящей.

В тот же день, в третьем часу после полудня будущие муж и жена, четвертый принц, волк и два десятка охранников попрощались с Обителью и отправились в Драконью Пасть. За гостеприимство принцы отплатили монахам, обеспечив их крупой, рисом и дровами на следующие несколько месяцев – других выражений благодарности Обитель не принимала.

Учитель наблюдал за тем, как фигуры гостей тонут в глубине оврага, сидя на крыше. Перед ним снова стояла курительница, из которой тонкой струйкой поднимался наверх красноватый дым. Глаза Учителя были закрыты, ладони прижаты друг к другу под подбородком. Он шептал что-то, едва заметно шевеля губами.

В столицу молодые люди прибыли глубокой ночью. По распоряжению Хару в срочном порядке началась подготовка к брачной церемонии. Мать дракона, как выяснилось, тоже прибыла из своей резиденции в верхний дворец Его Величества. Известия о готовящейся свадьбе сына привели женщину в ярость. В криво застегнутом наспех платье, простоволосая, та ворвалась в покои императора. Мужчина сидел за низким письменным столиком и внимательно читал какие-то документы. Он не оторвал глаз от чтения и лишь махнул пару раз к себе ладонью, опущенной вниз, подзывая женщину. Та подошла ближе и застыла посреди комнаты, испепеляя супруга гневным взглядом.

– Что такого важного ты собралась мне сказать, что я

должен прервать чтение протокола заседания Трех Держав? Знаешь, насколько ценные это документы? – император поднял со стола стопку бумаг. – Я ждал этот протокол три недели, пытаясь его заполучить, погибло пять человек. Прости, тебе, разумеется, все равно. Я тебя слушаю, – холодно произнес мужчина, мельком окинув взглядом неприбранный вид жены.

– Вы меня настолько презираете? – сказала женщина и выдержала паузу, заставившую императора вновь посмотреть на нее, он приподнял одну бровь. – Я столько раз просила, даже умоляла Вас найти для Хару достойную партию, но Вы не вняли моим мольбам! Он умнее и сильнее своих старших братьев, а Вы заставляете его брать в жены какую-то девчонку без связей, даже без какого-то приличного воспитания! Дикарку, получившую образование с солдатами – каков позор! Наш сын намеревается жениться на ней на рассвете, что Вы собираетесь с этим делать?

Император вздохнул.

– Я собираюсь скрепить их союз своей императорской волей, – устало проговорил он.

– Я, как императрица, требую к себе и своим детям достойного отношения! – женщина почти перешла на крик.

– Ты! – мужчина ткнул в ее сторону пальцем, – не смей себя так называть, – теперь император по-настоящему разозлился. – Императрица сейчас спит в своих покоях, а ты, воспользовавшись ее слабостью, самовольно заняла ее ме-

сто. Если только удастся доказать, что это ты виновна в ее болезни, я тебя и твоих детей самолично уничтожу, это понятно?! – мужчина со всей дури хлопнул кулаком по столу,

– Это Ваши дети! – голос женщины сорвался. – Ваше Величество, вы когда-то говорили, что любите меня, и я по наивности Вам верила! Как можете Вы теперь так меня унижать?

– Я любил добросердечную, искреннюю, невинную девушку, которой ты была когда-то, а ту, в кого ты превратилась сейчас, я презираю. Хватаешь то, что тебе не принадлежит, травишь всех, кто встает на пути, и сына этому выучила!

– Не втягивайте в это Риеку! Если хотите обвинять, вините меня одну!

– С такими выходками нужно сидеть тише воды, ниже травы, если хочешь сохранить голову! Хару женится на этой девочке и точка! Он женится и уедет наместником в Байту.

– Нет! – всхлипнула вторая жена, в ужасе прикрыв рот рукой.

– Должен же я хоть одного сына избавить от твоего пагубного влияния, может, из него выйдет достойный человек... Проводите вторую жену в ее покои!

Тринадцатый принц, брелина и четвертый принц разделили трапезу, что была поздним ужином или ранним завтраком, сидя в скромном по размерам зале, предназначенном

для полуофициальных встреч с одной или несколькими пер-сонами. Зал обыкновенно использовался для приемов с важ-ными неполитическими персонами из других стран или об-суждения династических браков. Было что-то символичное в том, что в свой первый визит в Империю фазанка пила чай в обществе императора и крон-принца именно здесь.

– Драгоценный мой брат, каковы твои ощущения? Готов стать обузданным и остепенившимся семьянином? – с при-вычной ухмылкой спросил Риеку, откусывая от круглого ри-сового десерта.

– Более чем, – сухо ответил Хару, даже не повернув голо-ву к брату. Молодой дракон смотрел на стоявшую перед ним изысканную чашку из голубого фарфора невидящим взгля-дом. Казалось, мысленно принц находился где-то далеко.

– Такая прелестница, а достанется чурбану. Какое расто-чительство! – мужчина посмотрел на Велисию с плотоядным прищуром. – Будь моя воля, сейчас же отправил бы жену в монастырь и сам пошел под венец вместо брата. Вы бы не сильно расстроились, правда, о дивная Велисия?

Брелина вздрогнула от звука своего имени. Она, очевид-но, тоже была занята собственными мыслями и не услышала вопроса. Не дождавшись ответа, принц продолжил:

– Могу я хотя бы рассчитывать на благодарность за то, что спас вас от рук моей матушки? – спросил он, перегибаясь через стол почти вплотную к брелине. – К слову, я немного разочарован, что вы не воспользовались той блестящей воз-

возможностью, что я предоставил вам по дороге в Обитель, и не сбежали с волком...

– Довольно, – прервал его Хару. – Вели, слуги проводят тебя в купальни для предсвадебного омовения, а после обратно в верхний дворец. Я буду ждать тебя там, – с непоколебимым спокойствием произнес тринадцатый принц, вставая и приподнимая девушку за локоть, при этом не разрывая зрительного контакта с четвертым принцем. Фазанка помедлила несколько секунд, переводя взгляд с одного брата на другого, раздумывая, было ли безопасно оставлять их наедине. Потом все же развернулась и стремительно покинула зал.

– Брат, что произошло? – обратился Хару к четвертому принцу.

– Ох, братишка, ничего невероятного, ничего из ряда вон, ничего нового – всего лишь те же выходки нашей дражайшей матушки. Ты знаешь, как противилась она этому браку, так вот, она попросила меня сорвать цветок невинности твоей юной избранницы, – произнес Риеку, вальяжно откинувшись на спинку кресла.

– И что же? Ты намеревался сделать это? – голос Хару стал лишь на несколько градусов холоднее.

– Что дает тебе уверенность в том, что я этого не сделал? – четвертый принц поиграл бровями.

Губы тринадцатого принца сжались в тонкую линию.

– Тронь ты ее хоть пальцем, твоими останками сейчас кормились бы стервятники у подножия Святой Обители, – про-

цедил он.

– Не огорчайся так, брат! Я ж не со зла сказал, забавы ради! Поскольку я не преуспел в делах соблазна, матушка настроилась прибегнуть к более радикальным мерам. Из двух удовольствий я выбрал менее опасное и принял решение расстроить планы матушки, а не твои. Впрочем, как знать, насколько менее опасен этот путь, может, в следующий раз ее смертоносная рука дрогнет над моим бокалом, – сказал четвертый принц и отпил вина.

– Она действительно отравила императрицу?

Четвертый принц лишь рассмеялся, сперва чуть слышно, потом все громче, опрокинув голову назад и схватившись за живот руками. Молодой дракон молча встал из-за стола. Уходя, он все еще слышал безумный смех брата, эхом отражающийся от каменных стен.

Брелина вошла в освещенные мерцающим светом факелов купальни в сопровождении своры служанок. Она воспринимала происходящее лишь небольшой частью своего сознания, потеряв ощущение реальности. Фазанка не знала, что с ней делала прислуга, чем они ее терли и что там ей выщипывали – ей было все равно. По дороге в Драконью Пасть фазанка нервничала, не могла усидеть на месте, несмотря на усталость. Однако ж теперь девушка будто оцепенела. Ее разум отправился в далекий закоулок, где-то на грани сна и яви. Только в этом пограничном состоянии она могла сохра-

нять какое-то подобие покоя, с тех пор как сны перестали быть для нее средством ухода от суровых реалий, коим были раньше. С того дня, как брелина узнала о гибели отца, она не могла спать. Даже во сне продолжала осознавать весь ужас происходящего, но не могла ничем отвлечь себя. Сны стали для нее ловушкой. Проснуться с криком, в холодном поту было наилучшим исходом, ибо в противном случае она оставалась наедине со своим горем на долгие часы, что тянулись бесконечно.

Именно из-за своего странного состояния брелина не сразу поняла, что произошло. Многочисленные руки служанок вдруг больше к ней не прикасались, шум воды, бурлящей у нее под ухом, теперь слышался издалека. Фазанка все еще была в простыне, в которую ее завернули, но та почему-то оказалась сухой, а сама девушка больше не сидела в воде по пояс, а стояла на ногах.

– Пришла в себя, наконец, я уж, было, испугалась! Что с тобой, девочка? – спросил знакомый низкий женский голос.

Сквозь густую пелену пара брелина увидела очертания зеленоволосой головы – Мадам Берилия.

– Я услышала, что сегодня во дворце свадьба, но не ожидала, что невестой окажешься ты. Так вот, что это значило... – пробормотала женщина как будто про себя. – Я благословляю на брак всякую юную деву, что готовят в этих купальнях к первой брачной ночи. Одна из твоих служанок оставила для меня корзину с подношениями – вот я и пришла, –

шаманка указала рукой на корзину с фруктами и цветами. – Однако ж, прежде чем начать, я должна спросить кое-что. Замужество тебе в радость?

Брелина растерянно поглядела на зеленоволосую женщину и пожала плечами, искренне недоумевая по поводу своих чувств. Случись такое неделю назад, вероятно, фазанка сейчас бы горько плакала или наспех, неумело придумывала план побега или попыталась бы разыскать волка и спросить у него, что ей делать со своей жизнью...

– Иртан, – прошептала девушка, будто только сейчас вспоминая причину, по которой замужество могло не быть ей в радость.

– Ах ты, горюшко мое, бедное сердечко, – нараспев сказала Мадам Берилия, взяв руки брелины в свои. – Подумай об этом Иртане сейчас.

– Что? – непонимающе переспросила Велисия.

– Подумай об Иртане, представь его образ в своей голове, как он выглядит, очень-очень четко, – терпеливо объяснила женщина.

Велисия закрыла глаза и мысленно вызвала образ волка. Сначала отчего-то девушке вспомнился Иртан таким, каким она встретила его на их первом совместном уроке – маленьким, шупленьким мальчиком, похожим на затравленного волчонка. Затем девушка представила волка таким, каким он был сейчас. Его высокую фигуру, широкие плечи, темные волосы, глаза, которые не выдают секретов.

– Он здесь, – шепнула Берилия. Брелина удивленно распахнула глаза, шаманка отступила в сторону. За ее спиной, в клубах пара, как в непроглядном утреннем тумане, стоял Иртан и оглядывался вокруг с видом человека, только что проснувшегося и не знающего, кто он и где. Женщина ободряюще улыбнулась фазанке и подтолкнула ее вперед. Вода на мокром каменном полу звонко захлюпала под ее босыми ногами. Волк услышал этот звук и обернулся, настороженно вглядываясь в полумрак пещеры. Черты его лица расслабились, стоило ему признать в тонкой белой фигурке, надвигающейся на него, брелину.

– Ваше Высочество? – позвал он.

– Да, это я, Иртан. Как ты здесь очутился? – спросила фазанка, подойдя вплотную к волку, чтобы пелена пара не мешала ей видеть его.

– Я не знаю... – протянул волк, вновь оглядываясь. Когда его взор снова упал на стоящую перед ним девушку, он заметил ее наготу, прикрытую тонкой простыней. Брелина увидела его изучающий взгляд и ее щеки залил стыдливый румянец.

– Вы в порядке? – Иртан чуть подался вперед, будто хотел помочь девушке или мгновенно закрыть собой от опасности. Брелина отшатнулась, тщетно пытаясь прикрыться руками. Повисла неловкая тишина. Где-то близко упали с потолка несколько горячих капелек воды. Поколебавшись с минуту, фазанка решительно, отчаянно, отбросив страхи, шаг-

нула вперед и положила руки на предплечья волка.

– Иртан, пожалуйста, ответь честно... Если б я призналась, что давно люблю тебя, что бы ты сделал? –спросила брелина со всей горячностью, на какую была способна.

Лицо волка приобрело какое-то вымученное выражение. Он отвернулся чуть в сторону, избегая взгляда девушки. Потом будто весь подсобрался, взгляд его стал колким, он заглянул брелине в глаза.

– Я люблю Вас и всегда любил. И желаю, чтобы у Вас было все счастье, какое только можно найти в этом мире. Я поклялся перед Вашим батюшкой вечно защищать Вас, это я и буду делать, – произнес он.

– Если скажу сбежать со мной?

– Я не смогу этого сделать, – не раздумывая ответил волк.

– Почему? – потребовала брелина.

Парень промолчал. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

– То есть ты просто позволишь мне выйти замуж за другого? – горькая обида звенела в голосе фазанки.

– Я не могу стать Вам мужем, не смогу подарить семью и детей. Мой долг лишь защищать Вас, и я умру прежде, чем нарушу клятву, данную Его Величеству, – в глазах волка умеренно теплился огонь непоколебимой веры в свою правоту.

Руки брелины опустились и повисли по бокам как плети. Фраза о клятве перед отцом подкосила ее. Ведь когда-то дав-

но и она поклялась перед родителем. Она дала клятву выйти замуж за Хару. В тот самый год, одиннадцатый в жизни девушки, когда молодой дракон и наследница огненного фазана впервые встретились, они дали перед брелоном обет. Стоять вот так перед волком стало невыносимо, казалось, девушка сейчас задохнется от стыда и чувства вины.

Велисия резко развернулась, мокрые кончики ее волос хлестнули волка, фигура которого растворилась в пелене пара. Из-за угла выглядывали две головы – шаманка и ее помощница. Мадам Берилия неодобрительно покачала головой и сказала в пол голоса:

– Как нехорошо. Ее ждет очень трудный путь... Наберись терпения, девочка, вкус меда особенно сладок для того, кто отведал горькой тыквы.

Глава 13

Льву было около семи лет. У него была густая, темная, почти черная грива, шкура цвета коры рябинового дерева и большие зеленые глаза. Он был рожден в одну из более суровых зим в предгорьях Южного Пика. Единственный из трех котят, кто пережил холодную пору и в целости дорос до весны. Когда ему было два года, он провалился в узкую расщелину и чуть не погиб. Когда ему было три, он потерял большую часть своего хвоста, угодив в охотничий капкан. Тогда же его отец и брат изгнали его из стаи. С тех пор Лев кочевал в одиночестве.

* * *

К пяти утра брелина прибыла к главному входу в верхний дворец в свадебном облачении, которое всю ночь подшивали под ее фигуру дворцовые портные. На ней было длинное платье из алого шелка, подхваченное под грудью широким поясом. Одежда подчеркивала округлые, женственные формы девушки. Длинный шлейф одеяния скользил по земле, широкие рукава лишь самую малость не доходили до пола. Струющаяся ткань была расшита позолоченными нитями. Волосы фазанки собрали в высокую прическу, в которую вплели множество украшений, так что цвет прядей был менее заметен. Со шпилек свисали тончайшие золотые цепочки, которые колыхались при каждом шаге девушки. Над ли-

цом Велисии потрудились лучшие в стране мастерицы кисти и красок – следы бессонных ночей и изматывающих душевных терзаний были умело скрыты. Брелина была трогательно юна, нежна и абсолютно прекрасна.

К длинным широким ступеням, ведущим во дворец, фазанка подошла в сопровождении двух служанок, несущих подол ее платья, а также одной неожиданной гостьи. Брелина чуть не расплакалась, когда увидела, кто ждал ее у выхода из купален. Это была тетушка тринадцатого принца, Госпожа Шу. Она прибыла в столицу вместе с сестрой. Женщина пришла, чтобы поддержать Велисию. По драноковским обычаям родители невесты не присутствуют на церемонии. После официального визита жениха или его представителя в дом невесты объявляется о помолвке. Перед свадьбой семья жениха отправляет в дом невесты подарки, однако сами члены двух кланов чаще всего остаются друг с другом незнакомы. Часто случалось, что и сами будущие супруги видят друг друга впервые только в день свадьбы. На свадебную церемонию невеста приезжает одна, ведь в этот день все связи между ней и ее прежней семьей обрываются, она становится членом нового клана. Впрочем, сопровождение девушки ее наперсницей или няней не возбраняется. Дара была единственным человеком, подходящим на эту роль, но она, вероятно, сама в ближайший день наденет червлёный наряд. Фазанка была по-настоящему растрогана приходом Шу, тем, что эта женщина, с которой они даже не были близки, оза-

ботилась ее душевным спокойствием. В качестве свадебного подарка Госпожа Шу преподнесла Велисии букет багряных водяных лилий.

– На удачу, – сказала она, вручая брелине прохладные бутоны, все еще покрытые капельками воды.

У ворот в сопровождении свиты фазанку уже ждал Хару. Его наряд вторил ее платью, алый и расшитый золотом, на груди расцвел круглый фамильный герб. Его сиреневые волосы казались почти белыми в холодном утреннем свете, они были затянуты в тугий жгут и скреплены золотой шпилькой на затылке. Дракон был серьезен, даже напряжен. Каждый мускул натянут как канат, челюсти плотно сомкнуты, под нежной, тонкой кожей выпирают желваки. Тринадцатый принц изменился в лице, когда увидел приближающуюся фигурку своей будущей супруги. Окружавшие его слуги и молодые ученые восхищенно ахнули. Пока брелина осторожно, скованная в движениях неудобством наряда, поднималась по ступеням, выражение лица тринадцатого принца становилось все более пасмурным. Когда брелина и Госпожа Шу поравнялись с принцем, тот лишь коротко склонил голову в приветствии.

Рука об руку дракон и фазанка вошли в тронный зал и преклонили колени перед Его Императорским Величеством. Император окинул жениха с невестой долгим взглядом из-под тяжелых, нависших над глазами век. Слуги водрузили перед молодыми людьми несколько сундуков с монетами и

драгоценностями, а также огромные корзины с гранатами, тыквами, ветками арахисового дерева и другими символами плодovitости и многочисленных сыновей.

– Этими дарами благословляю ваш брак, – громогласно сказал император, точно выругался, и на этом официальная часть церемонии была завершена.

Одобренный Его Величеством, брак тут же считался законным. Из тронного зала Велисия и Хару вышли уже мужем и женой. Однако, обычаи требовали и проведения обряда верховным монахом. Свадебная процессия сопровождала молодых людей в небольшой храм, расположенный на территории дворца, где проводились все обряды и церемонии, сопровождающие жизнь членов императорской семьи. Обряды на удачу, здоровье для новорожденных младенцев, успешную работу новой реформы, благоприятное завершение военных походов и тому подобное.

Храм выглядел довольно скромно – небольшая по размерам комната с низкими потолками, узкими окнами и священным алтарем посередине. Тринадцатый принц и брелина опустились на колени. Верховный монах связал их запястья вместе красным льняным шнурком. После окончания обряда шнурок снимали с рук пары, не развязывая, и вешали в храме, где тот оставался навсегда. Считалось, что исчезновение красной нити без ясной на то причины являлось предупреждением о том, что супругов ждет какое-то несчастье.

Верховный монах начал петь священную песню, которая

благословляла присутствующих на долгую жизнь в процветании и счастье. Это не была песня о брачующихся. Если перевести ее текст с древнего языка, то она в какой-то степени была поучающим наставлением молодым людям, еще только начинающим свой самостоятельный путь. В песне было девять коротких куплетов и два припева, что то и дело повторялись. Слушая эту песню, молодые люди давали сами себе обещание следовать ее поучениям, а также клялись друг другу, что разделят поровну радости и невзгоды, выбранного ими пути.

Монах пел, а его ученики били в барабаны. Обряд продолжался около получаса. Жениху с невестой не положено было петь, да они и не смогли бы, ибо не знали слов. По верованиям драконов, понимать слова песни – не главное. Песня проникает прямо в сердце и разум слушателей, даруя им интуитивное знание и помогая найти свою дорогу в жизни.

После окончания всех церемоний новоявленные муж и жена сели в украшенный цветами персика паланкин, в котором их провезли через весь внутренний круг столицы. Тихие Состязания завершились днем ранее, и город еще был полон приезжих гостей. Люди кричали им вслед какие-то пожелания, осыпали паланкин рисом. Таким образом молодую пару доставили в сад Священной Императорской Академии, где традиционно проходили публичные празднования. Там супругам надлежало пробыть до позднего вечера. В саду был накрыт длинный праздничный стол. В течение дня туда при-

ходили представители знатных родов, богатые купцы и заискивающие чиновники, словом, все, кто надеялся снискать расположение императорской семьи. Гости, обладающие более привилегированным статусом, поздравляли молодежь лично, иные просто оставляли в саду свои подарки.

Пришли и четверо старших братьев Хару: двое женатых, умудренных опытом нескольких лет семейной жизни, мужчин и двое парней, еще не обзаведшихся шпилькой. Один из женатых братьев отметил, что с такой прекрасной женой, как Велисия, ее одной должно хватить Хару с лихвой до конца его дней. Другой с ним не согласился и парировал тем, что «даже вкусом самого изысканного вина можно пресытиться, если наслаждаться им каждый день». Холостые братья ржали как кони – эта тема явно будила в них неподдельный интерес. Тринадцатый принц терпел поддразнивания старших родственников с вежливой улыбкой и ободряюще сжимал руку фазанки, когда та выглядела особенно смущенной.

Только братья отбыли и, казалось, настал час покоя, как в саду появился четвертый принц со спутницей, и ею была не его жена, с которой, согласно этикету, он должен был посещать подобные мероприятия. Мужчину сопровождала одна из его наложниц. На вид лет ей было не больше, чем Велисии. Фигурой девушка обладала еще более пышной, чем брелина. Юное, смазливое личико было щедро нарумянено, губы подведены алым. Наряд наложницы открывал чуть больше, чем должен был обнажать наряд приличной женщи-

ны. Многочисленные гости провожали пару неоднозначными взглядами. От неодобрения со стороны почтенных дам до вежливого или не очень интереса мужской половины присутствующих. Четвертый принц источал самодовольство на милях вокруг себя. Послав фазанке испытующий взгляд, он взял брата под руку и увел в сторону. Его спутница тем временем двинулась к брелине. Девушки друг другу поклонились, после чего девица предложила Велисии прогуляться. Ее звали Айяме, как называли здесь цветок ириса, но имя, скорее всего, было выдуманным.

– Издалека вы к нам пожаловали, Ваше Высокоблагородие, – девушка отчего-то обратилась к брелине как к рядовому чиновнику не самого высокого ранга. – Вы, возможно, не знаете, но ваша экзотичная красота вызывает много завистливых кривотолков в столичном обществе, – небрежно сказала Айяме.

– Неужели? – брелина не знала, что на такое можно ответить.

Айяме приторно рассмеялась, по-свойски тронув фазанку за плечо.

– Признаюсь, даже я немного вам завидовала. Его Высочество был сам не свой со дня вашего приезда сюда. Но теперь, увидев вас вживую, я не могу его ни в чем упрекнуть, – сказала девушка, хитро улыбаясь.

– Благодарю, но вы и сами очень хороши собой, – немного скованно проговорила брелина, чувствуя неловкость из-

за нагловатого тона Айяме.

– Что есть, того не отнять, – проворковала девица, приосанившись, а потом заговорщически прошептала: – Видели, как эти старые клячи на меня смотрели, из себя чуть все не повыходили от злости. Вот умора! – Айяме разразилась неприлично громким смехом. – Хотя их тоже можно понять, большинство из них замужем за немощными, дряхлыми стариками, чей могучий змей давно перестал наведываться в их пещерку. Не жизнь, а тоска! – махнула рукой девушка, но вдруг заметив смущение брелины, остановилась и внимательно посмотрела на нее, широко раскрыв глаза.

– Неужели вы, Ваша Светлость, неопытны в науках наслаждения? – театрально всплеснула руками девушка, в этот раз даруя Велисии более престижное звание. – Я думала, в таких в странах, как Северная Вершина, с этим все куда как проще, – разочаровано протянула Айяме. Фазанка залилась краской. – Ох, извините, но ведь сейчас это такая редкость. Хорошая половина наших с вами ровесниц ложатся на брачное ложе, предусмотрительно воспользовавшись некоторыми примочками или того хуже – припрятав кинжал под матрасом, чтобы полоснуть им, где надо, в ответственный момент. Одна моя знакомая так перестаралась, что чуть не истекла кровью до смерти, повезло, что муж у нее простак! Тот даже не догадался, в чем дело, думал, его обожаемая заболела, всячески баловал и обихаживал, – продолжала она, а у брелины тем временем глаза уже чуть не лезли на лоб. Де-

вица меж тем восприняла бурную реакцию фазанки как персональный вызов и вознамерилась пресечь ее невежество на корню. Девушка огляделась по сторонам и поманила Велисию к себе.

– Как знала, что она пригодится, – приглушенным голосом сказала Айяме, выживая откуда-то из складок платья небольшую медную монетку. – Берите!

Велисия взяла в руки монету и внимательно ее осмотрела. Это была обычная медная деньга небольшого достоинства.

– Переверните! – возбужденно прошипела девица.

Брелина перевернула монетку. На обратной стороне был какой-то узор. Девушка поднесла деньгу ближе к глазам, чтоб получше рассмотреть. На блестящей рыжеватой поверхности были изображены человеческие фигуры. Если быть точнее, это были фигуры мужчин и женщин. Еще точнее, фигуры мужчин и женщин, занимающихся любовью в разных позах. Всего на некрупной монете было изображено четыре вариации сего действия.

– Ах, вот вы где, прелестницы! Погляди, как спелась, – нарочито громко обратился к девушкам четвертый принц. Фазанка в панике пыталась придумать, как незаметно избавиться от непрошенного подарка. Айяме склонилась к девушке, закрыв ее собой от взора принцев, взяла из ее рук монетку и молниеносно заткнула ее за пояс платья брелины. Девица тут же развернулась и изящной походкой направилась к своему господину. – Что такое, Айяме, развращаешь мою ново-

испеченную родственницу?

– Как можно, Ваше Высочество! – отозвалась девица с притворным возмущением. – Мы всего лишь обсуждали силу влияния изобразительного искусства на нашу жизнь.

Айяме подмигнула фазанке. Четвертый принц поглядел на свою спутницу с недоверием, после чего одарил Велисию игривым прищуром своих похотливых глаз. Лицо бедной брелины было уже почти такого же цвета как ее свадебный наряд. Хару подошел к своей юной супруге и легонько прикоснулся к ее щеке.

– Не обращай на него внимания, – сказал он так тихо, что только фазанка могла услышать. – Он любит смущать красивых юных дев, особенно тех, которых он не достоин.

Так ласково Хару не говорил с ней еще никогда в жизни. Фазанка благодарно прильнула к его плечу, инстинктивно пытаясь спрятаться за широкой спиной дракона от любопытных глаз. Четвертый принц и Айяме наконец скрылись из виду, но до молодоженов еще какое-то время доносился вызывающе громкий и жизнерадостный смех наложницы.

– Потерпи еще немного, скоро все закончится, – сказал Хару, невесомо целуя девушку в лоб. Велисия взглянула на мужа в изумлении. Румянец все еще пылал на ее щеках. В мгновение ока лицо и шея молодого дракона стали розоветь. Брелина удивилась этому, раньше она видела у него такую реакцию только, когда его что-то сильно смешило.

Девушка вспомнила, когда впервые увидела Хару таким.

Это было в его первый визит в Северную Вершину. Дракон уже в то время был не по годам серьезен, начитан и обладал изысканными манерами. Несмотря на их тогда очень заметную разницу в возрасте, Хару не относился к девочке как к надоедливой малявке, как это делали ее брат и многие другие старшие мальчики. Дракон обращался с Велисией как рыцарь с дамой. Единственное, что огорчало девочку, была сдержанность, с которой Хару делал абсолютно все – казалось, в нем совсем не было мальчишеского задора, он словно бы не умел веселиться. Мальчик даже смеялся как-то отполированно, искусственно. Велисия всегда была очень открытым и непосредственным ребенком, но в общении с новым другом ей приходилось всегда ограничивать себя, она боялась сделать или сказать что-то не то, показаться глупой или невоспитанной.

В присутствии своего кавалера фазанка ходила по струнке, очень прямо держала спину, а во время смеха жеманно прикрывала рот ладошкой. Каким же был ее гнев, когда одним прекрасным днем Анджин и двое его младших братьев потревожили парочку во время послеобеденной прогулки. Койот постоянно задирал и передразнивал сестру, высмеивая ее попытки вести себя как принцесса. Проказник подговорил братьев установить для брелины ловушку, наполненную лошадиным навозом. Мальчишки замаскировали ловушку травой, а сами уселись в кустах, ожидая разрешения своей шалости. К их великому неудовольствию в зло-

вонную яму угодила тринадцатый принц. Всполошенная произошедшим брелина помогла дракону выбраться из кучи и долго перед ним извинялась. Младшие мальчишки убежали, только начался переполох, но у бесстрашного койота напроць отсутствовал инстинкт самосохранения, и тот продолжал сидеть в своем укрытии, умирая со смеху.

Фазанка услышала его голос, и мальчик оказался пойман с поличным. Тут уж разъяренная брелина вконец потеряла самообладание и с криками принялась гонять койота по всей округе. В пылу погони дети забрались на бортик большого декоративного пруда. Так как дело было осенью, прудик представлял из себя засыпанную листвой лужу. В эту лужу койот и повалился, потеряв равновесие, но успел схватить брелину за рукав платья и утянуть за собой. Велисия была мокрой с ног до головы, листья налипли ей на волосы – ужасно неподобающий вид для аристократичной особы. Стоя по колено в воде, фазанка осознала, что конфуз произошел на глазах у принца! Девочка в отчаянье поглядела на койота, на ее маленьком личике застыло выражение неподдельного ужаса. Однако, тут у себя за спиной она услышала чей-то сдавленный смех. Брелина обернулась и узрела чудо.

Тринадцатый принц, согнувшись в три погибели, трясся и задыхался от смеха. Его лицо, шея и руки покраснели. Даже кожа у корней волос была красной. Дракон до того хохотал, что у него из глаз потекли слезы. С того дня Велисия бросила игру в порядочную аристократку и посвятила все свое вре-

мя попыткам вновь лицезреть это чудо. Она постоянно несла околесицу и шагу не могла ступить, как нормальный человек. Ее старания принесли плоды, и вскоре она научилась вызывать искренний смех принца по нескольку раз в день! Это не был тот безудержный хохот, что она видела в первый раз, но тонкая, белая кожа принца всегда отвечала на смех горячей волной.

Фазанке настолько запала в душу эта особенность Хару, что позже она даже как-то раз упомянула ее в разговоре с Дарой. Принцесса поведала брелине, что в детстве принц всегда так смеялся, а также подобным образом реагировал, когда его что-то сильно волновало или расстраивало. Став старше, дракон начал очень огорчаться из-за этого, будучи удрученным тем, что по его лицу всем сразу становилось ясно, что происходит у него в голове. Тогда он даже уехал на год в Обитель и тренировался там контролировать реакцию своего тела. С тех пор он давал себе слабину только в окружении самых близких людей.

Последние гости ушли ближе к ночи. Брелину и дракона отвезли в небольшой одноэтажный дом во внешнем круге Драконьей Пасти, что был дарован Хару при рождении, где они могли расположиться, пока готовилась их постоянная резиденция. У служанок ушло целых полчаса на то, чтобы разоблачить Велисию, разобрать прическу и смыть краску с лица. Девушку переодели в полупрозрачную длинную белую рубаху, волосы оставили свободно струиться по спине.

На пути к их новому обиталищу брелина чувствовала себя такой уставшей, что даже задремала, но теперь она неловко сидела на самом краешке огромной кровати, чувствуя, как кровь бурлит от волнения. Не зная, чем себя занять, фазанка взяла в руки чашу с подаренными ей утром лилиями. Среди цветов она с удивлением обнаружила крошечный кусочек бумаги, сложенный в несколько раз. Велисия развернула его и поднесла к свече.

«Не верь мужчине, который обещает всегда тебя защищать. Особенно тому, что имеет власть» – говорилось в послании. Брелина несколько раз прочитала слова, написанные элегантным почерком. То были, несомненно, слова женщины, чье сердце когда-то разбили. Велисия совсем немного знала о судьбе Госпожи Шу. Говорили, что когда-то она была замужем за очень влиятельным человеком в своей родной стране, но из-за каких-то обстоятельств была вынуждена бежать и впоследствии стала жить в доме своей сестры на правах старшей по хозяйству. Случилось это, когда дети второй жены были еще совсем маленькими.

В залитую теплым свечным светом спальню вошел Хару. Он как будто не заметил присутствия брелины. Молодой дракон вынул из волос шпильку и убрал пряди от лица, перехватив их кожаным шнурком на затылке, после чего стал неспешно и методично снимать с себя свадебное облачение. Велисия отвернулась, однако в одном из длинных зеркал, что украшали стены спальни, ненароком краем глаза увидела об-

наженную спину супруга. Сердце брелины стянуло в тугой узел – на широкой белоснежной спине багровели две широкие продольные полосы. Брелина повернулась к дракону лицом, но тот уже успел прикрыть торс рубашкой. Что могло оставить на его теле такие ужасные шрамы? Неужели... память фазанки воспроизвела в ее голове образ двух огромных крыльев.

Хару закончил свой вечерний туалет и собирался лечь, когда его внимание привлек блеск маленького круглого предмета на полу. Дракон поднял его и поднес к пламени свечи. Брелина ахнула, вспоминая, что злосчастная монетка укатилась, когда с нее снимали пояс. Велисия подскочила к мужу, в попытке остановить неизбежное, но тот уже тихонько посмеивался, явно успев оценить труд мастеров, отчеканивших сей порочный шедевр.

– Чего еще можно было ожидать от любимицы Риеку, – сказал Хару сквозь смех. Брелина застыла в шаге от дракона, готовая от смущения провалиться сквозь землю. Только тогда тринадцатый принц заметил возле себя супругу. Веселое настроение дракона стремительно исчезло, стоило ему заметить нервное напряжение, в котором находилась фазанка. Хару выкинул монету в дальний угол и приблизился к брелине. – Идем, – мягко позвал он, беря в свою ладонь ее маленькую ручку. Фазанка дрожала.

Дракон усадил девушку на просторное ложе, сам сел рядом и внимательно осмотрел жену с головы до ног. Девушка

даже взглянуть на него не смела, ее руки нервно сжимали тонкую ткань рубашки.

– Вели, – осторожно начал принц, – я не собираюсь делать с тобой ничего, чего ты не захочешь, понимаешь?

Велисия подняла голову и взглянула на мужа с недоверием.

– Я не буду тебя неволить, не стану принуждать к тому, что тебе неприятно. Быть может, для тебя это будет новостью, но ты очень дорога мне, и я уважаю твои чувства, – твердо сказал Хару, выражение его лица было таким, словно он испытывал боль.

– Хару, я... прости! Я правда хочу быть тебе хорошей женой, – пролепетала Велисия.

– Я люблю тебя, – произнес принц, – и знаю, что ты не испытываешь ко мне того же, – без упрека, как простую истину, озвучил дракон. – Возможно, я был слишком холоден с тобой...

– Нет, Хару, это не так, я люблю тебя! – возмутилась Велисия. Конечно, она любила его, он был одним из самых близких и дорогих для нее людей. Это в его чувствах она всегда сомневалась. Тринадцатый принц согласно кивнул.

– Я знаю, но... это не то, Вели, – фазанка впервые видела, чтобы Хару испытывал трудности с выражением своих мыслей. Лицо дракона вдруг преобразилось, глаза неистово пылали. – Я не хочу, чтоб ты любила меня так! – произнес он с чувством. – Я хочу, чтобы ты любила меня больше, чем лю-

бишь волка.

Велисия испуганно вздохнула. Дракон не остановился.

– Я хочу, чтобы ты полюбила меня так сильно, что это чувство сжигало бы тебя изнутри. Чтобы это чувство могло совершить невозможное, – голос дракона наполнился какой-то нечеловеческой болью, будто в его словах был скрытый смысл. Он сделал глубокий вдох и продолжил чуть спокойнее, – До тех пор я не трону тебя.

С этим дракон поднялся на ноги, но брелина вцепилась в края его рубашки обеими руками.

– Не уходи! – фазанка плакала. Хару изумленно замер. Велисия и сама не понимала своей реакции. Она чувствовала себя так, будто это он сейчас отверг ее чувства, а не наоборот. Мысли путались, она не знала, что с ней происходит. Только в одном девушка была уверена – она не хотела отпускать дракона. Тринадцатый принц почувствовал, как изменилось состояние брелины, насколько другой за секунду стала атмосфера между ними. Выражение ее глаз, приоткрытый рот, жар ее рук и часто вздымающаяся грудь. Язык ее тела совершенно изменился. Дракон мысленно запрещал себе даже думать в эту ночь о фазанке в таком ключе, боясь напугать ее, но имея прошлый опыт, он не мог не заметить знаков, что подавало ему ее юное тело.

Хару нежно стер с горячих щек девушки дорожки слез, она не отпрянула от него, не увернулась от его руки. Он сел рядом с ней, ближе, чем раньше, их бедра соприкоснулись.

Она все еще судорожно сжимала его одежды, ее взгляд бродил по его лицу. Дракон приподнял кончиками пальцев ее подбородок и прильнул ртом к ее пухлым губам. Девушка вздрогнула, неумело отвечая на ласку. Принц погладил брелину по плечам, спине, по ногам, прикрытым невесомой материей. Фазанка взволновано выдохнула. Дракон прикоснулся губами к ее шее. Тело брелины трепетало от каждого его движения. Принц мягко увлек жену на кровать.

Позже, когда свечи догорели и спальня погрузилась в уютный мрак, брелина впервые за прошедшие дни смогла уснуть крепким сном без видений.

Глава 14

Леег проснулся совершенно разбитым. Судя по косому свету, проникавшему сквозь толстые занавески окон, время шло к вечеру. Прошлая ночь была ужасной, одной из самых отвратительных в его жизни. По северовершинским обычаям на третий день после смерти брелона на главной площади проходили всеобщую поминальную службу. Дети усопшего, чиновники и знать делили трапезу с простыми подданными. В этот же раз все было еще более масштабно. Вместе со своим правителем Северная Вершина провожала погибших солдат. Когда дело дошло до провожальной песни, Леегу, как старшему сыну и преемнику брелона, пришлось всю ночь стоять на коленях перед костром. Текст песни, казалось, навсегда вьелся в его разум. Уже ничто и никогда не сможет оттуда его извлечь. Брелину прямо-таки не терпелось узнать, чем в это время занималась его гулящая сестра, эта маленькая потаскушка, которая посмела воспользоваться переполохом и сбежать.

Через час в малую гостиную его покоев постучали.

– Да, – отозвался молодой престолонаследник не без раздражения. Он был в процессе поглощения вечерней пищи.

– Извиняюсь за беспокойство, Ваше Высочество. Разрешите донести до Вашего внимания, что Верховный Жрец огласил подходящую дату для коронации, – учтиво поклонился.

нившись, сказал седой худощавый мужчина в мантии чиновника – старший советник Его Величества.

– Наконец-то, – хмыкнул Леег, жестом предлагая мужчине сесть. Брелин намазал гусиным паштетом большой ломь хлеба и откусил приличный кусок.

– По его словам, следующее благоприятное расположение звезды Пральва и созвездия Трех Львиц будет уже через четыре дня.

– Отлично! – пробубнил престолонаследник с набитым ртом.

– Я взял на себя инициативу осведомить Ее Высочество, – добавил советник.

– Ты имеешь в виду супругу тринадцатого принца Белой Империи? – нарочно переспросил Леег.

С тех пор как принц отбыл в Империю с намерением жениться на Велисии, брелин отказывался называть сестру как-либо еще. Конечно, для репутации их семейства было несказанным везением, что принц взял на себя всю ответственность за непотребное поведение брелины, обещал найти ее и не отрекся от помолвки. Однако, будущий монарх, по всей видимости, исключил девушку из списка членов своей семьи еще в день ее побега. Всякий раз, когда заходила речь об исчезновении фазанки, Леег просто пропускал все мимо ушей, к тому же его голову действительно занимали более существенные проблемы.

Большая часть знати не жаловала брелина даже при жиз-

ни его покойного батюшки, а после кончины брелона и вообще сорвалась с цепи. Главы знатных родов не скрывали своего скептицизма по поводу обоснованности возведения Лега на трон. Среди членов Совета Мудрости ходили слухи о существовании тайного указа брелона о передаче трона. Если таковой действительно существовал, имя преемника там должно было сильно отличаться от имени его первенца, к которому престол переходил по закону. Леег старался закрыть глаза на очевидную немилость знати и планировал сместить добрую половину Совета, как только вступит в права. Он намеревался поставить на высокие должности проверенных людей из круга своих немногочисленных друзей, наследников старинных кланов, и членов братства Волков. В целях предосторожности молодой брелин приставил дополнительную охрану к своим покоям, на время сна прятал острый кинжал под подушкой и всегда давал пищу на пробу своей комнатной собачонке перед употреблением. Паранойя наследника возрастала, он подозревал, что Жрец тоже состоит в сговоре со смутьянами и поэтому медлит с оглашением даты. Разговор со старшим советником его немного успокоил. Он доверял старику... насколько он вообще мог доверять кому-либо. Старший советник работал бок о бок с его отцом сорок лет, до этого лет десять служил его деду. За все время службы он не был уличен ни в чем подозрительном, его репутация была безупречной. Двое из его семерых сыновей были Волками и несли свою службу так же безукоризненно,

как их родитель.

Леегу нужно было продержаться всего четыре дня. Коронация состоится, он взойдет на трон и станет законным правителем своей страны. Проведет несколько реформ, чтобы расположить к себе народ. Разберется со знатью: одних задобрить, других запугать. Все пойдет своим чередом, он справится. Не к этому ли его готовили всю его жизнь? Он был рожден правителем. Лишь маленький тонкий голосочек в глубине подсознания молодого брелина неустанно напоминал ему о том, что он был рожден с изъяном. В голову снова лезли самые отвратительные и грязные мысли. О том, что он не сын своего отца, что не может наследовать престол по крови, что он лжец, подделка.

Леег узнал о своем изъяне, когда ему было двенадцать. Юный брелин подслушал разговор двух отставных членов Совета, которые беспечно наслаждались охотой, не подозревая, что престолонаследник практикуется в стрельбе из лука совсем рядом. Один из них в ходе светской беседы обмолвился, что наследник совсем не похож на своего отца и мало проявляет качеств, присущих льву. Другой согласился и добавил, что, возможно, знает в чем причина. Мол, через несколько дней после рождения брелина, рожала его собственная жена, и одна из повитух, оказав помощь его супруге, задержалась в их доме, разболтавшись с прислугой. Из ненароком услышанной болтовни чиновник извлек следующее: якобы брелонесса разродилась еще ночью, а новорож-

денного представили свету только под утро. В связи с этим женщины спорили, что же на самом деле могло произойти. Одна говорила, что, должно быть, младенцев было двое, но один из них скончался, другая настаивала, что младенца подменили, третья порола еще какую-то чушь. Однако, чиновник любопытствовал и послал своих известников расспросить замковую охрану и слуг о той ночи. Так вот, некоторые из них утверждали, что около двух ночи из покоев брелонессы выгнали всех служанок и повитух и впустили их обратно лишь через некоторое время. Найти тех самых служанок чиновнику так и не удалось.

После того случая мысль о том, что с ним, Леегом, что-то не так прочно засела у брелина в голове. Он долго мучился и не решался расспросить об этой проблеме отца. Тот становился жутко мрачным при любом упоминании о покойной супруге. У самого Леega были лишь отрывочные, смутные воспоминания о матери. Он помнил, что та была очень красива и громко смеялась. Брелин решил разобраться с этой тайной своими силами. Он зарылся по уши в старые семейные архивы и обнаружил толстую книгу, где упоминались все женитьбы и рождения детей в их династии за последние два столетия. Мальчик раскрыл книгу на случайной странице и увидел там записи о свадьбе своего прапрапрадеда и рождении его многочисленных детей. Напротив каждого из имен его предков был мелко нарисован знак Прародителя, которым тот был отмечен. Одна из записей привлек-

ла его внимание. Леег пригляделся: цвет чернил, которым было выведено имя, сильно отличался от остального текста, был намного бледнее, как будто его пытались стереть. Брелин несколько раз прочел имя, стараясь извлечь из памяти какие-нибудь детали о родственнике. Мальчик, несомненно, слышал его имя раньше, когда-то давно, когда еще только начал обучаться в Красном крыле. Леег наконец вспомнил: обладатель имени был одним из известных Волков, практически родоначальником ордена, его военные приспособления до сих пор использовались северовершинскими войсками. Однако, не за это его имя помнили по сей день. Этот его предок был известен как самый влиятельный бастард за всю историю Северной Вершины. Бастард. Он был рожден от брелона и наперсницы одной из его дочерей. Мальчик, выращенный в замке, воспитывавшийся с пеленок Волками, но получавший слишком много внимания от Его Величества для обычного воина.

На последней заполненной странице книги были записи о свадьбе брелона и брелонессы и о рождении их детей, Леега и Велисии. Район Четвертый Анталек и Эмея Шуль – брак: двенадцатого дня льва-месяца. Леег Район Анталек рожден третьего дня соколицы. Холодный липкий пот выступил на лбу Леега. Тогда-то юный брелин и пришел к этой мысли. Что он не сын своего отца. Мальчик был рожден всего лишь через семь с половиной месяцев после женитьбы брелона. Его отец и мать ни разу не виделись друг с другом до сва-

дъбы.

Лев проснулся с наступлением сумерек. Воздух ощущался свежим, прозрачным, без дневного дымчатого марева. Зверь чувствовал довольно сильный голод: последняя охота была пять дней назад и окончилась не вполне удачно. В ту ночь большую часть добычи у Льва отняла стая гиен. Ночной лес был освещен ярким светом растущей луны – не совсем идеальное время для очередной охотничьей вылазки, гораздо больше шансов на успех у Льва было бы, покуда луна была скрыта облаками, а все вокруг погружено в мрак. В полнейшей тьме у него было преимущество перед другими хищниками: более острый глаз.

Лев почти оставил мысли об охоте, когда внезапно почувствовал в воздухе запах, который не смог проигнорировать. Чуть сладковатый и в то же время кислый, щекочущий горло, оставляющий на языке металлический привкус. Запах свежей крови. Более того, он знал, чья это была кровь. Этот запах он бы не перепутал ни с чем, потому как слышал его множество раз. Где-то поблизости находилась раненная барасинга. Она была совсем рядом, крови было много, а значит, это была крупная особь, либо с серьезной раной. Льва устроил бы любой из этих вариантов.

Он спрыгнул с дерева и стремглав помчался, ведомый удушающим, затуманивающим сознание запахом приближающейся смерти и насыщения. В нескольких метрах от источ-

ника запаха Лев затормозил, повел носом еще раз, оценивая обстановку, пытаясь учуять что-то постороннее, потенциальную угрозу. На мгновение хищнику показалось, что к кисло-ватому аромату покидающей тело его будущей жертвы жизни примешивалось что-то еще, не столь соблазнительное, но тоже живое. Такой запах Лев тоже чувствовал однажды, но где именно – вспомнить не смог. Мышцы на его крепких ногах уже напряглись для решающего прыжка, но хищнику так и не удалось его совершить. Загривок животного пронзила стрела.

В ночь после свадебной церемонии в особняк тринадцатого принца было доставлено письмо из Северной Вершины, в котором старший советник от имени будущего брелона приглашал принца с супругой на коронацию, которая должна была состояться уже через два дня, так что нужно было поспешить. Сердце прекрасной брелины было разбито не только скоропостижной кончиной ее дорогого родителя, но еще и тем, что она не смогла присутствовать на его похоронах. Что делало для нее еще более важным быть рядом с братом в такой поворотный момент для ее семьи и страны. Несмотря на слепое доверие фазанки брату, Хару не слишком надеялся на любовь того к сестре. Именно поэтому он настаивал на том, чтобы в Северную Вершину Велисия вернулась уже как член другой семьи. Только так можно было наверняка защитить ее от наказания.

Молодая чета двинулась в путь ранним утром, сопровождаемая охранниками и волком.

– Хару, что же будет с Иртаном? – обеспокоенно спросила брелина супруга, когда те остались в уединении, сидя друг напротив друга в повозке.

Дракон, который с утра выглядел немного более расслабленным, чем обычно, снова помрачнел. Тот факт, что вне зависимости от того, какая опасность грозила брелине, она всегда беспокоилась о ком угодно, только не о себе, злил принца.

– А что с ним? – спросил тот с напускным равнодушием.

– Думаешь...его могут обвинить в моем похищении? – пространно произнесла Велисия, глядя в окно, за которым Иртан ехал верхом вместе с остальной охраной. Девушка старалась не выдавать эмоций. Она осторожничала, помня о весьма различимом гневе, с каким дракон вчера обвинил ее в излишней любви к хранителю.

– Я скажу, что он спас тебе жизнь, его сделают героем и наградят орденом, – устало выдохнул Хару, отворачиваясь к окну, чтобы скрыть свое раздражение.

– Благодарю, – робко ответила фазанка, пряча взгляд. После событий ночи брелина вела себя необычайно тихо. Ночная откровенность Хару, его страсть и нежность растворились с первыми лучами солнца, и принц вернулся к более знакомому ей, сдержанному состоянию. Он говорил с женой так же учтиво, как раньше, не посылал в ее направлении ни-

каких выходящих за рамки приличий взглядов и практически к ней не прикасался. Фазанка была этому рада, она могла вести себя как обычно. Велисия не знала, делал ли это дракон намеренно, чтобы облегчить ее участь и избавить от надобности испытывать неловкость, или же таким он будет всегда. Также брелина не до конца понимала, какой из этих двух возможностей она страшилась больше всего.

Молодожены мчались весь день и ночь без остановок, чтобы успеть вовремя. В дороге супруги почти не разговаривали. Тринадцатый принц по большей части был занят изучением документов на каком-то неведомом брелине языке, иногда прерывая работу на кратковременный сон. Фазанку не столько удивило, сколько огорчило то, что даже во сне дракон выглядел напряженным.

Сама девушка не могла сомкнуть глаз и, насколько хватило светового дня, занималась чтением одной любопытной книги. Небольшой томик был подарком молодоженам на свадьбу от третьего цензора Рэй Тана. Он не стал поздравлять супругов лично, поэтому о том, что мужчина был вчера в саду, брелина узнала только раскрыв книгу, которую она выбрала второпях среди груды других подарков, надеясь, что та скрасит длительность дороги. На первой странице стояла подпись цензора с наилучшими пожеланиями. Эта книга привлекла фазанку своим названием: во-первых, оно было написано на языке, который Велисия знала, что не могло не радовать и означало, что шансы насладиться чтивом резко

возрастали. Во-вторых, в самом названии было что-то притягательное. Она называлась «Там, куда птицы летят после шторма» и была написана неизвестным автором. Фраза на обложке книги могла означать также «Место, где дети сходят с небес», но косяк птиц, украшающий ее корешок наводил на мысли о первом варианте.

Название и текст книги были написаны на языке киалу, наречии, принадлежавшем мистическому народу, жившему на территории Империи сотни лет назад. В качестве наследия утерянная цивилизация оставила после себя огромное количество стихов и песен. Киалу был языком широко известным в узких кругах ценителей сочинительского искусства, коим брелина увлеклась пару лет назад. Существовало достаточно много переводов работ киалу на другие языки, при этом о самом народе практически ничего не было известно. Их поэзия была настолько иносказательной, что извлечь из нее какие бы то ни было точные данные об обычаях древнего народа и его быте было невозможно. Киалу использовали ту же систему письменности, что драконы, но звучание слов, сам их слог и строение фраз были абсолютно другими. О, как юная брелина мечтала хотя бы раз услышать эту речь вживую! Разумеется, ценители поэзии киалу практиковали использование этого языка в повседневной жизни, говоря на нем между собой, когда хотели исключить неосведомленных слушателей из своего разговора, но выходило это у них криво и косо, как линии, вышедшие из-под кисти ху-

дожника-недоучки. В дороге красивые, идиллические картины, описанные киалусскими мастерами, подарили брелке не немного душевного покоя.

* * *

День начинается для каждого человека в разное время. День вообще загадочная субстанция. Одни дни длятся лишь мгновение, другие могут тянуться много лет. Для седовласого старика, что был самым прославленным пекарем в городе, день начинался тогда, когда для иных начиналась ночь. Старик заводил тесто в огромной деревянной кадлушке, в какой барышни из иных крестьянских семей побогаче принимают ванны. Тесто выстаивалось и к восходу солнца поднималось над краем посуды, как диск небесного светила над горизонтом. Тогда старик делил тягучую массу на части и раскидывал в посуду поменьше. В какие-то добавлял пряные травы, в другие толченые сушеные грибы или корни целебных растений. И каждый хлебушек у него получался узорным, резным, как ставни окон. На вкус не сладкий, не соленый, мякоть тает во рту как снег на весеннем солнце. Есть этот хлеб можно было только в течение нескольких часов после выпекания. Потом это уже был булжик, поднятый с мостовой. Поэтому хлеб невозможно было продать в другие города, желающие отведать знаменитую выпечку специально съезжались к старику в его маленькую лавку со всей округи.

Одну из таких чудесных буханок и задумали умыкнуть две наглые, но очень обаятельные птицы. Старик выпекал

хлеб и оставлял его на полчаса остыть на заднем дворе. Проказники выждали момент, когда пекарь отправится за новой партией выпечки и на пару стащили большую продолговатую буханку, которая была слишком тяжела, чтобы ее мог унести только один из них.

Отлетев на безопасное расстояние от места своего коварного преступления, птицы уселись на землю. Тогда они прочли надпись, в которую складывался узор на буханке. Там говорилось: «На этот раз прощаю».

– Жуть какая... – прокаркал Рейдок. Люди обычно не чувствовали присутствия вариссов да и Умина раскусить не могли. Золотая птица согласно кивнула и принялась отклеивать от края хлеба маленькие кусочки. Рейдок последовал его примеру, хотя ароматная булка не вызывала у него энтузиазма. Варисс гораздо охотнее позавтракал бы парочкой дождевых червей или жирным слизняком, или еще лучше шелкопрядом. М-м... шелкопряд... давно он не лакомился ими. Ворон поджидал момент, чтобы утолить свой голод незаметно от парнишки – не хотел давать ему лишний повод для поддразнивания. Отношения птице-мальчишек стали намного лучше в последние дни, но они все еще были далеки от теплых.

Сближению поспособствовало совместно пережитое потрясение. Вот уже три дня они были заперты в своем птичьем обличии. Для Рейдока происходящее показалось слегка раздражающей неприятностью, так как воронья форма была для

него первичной. А вот Умин переносил инцидент гораздо хуже. Варисс подозревал, что самым мучительным в этом новом положении дел для паренька была невозможность говорить. Птичьи звуки Умин использовал крайне редко и без какой-либо упорядоченности, следовательно, выразить таким образом свои мысли не мог, это его собрат по несчастью понял уже давно. Ворон стал единственным существом, с которым паренек мог как-то взаимодействовать. В этой связи Рейдок искренне сочувствовал бедолаге. Впрочем, в душе он по-прежнему недолюбливал смазливового наглеца.

Как истинный варисс, он относился с недоверием и долей осуждения к таким оборотням, как Умин, что становились птицами ради развлечения. Рейдок находил само существование таких людей оскорбительным. Отчасти именно благодаря проделкам таких птице-людей за вариссами и гналась их дурная слава. Они слыли ворами и мошенниками, хотя ничего общего с крылатыми оборотнями не имели. Вариссы жили в организованных общинах с четко определенным порядком. На территории Свободной Коммуны они разводили шелкопрядов, личинок жуков и других насекомых, которыми питались. У них были свои дома на верхушках деревьев, свой вождь и совет старейшин. Оборотни же обыкновенно были одиночками без семьи, промышляющие мелким разбоем и разного рода мошенничеством. Поэтому Рейдоку было тяжело примириться с мыслью о том, что ему придется стать союзником одного из таких пройдох.

Умин казался вполне безобидным пареньком, но что-то в нем тревожило варисса. У этого мальчишки была чрезвычайно сильная энергетика. Рейдок заметил, что даже столь почитаемая птицами, известная своей силой воли наследница фазана не могла устоять перед чарами парня. Варисса не покидало ощущение, что за фасадом наивности и разгильдяйства скрывается какая-то невиданная сила. Это вызывало у Рейдока одновременно беспокойство и интерес, так что он решил, что лучше оставить такую неоднозначную фигуру в поле своего зрения. Магия Учителя отбросила птиц далеко на запад и нарушила тонкий баланс их внутренних навигационных организаций, варисс не был уверен, сколько времени у них займет путь обратно в Империю.

* * *

Тринадцатый принц с супругой прибыли в столицу Северной Вершины в ночь перед коронацией. Брелин не поприветствовал их. Старший советник сослался на легкое недомогание наследника. Как Велисия ни молила позволить ей хотя бы взглянуть на брата после всего, что произошло, двери покоев Леega остались закрытыми.

– Госпожа! – услышала брелина знакомый голос. К ней со всех ног бежала молодая темноволосая девушка в чепчике, что носили работницы кухни.

– Кира! – фазанка крепко обняла девушку, та разразилась громкими рыданиями.

– Я уж думала, нам с вами теперь век не увидеться!

Велисия тоже не сдержала слез: горничная была ее самой близкой и дорогой подругой.

– Почему ты в фартуке?

Кира затравлено взглянула на госпожу, будто в чем-то провинилась.

– Я теперь помогаю на кухне, – робко ответила девушка.

– Чье это распоряжение?! – брелина начинала сердиться. Она взглянула на руки служанки – те были все черные, со сломанными ногтями, пальцы покрыты заживающими порезами. Фазанка взяла девушку за руку, – Что именно ты делаешь на кухне?

– Ничего особенного! То тут, то там подсоблю, – тут же отозвалась служанка с напускной веселостью. Велисия осмотрела девушку внимательнее – на тонких запястьях девушки и на лице, возле уха расцветали синяки.

– Что это, Кира? Тебя били?! Кто это сделал?

Девушка лишь трясла головой, отказываясь отвечать.

– Это был приказ наследного брелина, – из-за угла на девушек двинулась низенькая, круглая фигура казначея. – Не избиение, разумеется, а перевод на кухню. С возвращением, Ваше Высочество.

Велисия проигнорировала приветствие:

– С какой стати Леегу отсылать мою камеристку на кухню, когда меня не было всего две недели?

Мужчина пожал плечами.

– Быть может, Его Высочество счел, что, учитывая ваш

новый статус, вам и обслуга теперь понадобится новая, – с этим казначей скрылся во мраке коридора.

Брелина раздраженно схватила Киру за руку и потянула за собой, та не сопротивлялась. Фазанка привела ее в свои старые покои, где они жили бок о бок шестнадцать лет.

– Вот, оставайся пока здесь, запишись на ключ и никого не выпускай. Для нас с Хару отвели гостевые покои, так что эти комнаты все равно будут пустовать. Завтра я поговорю с Леггом.

Глаза служанки наполнились слезами, она благодарно обняла Велисию.

– Спасибо, госпожа! Вы ведь заберете меня с собой в Империю? Вы не бросите меня?

– Конечно! – брелина успокаивающе похлопала девушку по спине. – Я же обещала, что мы поедем вместе. Мы еще должны найти тебе богатого жениха, помнишь?

– Я так боялась, что вы сбежали! – всхлипнула служанка и тут же прикрыла рот рукой. – Простите, госпожа, болтаю чепуху!

Кире, разумеется, было известно о чувствах брелины к волку. Велисия покачала головой.

– Я не смогла...наверное, я действительно люблю Хару...

– А я так и знала! Как же я счастлива! Госпожа, расскажите, что случилось, пожалуйста. Я чуть с ума не сошла, когда вы пропали!

Фазанка тепло улыбнулась и начала рассказ. Она поведе-

ла обо всем, что случилось после церемонии инициации, а служанка слушала с открытым ртом и просила дать больше подробностей.

Через час брелина прошла в свои новые покои. Она вошла внутрь очень тихо, боясь, что Хару уже спит, и оказалась права. Дракон лежал на животе, широко раскинув руки, освещенная тусклым светом луны, его обнаженная спина была почти такой же белой как простыни, с обеих сторон от впадины его позвоночника зловеще багровели две полосы.

Брелина была слишком уставшей, чтобы сменить наряд, и прошла прямо к ложу. Она забралась на него с большой осторожностью, стараясь не разбудить мужа. Дракон спал очень беспокойно, его руки были в движении, то и дело сминая простыни и подушки. Через какое-то время он начал тихо стонать, будто был в агонии. Его тело изогнулось, он издал сдавленный крик, звук которого утонул в толстой перине ложа.

– Хару! – позвала перепуганная брелина. Дракон ее не слышал, что-то терзало его изнутри. – Хару, проснись! – закричала Велисия, хватая мужа за руки, которыми он начал расцарапывать себе спину.

Через несколько секунд борьбы тринадцатый принц открыл глаза, его тело обмякло, кисти рук расслабились, ногти больше не впивались в кожу. Он тяжело дышал. Дракон медленно сел, морщась от боли.

– Я позову лекаря!

Хару остановил девушку, придержав за запястье.

– Не нужно, мне уже лучше, – сказал принц, задыхаясь.

Велисия придвинулась к мужу, ощупала кончиками пальцев лоб – холодный. Брелина провела ладонью по лицу дракона, убирая прилипшие к мокрой от пота коже волосы.

– Тебе больно?

– Уже нет, – выдохнул принц.

– Дай посмотрю, ты сильно себя поцарапал, – попросила

Велисия.

Хару помотал головой, его глаза наполнились болью.

– Пожалуйста, не смотри, я уже в порядке.

Дыхание дракона понемногу успокаивалось.

– Как мне тебе помочь? – спросила брелина с отчаянием, не в силах просто наблюдать муки дракона в бездействии.

– Просто побудь со мной, – прошептал Хару, прикасаясь рукой к шее фазанки, притягивая ее к себе. Губы дракона жадно прильнули ко рту девушки.

* * *

Ирган вернулся в Красное Крыло с чувством, словно не был там уже тысячу лет. Братья встретили его с шумом и реброломательными объятиями. Волка подозревали в похищении брелины, замковая стража хотела посадить его в темницу до утра, пока не решится его судьба, но тринадцатый принц, к всеобщему удивлению, вступился за него.

– Вы с ящером, я погляжу, сблизились, – шутливо пробасил Армил, отвесив младшему, на правах лучшего друга, за-

трещину.

– Чего было-то, давай рассказывай!

– Давай-давай! – вмешались другие братья, однако, волк не успел ничего поведать товарищам.

Один из старших волков, второй сын старшего советника, пришел за Иртаном. Мужчина не объяснил, куда они идут и зачем. Волка привели в маленькую, душную комнату без окон, меблированную лишь старым столом и несколькими стульями. В комнате пахло свечным воском и гнилью. За столом сидел старший сын советника, тот, что входил в Совет Мудрости.

– Присаживайся, Иртан, – дружелюбно сказал он, указывая на стул рядом с собой. Волк повиновался. Второй сын советника сел рядом с братом.

Морщинистое лицо старшего брата сложилось в неприятную улыбку.

– Мы очень рады, что ты, наш брат, вернулся к нам в целости и сохранности, смог выполнить свой священный долг и спасти Ее Высочество от верной гибели. Однако, тебе будет полезно знать, что не стоило выполнять свой долг так ответственно.

Иртан нахмурился, не понимая, к чему клонит старший волк.

– В этом есть и наша вина, нужно было рассказать тебе обо всем раньше, – продолжил мужчина, – но ты должен понять, нам необходимо было держать все в тайне до послед-

него, в целях безопасности. Не буду тебя томить, брат мой, и расскажу все как есть. Иртан, ты помнишь историю первого поколения Красных Волков?

– Волки правили Северной Вершиной до объединения племен, после того как началась смута, династия львов оказала волкам поддержку. С тех пор волки служили львам.

– Все верно, – одобрительно кивнул старший волк, – но куда же делась брелонская семья, когда на престол взошел новый правитель?

– Бывший брелон, Разнел Третий, стал первым Красным Волком, – ответил Иртан.

– Да, так мы привыкли думать, но что, если это ложь? – старший волк придвинулся к Иртану, вперившись в него своими маленькими глазками и обдав волка несвежим дыханием. – Что, если Разнел был самозванцем и предателем, убившим законного правителя, а потом, не справившись с бременем власти, сложившим лапки перед львами?

Молодой волк вжался в спинку стула, стараясь отодвинуться от старшего.

– Настоящим правителем Северной Вершины в то время был Данир Громогласный, а Разнел был его правой рукой. Он предал Данира, убил его и занял трон. Жена Данира и двое их детей сбежали, а ты, брат мой, никто иной, как их прямой потомок.

– Что?! – Иртан в недоумении переводил взгляд с одного брата на другого, но младший не выказывал никаких эмо-

ций. Старший же глядел на Иртана с выражением безумного триумфа.

– Не сомневаюсь, что ты поражен, и в этом нет твоей вины. Мы все забыли древний язык наших предков. Но именно в переводе с валгирского, языка древних волков, твое имя означает «сын короны». «Ир Тан», – не дав волку отреагировать, мужчина продолжил. – Ты был необычным ребенком, ведь так. Рожденный в семье, где сроду не бывало волчьей крови. Так может, все от того, что ты и не был рожден в этой семье вовсе? Твой дед нашел тебя в лесу, когда тебе было два года. Ты был окружен волчатами, которые липли к тебе, как щенки к хозяину. Именно так твой дед сказал на допросе.

– Вы его допрашивали?! – кровь волка закипела при упоминании об умершем опекуне.

– Не мы, а люди, посланные самим брелоном, они же и поспособствовали скоропостижной кончине твоего деда, земля ему будет пухом. Прости, брат, мы узнали об этом слишком поздно, чтобы его спасти, – густые брови старшего волка сдвинулись к носу, в попытке изобразить на его лице сожаление.

– Зачем?

– Затем, что твой дед был единственным, кто знал или догадывался о твоём происхождении. Когда он нашел тебя, на твоей шее висел медальон с надписью Ир Тан, выгравированной на древневалгирском. Твой дед был образованным и смог прочесть, он и дал тебе это имя, не так ли?

Это было правдой. Именно дед дал маленькому волку странное имя, звучащее словно имя героя древней легенды.

– Этот медальон, должно быть, все еще в кабинете Его Величества, если хочешь доказательств, брат, придется туда пробраться. Брат Тири, отведи Иртана обратно, – обратился он ко второму мужчине, – когда получишь медальон, я расскажу тебе остальное.

Иртан вернулся в опочивальню молодых волков. Братья снова стали требовать от него подробностей его геройских походов, но тот невпопад отнекивался и, ссылаясь на усталость, просил отложить расспросы на другой день. Когда парни легли спать, Армил ткнул товарища в плечо с соседней койки.

– Эй, что с тобой, брат? Чего от тебя Тири хотел?

Иртан помедлил.

– Ты не согласишься... Армил, сможешь мне пробраться в покои Его Величества?

На смазливом лице громилы расплылась широченная улыбка:

– А то!

Мимо часового волки прошли незамеченными, ибо это было самой простой задачей. В ту ночь дежурил юный, еще не прошедший инициацию волчонок. С охраной брелонского крыла все обстояло сложнее. К весьма большой удаче Армил знал тайный ход, по которому они срезали большую часть пути. Волки вышли почти у самых покоев брелона. В

связи с кончиной правителя охрану у его опочивальни ослабили, коридор патрулировал один страж. Армил вызвался отвлечь охранника, но перед волками встала еще одна проблема – покои были заперты. В итоге, сначала Иртану пришлось отвлечь стража, пока Армил вскрывал замок складным ножиком. Когда замок таки поддался, громила укрылся в тайном ходе, а Иртан проник внутрь. Битый час ушел у волка на поиски медальона. Наконец, Иртан покинул опочивальню усопшего монарха.

– Я думал, без волос останусь, пока тебя дождусь! – полусшепотом пробасил Армил, пока они протискивались по узкому темному ходу. – Что ты там делал?

На его вопрос Иртан ответил лишь, когда друзья незамеченными вернулись в Красное крыло. Волк, к удивлению соратника, направился не в опочивальни, а в учебную библиотеку. Там парень отыскал секцию словарей. Армил все это время донимал друга расспросами. Наконец волк показал товарищу небольшой серебряный круглешок, величиной с монету, с высеченными на нем старинными письменами. Как и сказал старший, надпись была созвучна с именем Иртана и в переводе означала «королевский потомок».

Глава 15

Льва привезли в столицу еще до рассвета. Наконечник стрелы, что пронзила его толстую шкуру, был смазан сонным зельем. Тот смутно знакомый запах, что примешивался к запаху крови, исходил от людей. Как Лев понял потом, люди устроили для него ловушку, подбросив ему раненную барасингу и измазавшись в ее крови, чтобы скрыть от хищника свое присутствие. Дорога от родных краев Льва до столицы Северной Вершины заняла семь дней, и за это время хищник ничего не ел. Животное нервно нарезало круги в клетке, но на людей, собравшихся посмотреть на него, не обращало внимание. Среди присутствующих достойным внимания был лишь пожилой чиновник, член Совета, советник Его Величества по иностранным материям. Он был одним из самых почитаемых в высшем обществе львов после Его Величества и изъявил желание проверить надежность суждения потомка Пральва.

Клетку открыли, советник медленными, тяжелыми движениями человека в преклонном возрасте подобрал полы длинного одеяния и, с трудом перекинув ногу через порог из металлических прутьев, забрался внутрь. Лев отреагировал на чужеродное вторжение мгновенно и повернул голову к мужчине, посмотрел прямо ему в глаза осознанным взглядом. Наблюдавшие за происходящим чиновники замерли в

напряженном ожидании. Мужчина уверенно сделал несколько шагов в направлении черногривого животного. Лев разразился оглушительным рыком. Советник замер на месте, на его бледном лбу выступили капельки пота. Старик был абсолютно уверен в силе своего львиного знака, но инстинкты все равно заставляли его чувствовать безотчетный, примитивный животный страх. Уверенность советника, как и у многих носителей знаков в их стране, строилась по большей части на рассказах о случаях из его детства. Отец часто вспоминал, как в столицу приехали бродячие артисты и привезли с собой диких животных, в том числе и льва. Во время представления хищника что-то напугало, он перестал подчиняться командам дрессировщика и разорвал бы половину зевак в первом ряду в клочья, если бы не один мальчик – будущий советник Его Величества. По словам отца, малыш несколькими фразами смог успокоить рассвирепевшее животное. Осознание того, что в столь юном возрасте он мог оказывать такое действие на львов, всю жизнь придавало советнику внутреннюю силу. Однако, встретиться с настоящим диким зверем лицом к лицу здесь и сейчас было совершенно другим делом.

Лев повел в его сторону носом, будто учуял его страх, но не набросился на мужчину. Хищник медленно подошёл ближе, обдал лицо советника горячим, зловонным дыханием. Советник собрал всю свою силу духа, чтобы унять дрожь, зарождавшуюся внутри. С минуту Лев и человек смотрели

друг на друга, словно соперники, оценивающие сильные и слабые стороны противника. Когда происходящее надоело зверю, тот отвернулся от потрясенных наблюдателей, ушел в дальний угол клетки и лениво разлегся, повернувшись к людям спиной. Испытание было пройдено. Из клетки советник вышел изменившимся мужчиной. Он был преисполнен гордости и чувства единения с духами предков. Он был настоящим львом. Наследник Пральва признал в нем равного, и это больше не было байкой, какую рассказывают родители детям, дабы убедить их в том, что они особенные. Это произошло на глазах доброй половины Совета!

Именно советник по иностранным материям возглавил процессию, явившуюся в покои престолонаследника, едва тот закончил свой утренний туалет. Леег глядел на вошедших чиновников с деланно вежливым ожиданием. Он не предполагал повышенного внимания к своей персоне еще до начала коронации.

– Господа, чем обязан вашему визиту?

– Ваше Высочество, мы здесь дабы напомнить Вам о священном порядке обрядов, сопутствующих коронации, – учтиво начал советник. – Возможно, Вы запомнили, что перед коронацией наследник по обычаю наших глубокоуважаемых предков должен пройти испытание встречей с земным воплощением Прародителя, чьим знаком отмечен.

– Не припомню, чтобы отец когда-либо упоминал об этом обычае, – ответил брелин, нервно поправляя пуговицы каф-

тана.

– Позвольте вставить свое слово, – прокрихтел воевода Бражник. – Ваш батюшка был львом весьма выдающимся. До свадьбы с Вашей матушкой он держал в своем летнем дворце домашнего льва. Посему в проведении испытания не было необходимости. Лев был предан Его Величеству, был его лучшим хранителем и соратником. Было очевидно, что предки благоволили Его Величеству.

– За Вами, однако, таких особенностей в общении с животными Вашего знака отмечено не было, – продолжил советник. – Это не оставляет нам другого выбора, кроме как провести обряд испытания львом. Этой традиции несколько веков. Обряд определяет не просто принадлежность престолонаследника знаку Льва, но и насколько его знак силен. Воплощение Пральва почувствует Вашу слабость, если таковая есть. Прошу простить, Ваше Высочество, но мы, как народ, сейчас не можем позволить себе иметь слабого предводителя.

Леег замер на месте, сглотнул, обвел глазами собравшихся.

– А...лев как же? Имеется? – спросил брелин с плохо скрываемой дрожью в голосе.

– Имеется, Ваше Высочество, доставили буквально час назад. Прекрасный горный лев, с кем я уже имел удовольствие пообщаться один на один, – не без самодовольства ответил советник. Бражник скрыл смешок за кашлем.

– О, замечательно! Что ж... мне надобно закончить приготовления. Я полагаю, вы дадите мне пару минут, господа? – улыбка на лице Леега напоминала оскал.

Чиновники откланялись. Покинув покои брелина, вся процессия живо обсуждала реакцию наследника и делала весьма нелестные предположения об исходе сегодняшнего испытания. Чиновникам встретилась юная брелина, не оставлявшая надежд увидеться с братом. Мужчины с почтением поклонились фазанке. Когда почти все они скрылись из виду, девушка подозвала идущего в хвосте волка.

– Старший хранитель, что случилось? – обеспокоенно спросила Велисия. Волк осторожно огляделся по сторонам, прежде чем ответить.

– В Совете многие сомневаются в подлинности знака льва Его Высочества, – тихо сказал мужчина. – Они настаивают на испытании воплощением Пральва. Ваш брат, похоже, согласен.

Брелина сломя голову кинулась к покоям брата. Она чуть не сбила с ног охранника. Фазанка распахнула двери и перед ней предстала ужасная картина. Брат сидел на полу посреди малой гостиной бледный, почти зеленый, глаза его ничего не выражали. Брелина стремительно подошла к Леегу. Брат только тогда заметил ее появление.

- Зачем ты здесь? – прошелестел он бесцветным голосом.
- Брат, ты серьезно вознамерился пройти испытание?!
- Покуда хочу надеть свою корону, да, мне придется, –

раздраженно выплюнул брелин, наградив сестру презрительным взглядом, будто та сказала несусветную глупость.

– Ты же знаешь, что... для тебя испытание может закончиться смертью, – Велисия заставила себя сказать страшные слова.

– Лев не станет нападать на равного, – громко ответил Леег, хотя надменной уверенности в его голосе поубавилось.

– Но ведь ты не лев, – тихо произнесла брелина.

– Что ты сказала?

– Ведь твой знак нанесли после твоего рождения. Я... я думала, ты знаешь, отец рассказал мне...

Леег резко вскочил на ноги. Его лицо перекосило от злости. Брелина испуганно отшатнулась. Она никогда не видела брата таким.

– Отец наплел тебе невесть что, лишь бы скрыть правду, а ты слишком глупа, чтоб отличить настоящее от нелепой выдумки, – в голосе молодого наследника было столько яда, что брелине стали физически неприятно. Не получив от сестры отпора, Леег продолжил, – Правда в том, дорогуша, что твоя мамаша была такой же шлюхой, как и ты. В ее пузе уже был я, когда они с брелом поженились. Да-да! Брелон мне не отец, а я тебе не брат, потому что отказываюсь быть сыном и братом грязных потаскух!

– Как ты смеешь говорить такое о нашей матери! – голос фазанки срывался на плач. Леег отвесил сестре звонкую пощечину.

– Убавь тон, когда говоришь с правителем, – процедил он сквозь зубы. Брелина приложила ладонь к пылающей щеке, все еще не веря в происходящее. Из ее глаз ручьями полились слезы.

– Брат, поверь мне! Одумайся! Ты настоящий сын своего отца, а вот твой знак – подделка, лев убьет тебя...

– Заткнись! – проорал брелин, охрипшим от злости голосом. – Я лев. И я пойду туда, – он остервенело ткнул пальцем в окно, – и получу свою корону. Убирайся отсюда...

Брелин ушел в другую комнату, яростно стуча о дощатый пол каблуками. Брелина вышла из покоев точно привидение. Ее глаза отказывались глядеть, а ноги идти. Она спотыкалась почти всю дорогу, пока не вышла наружу. Во внутреннем дворе Хару разговаривал со своим дядей, но увидев фазанку, тут же подошел к ней.

– Вели, что это? – он тронул красную, начавшую распухать щеку, брелина поморщилась.

– Леег, – прошептала девушка.

– Этот подонок, я его убью!

– Нет, Хару! – в ужасе запротестовала Велисия, хватая супруга за грудки. – Пожалуйста, помоги ему! Леег идет на верную гибель!

– Достопочтенная брелина, – вмешался подошедший к паре капитан Широ, – не думаю, что испытание львом такой уж повод для беспокойства. История показывает, что животные крайне редко вредят наследникам своих предков.

– Какое испытание? – спросил Хару, глядя на мужчину с недоверием. Тот приподнял брови, пытаясь сказать племяннику нечто важное без слов.

– Всего лишь обычай Северной Вершины. Будущий правитель встретится один на один с горным львом.

Брелина ослабила свою хватку на одеждах дракона. Она не могла при Широ раскрыть Хару тайну своего брата. Обесчестить его во имя спасения? Но ведь, если другие узнают о подделке знака льва, Леega признают предателем и тогда...его ждет казнь. Голова фазанки разрывалась на части от терзающих ее сомнений. Вот бы найти сейчас Иртана! Он бы помог брату бежать!

Ничего не объяснив мужу, девушка ринулась в Красное Крыло. Она прибежала туда и, задыхаясь, спросила часовых, внутри ли Иртан. Мальчишки ответили, что все старшие Волки уже давно на главной площади. Тогда Велисия снова кинулась к покоям брата, но того уже там не было. Все было кончено.

* * *

Льва доставили на главную площадь в небольшой элегантно выкованной клетке с золочеными прутьями. В центре площади за ночь было возведено высокое деревянное ограждение, а также зрительские трибуны. Все было готово к испытанию. Льва выпустили в загон, вокруг которого начала собираться толпа. Вскоре на трибунах не осталось свободного места. Простой люд желал собственными глазами узреть,

чего стоит новый правитель. Последними свои места заняли члены Совета Мудрости и сестра наследника с мужем.

К загону привезли Леega. С трибун слышались возбужденные фразы зрителей, сказанные вполголоса. Молодой брелин был сам на себя не похож. Его тонкая длинная фигура была сгорблена, точно у старика, он шел к загону, как преступник, приговоренный к казни. Увидев состояние престолонаследника, толпа затихла. Тут и там слышался встревоженный шепот.

– Леег! – прокричала Велисия, конец ее фразы утонул в рыданиях. Брат не обернулся. Дракон обнял жену, закрывая собой ей обзор.

Ворота загона распахнулись, и брелин шагнул вперед. Это была стремительная смерть, почти мгновенная. Самым страшным для Леega в тот день были пять секунд ожидания, когда голодный лев длинными быстрыми прыжками приближался к нему. Лев перекусил брелину шею, тот умер в тот же миг, даже не успев крикнуть. Для наблюдавших за расправой страшнее было кровавое месиво, последовавшее за этой точной атакой. В тот день на трибунах было даже несколько маленьких детей. Матери закрывали им глаза и уши, но вот себе закрыть их не могли. Страшная картина расправы навсегда осталась в их памяти. Такова была воля их предков.

Брелина зажмурила глаза так сильно, что они начали нестерпимо болеть. Ее собственные рыдания не могли заглушить тот ужасный звук, с которым лев расправлялся с те-

лом ее брата или вопли шокированной толпы. Фазанка надеялась, что сознание оставит ее, что когда-нибудь наступит тот момент, когда ее разум не выдержит. Он так и не наступил.

Причина, по которой Леег заблуждался насчет подлинности своего знака, крылась в том, что у него было несколько детских воспоминаний о прирученном льве его отца. После женитьбы на Эмее брелон самолично вывез священное животное глубоко в лес и отпустил на свободу. Однако, первые несколько лет после разлуки брелон тосковал по любимцу и периодически навещал его в новом пристанище. У человека и льва было условное место встречи, где они ждали друг друга. По воспоминаниям Леega лев был настолько разумным, что понимал, в какой день брелон будет его ждать. У брелина осталась пара ярких воспоминаний, когда отец якобы брал его с собой. Маленький трехлетний мальчик гладил льва по гриве, трепал за морду, забирался на него верхом, и зверь его катал. Эти эпизоды так прочно засели у Леega в голове, что он ни разу не усомнился в их правдивости. Никогда у него не возникало мысли о том, что, даже в действительности встретив льва в таком юном возрасте, он, скорее всего, не запомнил бы этой встречи. Детальность, с которой молодой человек помнил эти прогулки, походила на то, как большинство людей помнят свое раннее детство: общей картины в памяти не остается, лишь несколько ярких пятен. Однако, чего юный брелин не знал, так это, что в детстве с ним про-

вел работу еще один предатель их семьи – Верховный Жрец. Мало кому это было известно, но загадочный чернобородый мужчина обладал мощным даром воздействия на чужой рас-судок. Он поместил ложные воспоминания в сознание маль-чика, как и посеял зерно сомнения в кровном родстве между Леегом и брелоном. Предательский план, воплощавшийся в жизнь четырнадцать лет, наконец подходил к своему завер-шению.

* * *

С неудавшейся коронации нового правителя прошло два дня. Льва увезли на родину, загон разобрали, трибуны унес-ли, кровь смыли. Столица все еще бушевала. На улицах, в торговых лавках, харчевнях и домах горожан шли оживлен-ные дискуссии по поводу скоропостижной гибели брелина. Пекари за приготовлением праздничного каравая обсужда-ли его неуверенный вид перед испытанием. Цветочницы ана-лизировали скорость Льва, когда тот набросился на парня, пока плели венки для украшения улиц. Художники, натачи-вая свои карандаши, рассуждали, смог бы бедняга сбежать из загона, если бы попытался. Все кому не лень отмечали, что брелин не предпринял ни одной попытки защитит себя, будто его инстинкт самосохранения не сработал.

– Любая тварь билась бы в ограждение, сделала б пополз-новение убежать, он же стоял, как пригвожденный к месту, – задумчиво произнес пекарь.

– Это страх его так сковал, я когда был малой, меня чуть

не затоптало стадо коров, а я просто стоял на месте, даже когда они уж далеко убежали, – ответил его помощник.

– Вот-вот, посмотрела б я на вас, молодчики, куда б вы в той клетке стояли да как бы далеко убежали, а может, скажете, даже драться стали бы со зверем! – насмешливо сказала молочница.

– А как же! Ух я б его! – хорохорился пекарь, хватая пышнотелую молочницу за талию.

Несколько посетителей, зашедших за свежим хлебом, при виде этого зрелища разразились хохотом.

– Что странно, брелин даже крикнуть не успел, – удивился помощник.

– Так лев-то его за горло как схватил! Хватка у них железная, не вздохнуть, не выдохнуть, – со знанием дела пояснила молочница, ловко изворачиваясь из объятий.

– Брелину жалко, – присоединилась к разговору дочка пекаря, – всю семью потеряла.

Смех и гомон в пекарне тут же стихли, горожане пристыженно переглянулись, внезапно почувствовав к фазанке искреннее сопереживание.

Вот все и было готово. Главная площадь украшена зелеными гирляндами из ветвей яблони и яркими огненно-лиловыми венками из цветов пуансеттии. Горожане, надев свои самые новые и лучшие наряды, ждали появления виновников торжества. Городские часы пробили двенадцать, и на невысокой часовой башне возникли две фигуры. Молодой

человек с сиреневыми волосами и девушка – наследница огненного фазана. Их головы венчали золотые короны, ослепительно блестящие в лучах полуденного солнца. Толпа под часами замерла, как один устремив взоры на венценосную пару, а через мгновение разразилась одобрителными криками и свистом. Народ Северной Вершины приветствовал своих новых брелона и брелонессу.